

ИГОРЬ ДИКАРЕВ

КРОВЬ
Надежда
ЭГОИЗМ

Annotation

Рушатся империи, бегут, словно крысы с корабля, сильные мира сего, наступает опасный враг, грозя уничтожить весь цивилизованный мир. В этих условиях наследник великой империи пытается вернуть себе трон, а наш земляк ищет спасения для себя и своих близких, а кто-то во время всеобщей суеты спокойно и размеренно наводит порядок в новом доме.

Кровь. Надежда. Эгоизм.

Глава 1 Олод. Дела государевы.

Каждое применение магии продлевает жизнь – это уже доказали учёные мужи прошлых поколений. В том, конечно, случае, если это не фаербол, летящий напрямик в тебя. Заурядный маг за год жизни может наколдовать такое количество заклинаний и потратить столько манны, что продлит свой жизненный срок не более чем на пять-семь дней. Хороший маг способен продлить своё существование на срок вдвое больше. Великий – в десять раз больше. Таким образом, будучи магом невообразимо сильным, можно достичь бессмертия (из сохранившихся страниц дневника Эквиллиона)

Редки выходные у людей на высоких должностях. И чем выше должность, тем реже удаётся отдохнуть. Не было на всём Триале человека с более высоким положением, чем Верховный магистр Айн. Он давно уже прекратил практиковать магию, не читал книг, а с семьёй виделся гораздо реже, чем с многочисленными советниками.

В этот день, впервые за очень долгое время, у него выдался выходной. Айн спокойно прогуливался по саду, который был неотъемлемой частью дворца, и пытался очистить голову от тревожных мыслей. Фонтан, яркая экзотическая живность и растительность сада весьма этому способствовали. Магистр потянул руку, чтобы коснуться цветка на дереве, которое цветёт один раз в несколько лет. Но коснуться его он не успел.

— Всё пропало, магистр! Всему конец! Враги! Кругом враги!

— Феодус, прекрати! Не нужно кричать. Скажи внятно...

— Они напали! Все! Разом!

— Завр тебя подери, Феодус! Успокойся! Хватит мельтешить у меня перед глазами!

Сядь и спокойно всё объясни! Неужто три года, проведённые тобою на Халионе, лишили тебя рассудка? Я понимаю, что ты долго не был в культурном, цивилизованном обществе и долгое время тебе приходилось общаться с одними лишь работниками и воинами из экспедиции. Но всё же, будь любезен, возьми себя в руки!

— Да. Да. Вы правы. Правы! Всё, беру себя в руки. Беру себя!

Чудаковатый Феодус хоть и был рождён в исконном мире олодцев, дожил уже до преклонных лет, когда иным людям суетиться уже вовсе не стоит или хотя бы не хочется, а кроме того, являлся прекрасным магом, но всё же оставался тем ещё чудаком. Именно поэтому верховный магистр и отправил его на другой континент в продолжительную экспедицию. От греха подальше. Без чудака во дворце было гораздо спокойнее, да и у экспедиции была хоть и шальная, но всё же опытная голова. Теперь, когда он вернулся, вновь во дворце будет стоять шум, ежедневный переполох, паника и истерики.

Вот и разговор, проходивший в саду, полном удивительных деревьев, коллекция которых была собрана со всего континента, оплетённых стеблями лиан и увешанных терпко пахнущими цветами, обещал не быть скучным. Феодус, едва вернувшись из экспедиции, сразу же был назначен на ответственную должность, ведь если оставить его без дела, то он либо что-нибудь взорвёт, либо сведёт верховного магистра с ума.

— Докладывай, Феодус!

— Да, да! Уже начинаю, ваше могущество! Начинаю! Наши северные провинции атакованы! Насколько мне известно, это катариянцы! В южную и центральную уже начали вторгаться орки. Жителей Северо-Востока обстреливают длинноухие. На Востоке дела ещё хуже! Зелёные звери тоже решили атаковать нас! Представляете? Атаковать нас! Гоблины!

— А люди с Востока тоже атакуют?

— Что? А, нет! Они пока стоят в стороне. В сторонке. Возможно, ждут подходящий момент, чтобы напасть. Подло атаковать!

— Так, ты! — верховный магистр указал пальцем, увешанным зачарованными перстнями, на одного из слуг, который стоял возле дверей, изображая статую. — Быстро беги за Неназываемым! Срочно приведи его сюда!

Мужчина в сером плаще со скоростью, достойной настоящего спринтера, мгновенно покинул помещение.

— А ты беги и немедленно позови сюда Арзамара, а затем собери всех магистров в зале совещаний! — велел Айн второму слуге. — Мы чуть позже тоже подойдём туда.

— И что теперь делать? Делать что?

Феодус схватился руками за свою облысевшую голову, на которой ещё оставалось несколько жиденьких волосков, и нервно расхаживал взад-перёд.

— Да остановись ты наконец! — не выдержав, рявкнул верховный магистр. — Я сам теперь весь на нервах, а ещё ты перед глазами маячишь, словно спятивший завр, и не даёшь сосредоточиться!

— Ещё ведь мелкие государства тимурлинов на севере есть. Они тоже скорее всего захотят откусить кусок пирога... И съесть!

— Да успокойсь ты или нет?

Невозмутимый в большинстве ситуаций магистр Айн, находясь в компании Феодуса, своё знаменитое флегматичное спокойствие сохранять не мог. Вот и в этот раз он взял первую попавшуюся под руку книгу с полки и бросил её в чудака. Тот увернулся. И хотя бросок не попал в цель, оба мага немного успокоились, и Айн начал:

— Не нужно наносить змее мелкие раны по всему телу. Достаточно лишь обезглавить её.

В это мгновение почти одновременно в помещении появились Арзамар и глава разведки. Магистр продолжал:

— Мы знали, что рано или поздно это случится. Я надеялся, что это случится как можно позже, когда подрастёт и окрепнет поколение наших детей. Тогда у нас стало бы достаточно магов, чтобы совладать с любым противником на всей планете. Но вышло так, как вышло. Мы знаем, кто стоит за нападениями. Неназываемый, нужно уничтожить Корто Грульдоса, а лучше вырезать всё его поганое семейство, раздавить все их яйца, выжечь гнездо! Сделать это нужно как можно скорее.

— Не так просто будет подобраться...

— Молчать! Ты глава разведки! Плевать я хотел на то, как ты будешь подбираться к ним! Они должны быть уничтожены! Мы не выстоим против всех соседей сразу, несмотря на мощь нашей армии и силу наших магов! Нас слишком мало! Наше государство — это колосс на глиняных ногах!

Полысевший чародей начал что-то бубнить себе под нос. Чтобы больше не вспылить, верховный магистр решил выпроводить его как можно скорее:

— Феодус, экспедиция завершена. Теперь ты — наш верховный дипломат. Недавно, пока ты ещё не вернулся, я отправил жителям гор небольшие подарки, чтобы заручиться их поддержкой. Боюсь, что в этой войне они будут нашими единственными союзниками, если вообще согласятся встать на нашу сторону. В любом случае, отправь им весточку, скажи, что пришла пора отплатить за щедрые дары. Пусть немного пощиплют эльфов, чтобы у них пылу

поубавилось. Ступай.

— Да, да. Иду, иду.

— Арзамар. Без дела остался один лишь ты. Я понимаю, что ты не так давно принял участие в тяжёлом бою, потом отключал врата, а затем с помощью магии помогал кораблям быстрее вернуться в Олод. А прежде этого ты потерял единственного сына. Ты истощён магически и морально, но сейчас у нас не так много ресурсов, в том числе людских. Займись вратами. Изучи их, заставь слушаться нас, но главное — проследи, чтобы к нам не ринулись эти душегубы из иного мира. Найди подходящий место, в котором нам будет комфортно, в котором нас не будут атаковать со всех сторон. Найди подходящий для жизни мир. Когда сделаешь это, то возьми столько людей, сколько посчитаешь нужным, и подготовь на той стороне посёлок, в который мы сможем бежать. Если всё закончится плохо, нам придётся уходить. Мы должны быть готовы к самому худшему исходу.

Арзамар хоть и любил своевольничать, по-своему выполнять задания и часто имел своё мнение, отличное от мнения руководства, всё же обладал одним прекрасным качеством: он понимал, когда наступают критические моменты, когда засунуть свой празднословный язык куда подальше и когда стоит промолчать. Он понимал, что сейчас не та ситуация, когда стоит спорить и решил промолчать, ведь на кону судьба государства. Поэтому он без лишних вопросов кивнул Айну и удалился.

— Неназываемый, ты что, ещё здесь?

— У меня есть вопросы.

— Хорошо, спрашивай.

— Врата... Вы что, собираетесь бежать?

— Не собираюсь. Я просто готовлюсь к худшему варианту развития событий. Нужно быть готовым ко всему. Мы кажется, с тобой уже это обсуждали.

— Да, но не лучше ли будет пустить все силы на подготовку к обороне? Возможно, стоит, наоборот, закрыть все пути к отступлению, чтобы ни у кого не было соблазна убежать? Все ведь не смогут уйти. Сбежит верхушка, а простые олодцы останутся здесь, станут рабами ящеров и орков. Будут растерзаны гоблинами и станут лёгкой добычей для роя.

— Ни у кого и не будет соблазна сбежать раньше времени. Можешь не сомневаться в этом. Пока я у власти — все будут выполнять мои приказы. А что на счёт олодцев... Так я забочусь в первую очередь о истинных олодцах, магах, о выходцах из нашего родного мира и их потомках, о моих потомках... Что касается остальных, то мы возьмём с собой столько, сколько сможем. Сколько позволит нам время.

— То есть вам плевать на остальных, в том числе и на меня. Я ведь ни коренной олодец и не маг. Вы захватили страну, в которой я родился, пользовались ресурсами, которые эти земли вам давали, а теперь бежите, бросая всё на откуп врагам?

— Можешь не беспокоиться. Тебя мы с собой заберём.

— Если я этого захочу, — ответил глава разведки и отвернулся, чтобы уйти, не дожидаясь разрешения от верховного магистра.

— Да уж, — произнёс Айн, оставшись наедине с безмолвными слугами и фауной сада. — Не ожидал я, что и ты начнёшь приносить проблемы, Джереми. Сперва не сообщил о том, что в твои руки попал Каварл Бертолиус, который помог бы нам совладать с Корто Грульдосом, использовав его так, как хотел сам, потом проморгал ситуацию на Востоке, а затем и вовсе атака по всем фронтам стала неожиданностью. Теперь вот концерты

устраивает. Придётся искать другие варианты, чтобы победить или хотя бы спасти свой народ.

Немного поразмыслив, верховный магистр поднялся со своего трона и отправился на совещание. Совещание, от которого пользы было не больше, чем от завтра молока. Все дальнейшие действия верховный магистр уже определил сам, а действующих лиц назначил. На предстоящем сбире будут всего лишь промывать косточки друг другу, обсуждать то, что обсуждения не требует, и спорить друг с другом обо всяких мелочах, не заслуживающих внимания. Но как правитель Олода Айн обязан был это сбире провести и всем магистрам растолковать, что и как, таковы уж порядки. Да и в конце концов, ради кого он всё это делает, если не ради этой зажавшейся и постаревшей верхушки?

Хотя один вопрос он всё же решит на совещании. Существа, которые были захвачены Арзамаром у иномирян и которых он привёз в Олод на корабле, весьма перспективны. Нужно поручить химерологам создать химер. Это хищные и умные животные, которые преданны хозяевам до смерти. Из них получатся прекрасные смышлённые и верные бойцы.

Сделать из них химер – не проблема. Будет ли от них толк – вот в чём вопрос. Их слишком мало, чтобы оказать хоть какой-то эффект в уже начавшейся войне. Будь эти животные у Олода раньше... Но история не терпит сослагательного наклонения.

Глава 2 Каварл. Хуже гор могут быть только горы.

Лишь достойных после смерти встретит в ином мире Первойцо. (Отрывок из Кодекса катарянцев).

Я до сих пор не уверен, что мы идём в нужном направлении, ведь наш проводник — слепой эльф.

Вот уже неделю небольшой отряд, который я возглавляю, состоящий из десятка ящеров, пятерых гоблинов и слепого эльфа, которые едут верхом на эйхо, движется на восток, через горы по узкой тропе. Справа от нас возвышается горный пик, покрытый снегом, слева – на многие дали простираются многочисленные ущелья, прекрасно различимые с нашей позиции. Я с Падом ехал позади всех и мог прекрасно видеть весь свой отряд.

Чем дальше мы продвигаемся, тем становится холоднее. Радует лишь то, что снега на нашем пути пока нет. Зато он покрывает вершины гор справа и лежит шапками на пиках впереди. Не подобает наследнику трона путешествовать в таких условиях, но выбор невелик. Корто должен быть уничтожен, а трон — вернуться ко мне. Я готов хоть завру в глотку залезть, лишь бы получить желаемое. И я выражаюсь не фигурально, а буквально — я уже напялил на себя некоторые части исчадий. Исчадия, конечно, не завры, да и пасти у них поменьше, но они не менее омерзительны.

Хитроумный гном в Чивуаке, которого звали то ли Граб, то ли Гриб, или и вовсе Гравиус, придумал срывать с убитых тварей прочные пластины хитина и использовать их для изготовления доспехов.

Изделия получились весьма неказистыми, однако были значительно легче, чем бронзовые, а защищали ничуть не хуже. Под бронёй у всех нас были тёплые одежды. У всех, кроме Пада.

Прежде чем покинуть Чивуак, я узнал у Саяна — того глупого человека, что отказался стать моим рабом, несколько важных секретов, которые на данный момент не слишком полезны, но всё же могут мне помочь. Я направляюсь в страну, где живёт огромное множество тимурлинов — обезьяноподобных разумных существ. И так уж решила природа, что очень уж они любят развлечения. Вот секретами нескольких развлечений, которые ранее мне были неизвестны, со мной и поделился Саян. А поскольку я — один из самых образованных разумных существ на всём Триале, то эти игры скорее всего неизвестны и тимурлинам. Поэтому могут стать неплохой платой за некоторые вещи, что в условиях дефицита ресурсов будет весьма полезно.

— Пад мёрзнуть задница!

— Пад, я знаю, что ты задница, а чтобы не мёрзнуть, тебе нужно было одеться как должно.

— Пад не любить многоодежда! Пад в многоодежда неудобно!

— А мне вот неудобно, что подобное зелёное недоразумение путешествует в компании высших существ. Ты уже довольно давно путешествуешь вместе с законным наследником трона и должен был уже стать грамотным и смышлёным, однако результата я не вижу.

Гоблин поморщился и покачал головой:

— Пад хороший, но у Пад болеть голова, когда он многодумать или говорить! Пад не хотеть болеть голова, поэтому он малоплохо говорить!

— Значит так, задница, либо ты возьмёшься за ум и начнёшь вести себя достойно для

товарища катарянца, либо опять вернёшься в касту рабов!

Гоблин что-то промямлил себе под нос. Очевидно, полурослик не хотел вновь становиться рабом. Хотя разница с его текущим статусом была лишь в названии.

Не подобает катарянцу якшаться с низменным гоблином, Кодекс прямо об этом говорит. Но я решил нарушить одно из незыблемых правил. Возможно, это глупо. Но на то я и Каварл Бертолиус, дабы менять устои. Если я верну себе трон, то никто не сможет упрекнуть меня в чём бы то ни было, а если нет, то общение с гоблином ничего плохого мне не принесёт.

Если я собираюсь вернуть себе под контроль Империю, то должен мыслить и поступать нестандартно. Ведь стандартных способов борьбы за трон — денег и влияния — у меня сейчас нет. Возможно, я войду в историю, как первый катарянец, дерзнувший изменить Кодекс.

Мои мысли прервали гоблины, которые по непонятной причине внезапно побежали вперёд, выкрикивая какие-то неразборчивые звуки. Тут я услышат какой-то грохот. Я посмотрел направо.

— Камнепад! Быстрее вперёд! — успел прокричать я, прежде чем на нас посыпались многочисленные глыбы.

Я изо всех сил пришпорил своего эйхо, изранив ему бока. Бедное животное заревело и помчалось вперёд. Я обогнал гоблинов, которые пешими всюду неслись вперёд. Теперь стала понятна причина, по которой полурослики бежали сломя голову. Ну Пад, что же ты не предупредил меня о камнепаде? Вот выберемся, и я тебе покажу!

Крупный обломок скалы больно ударил меня по плечу. Хорошо, что я в доспехах, а подо мной — самый крупный эйхо, что я смог найти, иначе мне бы разодрало плечо и я вместе со своим скакуном улетел бы в пропасть слева от меня.

Тут передо мной упал огромный валун, о который споткнулась моя животина. Бедный эйхо не успел сбавить ход, запнулся и полетел кубарем вперёд, подминая меня под себя. Я выпал из седла, а через мгновение огромная туша животного приземлилась сверху, вдавив меня в россыпь камней и выбив весь воздух из лёгких.

Как назло, животное не перекатилось кубарем дальше, а осталось лежать на мне, придавив и не давая сделать вдох. Скакун был жив — я чувствовал его дыхание и сердцебиение, но вставать почему-то не спешил. Меня начала охватывать паника. Я не мог дышать!

Я пытался выползти из-под туши эйхо, но у меня ничего не получалось. Животное было слишком крупным, а я лежал слишком неудобно. Я попытался ударить его, чтобы согнать, но у моей руки не было места для замаха. Я понял, что вот-вот задохнусь.

— А ну, пшла! — услышал я знакомый голос гоблина.

Скотина зашевелилась и поднявшись отскочила. Едва я поднялся на ноги, как мне в лицо прилетел небольшой осколок, едва не сбивший меня с ног. По моему лицу потёк небольшой ручеек крови.

— Пад отгонять скотина! Скотина нельзя отдыхать верхом на мой друг и командир! Пад тыкать её больновбок кинжалом, она просыпаться и убегать!

— Я понял тебя, мой красноречивый друг. Проверь, живы ли остальные.

— Что проверять, я и так видеть! Катарянцы побиты камнями, но живы все. У катарянцев крепкий костяной голова! Но один мой зелёный брат попал под каменьпад и улетел вниз! Бедапечаль!

— Ясно, молодец, полурослик. Но почему не предупредили остальных о камнепаде?

— Как?

— Вы заранее знали о приближающейся опасности и первые побежали. Почему не предупредили меня и остальных?

— У гоблин хороший слух! Мы слышать многокамень заранее! Пад сильнопугаться и бежать! Пад не успеть говорить про опасность друг! — жалостливо заявил зелёный.

Следовало наказать его за подобный проступок, ведь нам сильно повезло, что никто из разумных не погиб, а пропавшего полурослика не слишком жалко. Но, с другой стороны, Пад спас меня, отогнав едва не задушившее животное.

— Завр! Завр! Там завр! — завопили мои воины впереди и неслись мне навстречу сломя голову.

Из-за криков я не успел решить, что сделать с гоблином. Крики встревожили меня, и я крикнул приближающимся катариянцам:

— Какой ещё завр? Их уже три десятка лет никто не видел! Вы даже понятия не имеете, как они выглядят!

— Там впереди огромный и страшный зверь! Это точно завр, и он бежит сюда! Спасайтесь, ваше величество!

— А ну стоять! Готовьтесь к бою!

— Да вы с ума сошли, это же завр, бежим!

Вдали я действительно увидел огромную, несущуюся в нашу сторону тушу. Вероятнее всего, мои воины оказались правы и это действительно был завр. Я никогда не видел их живую, но мой учитель во дворце о них рассказывал. Ещё он говорил, что они вымерли. Оказывается, что нет. Это действительно очень опасные существа, но, прежде чем разобраться с ним, мне нужно разобраться с мерзким трусом, осмелившимся мне перечить.

Я достал из-за спины свой клевец, который гном изготовил из стали, и коротким ударом пробил голову жалкому предателю.

— Я не сошёл с ума. Всем приготовиться к обороне!

Не самое удобное место для защиты, но и для атаки монстра место не очень подходило. Мы сгруппировались. Чудовище бежало прямо на нас, нисколько не опасаясь упасть с узкой горной тропы. Очевидно, голод затмил рассудок твари. Если, конечно, она вообще способна хоть мало-мальски мыслить.

Его размеры впечатляли. Он был примерно двух ростов в высоту и шести в длину. Чешуйчатое чудовище, передвигающееся на двух огромных когтистых лапах и имеющее две крохотные передние лапы и длинный хвост. Его голова была огромна, и он запросто мог перекусить любого из нас пополам своими крупными жёлтыми зубами.

Двое моих бойцов перекрыли тропу, закрывшись щитами. Оставшиеся шесть готовили арбалеты к стрельбе. Выжившие гоблины путались под ногами. Эльфа я не видел.

Чудовище подошло к нам вплотную и зарычало так, что едва не начался новый камнепад, а до меня долетели частички его слюны.

— Выстрел! — скомандовал я.

Не успели мои воины выстрелить, как тварь резко дёрнула головой вперёд, схватив зубами щит одного из бойцов. Он не желал расставаться со столь надёжной, на его взгляд, защитой, и тварь подняла его в воздух, мотнула головой вправо и раскрыла пасть. Катариянец полетел вниз, так и не выпустив из рук щита.

Захлопали арбалеты, в монстра полетели болты. Тварь была покрыта прочной чешуёй,

так что не все снаряды смогли её пробить.

— Полурослики, хватит болтаться под ногами, зайдите ему за спину и атакуйте! Он не сможет здесь развернуться! Арбалетчики, заряжай!

Выбывшего бойца заменил следующий, перейдя из категории арбалетчиков в щитоносцы. Вооружались мы однотипно и по максимуму. Каждый боец был экипирован двуручным клевцом, кинжалом, арбалетом и крупным прямоугольным щитом.

Завр схватил следующего бойца, прикрывавшегося щитом, поднял его в воздух, но в этот раз не бросил с обрыва, а резко повёл головой вперёд и вниз. Катарянец полетел назад вместе со щитом, сбил второго щитоносца и несколько арбалетчиков.

В нашей обороне появилась брешь. Хотя точнее будет сказать, что наша оборона была сметена. Опять придётся действовать самому, причём максимально быстро. Я достал из-за спины клевец и ринулся вперёд. В этот момент завр схватил своей огромной пастью бойца, который был сбит щитоносцем и не успел взять оружие, чтобы защититься. Он помотал катарянца в пасти влево-вправо несколько раз, а затем бросил в меня. Я успел увернуться и прижаться к скале справа, оттолкнулся от неё и прыгнул на зверя, замахнувшись клевцом.

Остриё оружия пробило завру верхнюю челюсть и вышло с другой стороны пасти. Зверь от боли и испуга запрокинул голову, вырвав рукоять оружия у меня из рук. Завр мотал головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от застрявшего в верхней челюсти оружия.

Заминка позволила гоблинам наконец-то пробежать за чудовище. Я приземлился прямо возле завра и последовал за гоблинами. Полурослики достали свои кинжалы и набросились на ноги твари. Я остался без основного оружия, но кинжал у меня тоже был. Мне пришлось присесть, чтобы не быть сбитым в пропасть виляющим туда-сюда огромным хвостом.

Я стал колоть кинжалом с такой скоростью, с какой способны были работать мои руки. Гоблины делали то же самое с ногами зверя. Он вновь заревел и попятился назад. Он резко вильнул хвостом вниз и вбок, сбив меня с ног и с силой прижав к скале. Затем он стал трясти ногами, сбрасывая гоблинов.

В этот момент кто-то из моих бойцов ударил клевцом по голове отвлѣкшегося завра. Завр оступился и стал заваливаться в пропасть. На ноге у него сидел Пад и ещё один гоблин.

— Пад, прыгай! — крикнул я, но гоблин уже не слышал и летел в пропасть вместе с чудовищем.

Я подбежал к укушенному катарянцу и осмотрел его. Пластины брони оказались не в силах сдержать натиск челюстей столь сильного чудовища, и мой боец истекал кровью, но был ещё жив.

— Перевяжите его быстрее, пока он не сдох! Готовьте верѣвки, мы спустимся и заберѣм наших!

— Да ведь они уже мертвы! Упав с такой высоты, невозможно выжить! Нужно идти дальше, если не хотим здесь замѣрзнуть!

— Молчать! Мы никого здесь не оставим. Будем искать их, пока есть хоть какая-то вероятность того, что они живы.

В этот момент откуда-то появился эльф, верхом на эйхо, спокойный, будто бы ничего сейчас не произошло, и сказал:

— Твой подчинѣнный прав, Каварл. Нужно двигаться дальше. Приближается буря. А снег не слишком обрадует хладнокровных существ.

За спиной послышались шепотки.

— Я сказал, тихо! Мы своих не бросаем. Спустимся за ними, заберём и двинемся дальше. У нас достаточно дров, чтобы согреться.

Шепотки стихли, но я чувствовал недовольство своих бойцов. Несмотря на то, что они уже успели сплотиться за время моего с ними путешествия, всё же своя шкура была для них дороже, чем жизни товарищей. Наш народ плохо переносит холод, и я сам не уверен, что нам безопасно попадать в бурю. Но бросив своих, даже если они погибли, я подам плохой пример остальным. Мы должны стать настоящей семьёй. Я уверен, что смогу убедить правителей государств Востока помочь мне с войсками и мне понадобятся помощники, чтобы командовать войском. А доверять кому-то, кто не состоит в нашем отряде, я не могу. Да и на них, если честно, пока нет надежды. Это нужно менять.

Мои воины связали имеющиеся у них верёвки воедино и, закрепив один конец за острый выступ скалы, второй сбросили вниз.

Раненый катарянец был перевязан, но потерял сознание. С него сняли доспехи. Выглядел он плохо. Его синяя кожа стала почти серой. Он потерял много крови.

— Старик, а ну живо иди сюда! — велел я.

— Что нужно Бертолиусу от старого эльфа? — спросил он, подойдя ко мне.

— Угадай с трёх раз, глупый низменный! Мой товарищ умирает, а твоя кровь обладает целебными свойствами. Поделись ею!

— Хм, я не уверен, что...

Договорить я ему не дал. Я слегка ударил его в нос кулаком. Эльф застонал и закрыл лицо руками.

— Возьмите чашу и наберите достаточно, чтобы обработать рваные раны после укуса. Если кровь из эльфа перестанет течь, то стукните его ещё раз, в нём её должно хватить.

Я чувствовал, как страх холода и желание сбежать в головах моих бойцов сменялось на уверенность в своём командире и завтрашнем дне. Хотя, возможно, это мне лишь казалось.

— Кто не занят кровью и раненым, идите за мной! — скомандовал я и стал спускаться по верёвке.

Склон был не отвесный, но спуститься или подняться по нему без помощи верёвки было возможно, только если бы я был пауком. Эти существа, похоже, могут влезть куда угодно.

Я медленно спустился вниз, примерно на тридцать ростов. Здесь был крупный уступ, на котором лежала туша завра. Здесь же были и все четыре гоблина — трое улетели вместе с хищником, а четвёртый успел спуститься на помощь товарищам быстрее меня. Гоблины хоть и были низшими существами, но оказались более сплочёнными, чем катарянцы.

Я подошёл к Паду. Он, как и другие упавшие гоблины, не шевелился и не подавал признаков жизни.

— Эй, ты, полурослик! — обратился я к уцелевшему гоблину. — А ну иди сюда! Проверь, жив ли он!

— Да, да, моя бежать проверять!

Я же решил удостовериться, что завр мёртв, ведь он лежал очень близко ко мне. Если он очнётся, то запросто сможет сожрать меня, ведь у меня даже оружия практически нет, остался лишь кинжал. Металлическая часть клевца так и осталась торчать в челюсти завра, а древко обломилось. Я вынул кинжал из ножен и со всей силы вонзил в глаз существа. Всё. Теперь оно должно быть мертво. А вот вытащить кинжал назад оказалось не так просто. Он застрял и не желал вытаскиваться.

Я стал дёргать его туда-сюда. Мои действия прервал голос гоблина:

— Пад жив, но очень плох, и я жив. Остальные гоблины не живы.

— Ясно. Помоги Паду.

Я продолжал попытки извлечь кинжал из глазницы завра. Ничего не выходило, но я не сдавался.

Спустились трое катарянцев, кто-то из них крикнул:

— Но здесь только полурослики! Куда пропал Эмир?

— Посмотрите вниз, возможно, он улетел ниже.

В очередной раз я потянул кинжал со всей силы, и наконец он поддался. Я смог вытащить своё оружие. Катарянецы с уважением посмотрели на меня. Затем я взялся за то, что осталось от клевца. С ним наверняка будет ещё сложнее, чем с кинжалом.

Краем глаза я заметил, как что-то промелькнуло в воздухе. Я обернулся. Снег. Снежинка. Кажется, так это называется. Никогда не думал, что увижу его вживую.

Эльф оказался прав. Хотя у него и не было глаз, но он как-то мог видеть или даже предвидеть. Приближается буря. Нужно скорее забрать пострадавших и моё оружие и искать подходящее для привала место.

***

Эмир, несмотря на падение с огромной высоты, оказался жив, но переломал себе всё, что только можно, недотёпа. Неужели нельзя было выпустить из рук щит, когда завр схватил его, и отбежать назад? Кроме того, нам пришлось ещё и спускаться на следующий уступ, чтобы найти его. Больно далеко зашвырнул его завр. Странно, что он вообще уцелел.

Теперь у нас было двое раненых, которым какое-то время будет противопоказана езда верхом, и Пад, который тоже сильно пострадал. Придётся найти подходящее место и надолго встать на стоянку. Дальняя дорога нашему отряду пока что противопоказана.

Мои подчинённые соорудили примитивные носилки из имеющихся материалов и тащили раненых. Без дела остался лишь гoblin, не отходивший от носилок с Падом, и эльф, который теперь со мной не разговаривал и старался держаться от меня подальше, и правильно делал: больным для выздоровления не помешает кровь эльфов, и я её получу, чего бы мне это ни стоило.

Я ехал позади и вёл за собой целую вереницу эйхо.

Ветер усиливался, а тропа стала ещё более узкой. Начался настоящий снегопад. Я решил спешиться, ибо, останься я верхом, меня могло бы сдуть вместе с животным, которое после падения, кстати, не пострадало и вело себя как ни в чём ни бывало.

Тропа стала и вовсе узкой. Неужели эльф ведёт нас не туда? Я уже хотел было крикнуть на него, но за очередным изгибом тропы показалась площадка достаточных размеров, чтобы разбить лагерь и отдохнуть.

Первым делом мы развели огонь, благо любой уважающий себя катарянец с детства способен разжигать пламя в любых условиях, а неуважающих себя катарянцев не существует.

Жаль, что Эмир получил столь серьёзные травмы. Он изумительно пел во время привалов, а кроме того, был моим непосредственным слугой. Он знал, как правильно расположить лагерь, и отлично знал Кодекс. Хорошо, хоть жив остался. Пад тоже был без сознания. Неужели придётся обучать ещё одного слугу выставлять мою палатку и располагать мои вещи? Какой позор. У меня было всего лишь двое обученных слуг, один из которых — представитель низшей расы, да и тех я не уберёг.

В конце концов я выбрал наиболее сообразительного катарянца и назначил своим

службой до тех пор, пока Эсмир и Пад не выздоровеют. Он был несказанно рад оказанной чести.

Снег валил всё сильнее, но меня это не пугало. Эйхо благодаря густой шерсти не замёрзнут, а сами мы расположили палатки поближе к костру, в который регулярно подкладывали дрова. Оставшиеся дежурить ящеры то и дело нагревали в костре камни и заносили их внутрь палаток для обогрева отдыхающих, а остывшие камни выносили и клали обратно в костёр. К тому же хоть и разыгралась метель, было не слишком холодно. Для теплокровных.

***

Проснулся я от какого-то шума и понял, что всё происходит как-то слишком быстро. Очевидно, я всё же замёрз и теперь соображал гораздо медленнее, чем хотелось бы. Снаружи палатки происходила какая-то суета, слышались какие-то крики и рёв эйхо.

Я хотел выйти наружу, чтобы понять, в чём же дело, но вдруг меня окутала тьма, свет померк, всё завертелось, я куда-то полетел, ударился, а затем меня чем-то придавило сверху.

Какое-то время я не мог понять, что же произошло. Очевидно, сказывался холод. Затем я понял, что мне не хватает воздуха. Я попытался пошевелиться. Получалось плохо. Вокруг была тьма, и я никак не мог понять, что же стряслось.

Я напрягся изо всех сил и постарался двигаться вверх. Я пролезал сквозь что-то рыхлое и холодное. Недостатка воздуха больше не ощущалось. И через несколько мгновений я смог высунуть голову вверх.

Уже светало, и я смог осмотреться. Оказывается, я как-то очутился под завалами снега. Находился я не там, где лёг спать. Судя по всему, это явление называется «лавина». О ней мне рассказывали учителя. Мы попали под лавину, и нас снесло вниз. Вокруг бегало несколько эйхо, два катарянца отряхивались от снега и поправляли доспехи.

Я вылез из сугроба полностью.

— Эй вы, двое! Быстро разведите огонь, пока мы не превратились в обледеневшие изваяния, а затем ищите остальных, возможно, их завалило сильнее! Нужно помочь им выбраться! — крикнул я катарянам, а затем продолжил уже в пустоту: — Проклятый эльф, что же ты за проводник такой? То под камнепад нас завёл, то завра привёл, то под лавину мы с тобой угодили! Ты хоть раз в этих горах был?

Но ответа не последовало. Эльф или был под завалом, или уже отправился на встречу с Первойцой.

Справа я увидел маленькую зелёную ножку, торчащую из сугроба. Я подошёл и вытянул за неё гоблина. Пад? Нет, это второй, не помню, как его зовут. Я взбодрил пощёчиной полурослика, приводя его в чувство.

— Мир кверху ногами! Я умирать!

— Ты не умер, недотёпа! Это я держу тебя за ногу.

Я поставил зелёное недоразумение на ноги и велел:

— Где-то здесь под снегом и камнями Пад. Найди его и вытащи. Мне плевать, как ты будешь его искать, по запаху или ещё как-то. Но если не сделаешь то, что я велел, я найду в горах ещё одного завра и скормлю тебя ему!

— Ай, завр плохо! Моя искать!

Из-за холода мои движения стали какими-то замедленными, скованными, конечности плохо слушались, а гоблин, казалось, двигался, наоборот, слишком быстро.

Нужно было срочно что-то предпринять, пока мы все и вовсе не замёрзли. Я стал

стаскивать ветки, обломки повозок и всё, что могло гореть, для костра. Сейчас не до церемоний, можно и самому грязной работой заняться, иначе все можем погибнуть.

Костёр мы развели без проблем и быстро согрелись, а вот поисками занимались до самого вечера. Несколько эйхо выбрались из сугробов самостоятельно. Животные, которых распространяли олодцы, были очень живучи и выносливы, но всё же после лавины выжило лишь одиннадцать из двадцати, а трое оказались серьёзно ранены, так что пришлось их добить и пустить на мясо. Ужин в тот день был очень сытный. Большую часть мяса заморозили.

Но за животных я переживал меньше всего. В крайнем случае, дальше пойдём пешком. Гораздо больше я переживал за своих подопечных, за основу моей будущей армии.

Двоих катарянцев нам не удалось найти. Они навсегда останутся в этих горах, погребённые лавиной. После её схода у нас осталось восемь эйхо, я и ещё четверо здоровых высших существ и трое раненых: Пад, ещё один гоблин и старый слепой эльф, у которого к тому же теперь были переломаны руки и ноги, являющийся нашим проводником. Эльф был без сознания. Если он погибнет, то, скорее всего, такая же участь ждёт и нас. Катарянцы не селятся в горах, а потому плохо ориентируются на такой местности.

Нам придётся разбить лагерь надолго и надеяться, что эльф очнётся, а на нас больше не обрушится камнепад, не сойдёт лавина и не нападёт завр. Нашему отряду и так досталось много неприятностей.

Глава 3 Елена. Тяжела морская жизнь.

Никогда не следует применять заклинание, пока не будешь уверен в том, как оно подействует. Не стоит и вовсе применять магию, если можно обойтись без неё. (из сохранившихся страниц дневника Эквилиона).

— Бе-е-е...

Подобные звуки я издаю уже который день подряд, свесившись за борт и исторгая из себя содержимое желудка. Никогда бы не подумала, что буду страдать от морской болезни. И пусть засунет себе в задницу слова тот, кто скажет, что морская болезнь пройдёт, если смотреть на море. От этого мне становится лишь хуже.

Куда ни глянь — кругом вода. Учítывая то, что у меня талассофобия, чувствую я себя не очень комфортно. К тому же теперь всеми этими мракобесами командую не я, а Андрей, и меня никто не спрашивал, хочу ли я из начальницы перейти в ранг подчинённой. От этого на душе ещё более скверно. Добавьте сюда острейшую форму морской болезни, и вы поймёте, как я себя хреново чувствую.

Никто из моих бывших подчинённых не горит желанием теперь со мной общаться. Они считают, что это я виновата в том, что на нас напали, затем отрезали от врат, а затем мы сели на галеры и плывём уже долгое время по кающемуся бесконечным океану.

Общаюсь я поэтому в основном с бывшими рабами, которые плывут вместе с нами. Общением в полной мере это, конечно, не назовёшь. Они не знают нашего языка, а я не знаю их. Но я хочу научиться. Не знаю, что дальше ждёт нас в этом мире и смогу ли я из него когда-нибудь выбраться, чтобы вернуться в свою уютную квартиру, принять горячую ванну и забыть всё, как страшный кошмар. В задницу высокие цели!

Мне до сих пор снится та ночь. Запах горелой плоти — никогда его не забуду. Крики и стоны такой громкости, что мне кажется, будто это я умираю от ожогов. А если снится не ночь, значит, жуткий голос. Я всегда любила и хотела детей. Мне нравится детский смех и милые детские голоса. Но этот голос во сне... Он будто влезает тебе в самую душу и пронизывает её своими щупальцами, а затем разрывает на куски, не оставляя шансов на спасение. Казалось бы — всего лишь детский голос. А ещё я слышу в этом сне комариный гул и чьё-то навязчивое требование убить комара.

Не люблю я этих насекомых. В моей жизни часто происходили неприятности и многие из них либо напрямую, либо косвенно связаны с этими кровососами. Если хорошенько подумать, не особо притягивая факты за уши, то именно из-за них я оказалась здесь.

Когда я была маленькой, мы с родителями жили в небольшой деревне, рядом с которой находилась военная часть, где и служил тогда мой отец. Доехать до неё можно было минут за пятнадцать на машине, чем он и пользовался. Отец никогда не любил шум и суету больших городов, и предпочитал жить в более тихом месте. На природе. Мать всегда и во всём слушалась своего мужа, а поэтому согласилась переехать в деревню.

Я знала, что отец мечтал о сыне, а не о дочери, но так вышло, что я была единственным ребёнком в семье. Отец был довольно строг со мной, зато мать старалась баловать. Тогда у меня появилась мечта: доказать отцу и всему миру, что я ничуть не хуже так желанного им мальчика, а даже чуточку лучше.

Мне в деревне нравилось. Хотя тогда мне не с чем было сравнивать. Возможно, если бы я провела пару лет в городе, то не захотела бы возвращаться на природу. Хотя и в городе я

частенько бывала — родители возили меня на йогу. Занятия мне очень нравились, и я бы занималась ею по сей день, если бы не обстоятельства.

Я закончила пятый или шестой класс — уже не помню. Мы с одноклассниками пошли на реку, которая находилась на окраине деревни. Большая река с кристально чистой водой. И как это всегда бывает в наших краях, в начале лета в воздухе носились миллионы кровососущих паразитов, от которых весьма сложно было укрыться.

Многие мои одноклассники тогда, несмотря на свой ещё совсем юный возраст, подражая взрослым, стали пробовать курить. Я же была послушной девочкой, и к тому же мои родители не курили, поэтому меня эта дурная привычка обошла стороной. Мне часто предлагали попробовать, но я упорствовала и отказывалась, хотя порой не хватало лишь одной единственной фразы, чтобы меня убедить, ведь я уже была на грани от того, чтобы согласиться.

Ребята и девочки сидели вокруг костра, грелись и курили. Я же, чтобы не дышать дымом, сидела немного поодаль. Дым костра и сигарет в какой-то мере отпугивал насекомых, а кроме того, пламя притягивало взгляды ребят и делало их более сплочёнными. Многие из них уже в столь юные годы попробовали алкоголь. Меня же надпись «употребление алкоголя вредит вашему здоровью» пугала. В тот день мои одноклассники стали понемногу посмеиваться надо мной, ведь я была не такой, как они. С тех пор я стала понемногу отдаляться от своих одноклассников, но пообещала себе никогда не курить, пусть даже это сделает меня одинокой. Пусть я буду изгоем, зато у меня есть мечта: стать лучше, чем мальчики. Комары кусали больно.

Следующее знаменательное событие, из-за которого я оказалась здесь, произошло со мной несколько лет спустя.

Я заканчивала первый курс университета. Будущий инженер-фортификатор. Я хотела стать программистом, но отец сказал: «будешь инженером». Я была послушной девочкой.

Если, учась в школе, я была замкнутой, то в университете превратилась в настоящую зубрилу и заучку, хотя сама к этому не стремилась.

Однако при том, что я большую часть свободного времени уделяла учёбе, всё же маленькая и незаметная девочка Лена выросла в настоящую красавицу Елену Сергеевну. Голубые глаза, смазливая мордашка и длинные светлые волосы, из-за которых каждый парень считал своим долгом при мне пошутить про тупых блондинок. Сперва было немного обидно, но потом я привыкла и не обращала внимания на подобные шутки.

Кроме того, отец выпестовал во мне любовь к физическим нагрузкам, из-за которых я была настоящей фитоняшкой с фигурой, достойной модели с обложки какого-нибудь мужского журнала. Дополняли мой образ яркие голубые глаза. Кто-то может подумать, что я была обречена на постоянные мужские приставания, но всё было немного иначе. Да, я постоянно ловила на себе восторженные взгляды прохожих, особенно на достойных этого частях тела, а за спиной часто слышала восторженный свист. Но до знакомств и приставаний дело доходило очень редко. Мужчины, а особенно сверстники, боялись меня. Боялись моей красоты и моего ума. Мужчины предпочитают глупеньких барышень, а барышни в свою очередь предпочитают глупеньких мужчин. С глупыми проще. С глупыми можно быть самим собой и не напрягаться.

К тому же, многие, наверное, думали, что у такой красотки однозначно есть высокий и крепкий парень, который, кроме того, миллионер, поэтому не отваживались подходить и знакомиться, ограничиваясь похотливыми взглядами.

Моё тело было молодо и прекрасно. Я хотела мужчину, но мужчины не было. Вечерами, в квартире, которую в городе для меня снимали родители, я ночевала одна.

У меня не было подруг и друзей. Я была одинока и всё больше замыкалась в себе.

Однажды весной, когда дело шло к сессии, наша группа решила совместно выбраться на природу. Меня особо не звали, зная, что я одиночка, но я неожиданно для себя сама напросилась.

Большинство моих одногруппниц и одногруппников уже были в отношениях, поэтому приехали на пикник в компании своих вторых половинок.

Но были и те, кто был также одинок, как я. Один парень даже старался проявлять знаки внимания ко мне и пытался флиртовать. Я была не против, хотя получалось у парня откровенно коряво.

Мы выпили с ним вина, он предложил прогуляться до леса. Я согласилась. Мы шли и держались за руки.

В тот день я впервые поцеловалась. Он пригласил меня уехать с ним. Мне очень хотелось, но я почему-то отказалась. Что-то удержало меня, но я хотела, чтобы он продолжал уговаривать меня, чтобы я согласилась.

Но он был не слишком настойчив. Мы вернулись к остальным, а к вечеру разъехались по домам. Эту ночь я провела одна. Как и многие другие ночи. Я плакала. И лишь гул от крыльев комара, чудом оказавшегося в бетонной коробке квартиры, нарушал моё одиночество.

Я взялась за учёбу с новой силой, отгоняя подальше витающие где-то на задворках сознания мысли о своей неполноценности и суициде.

Прошло ещё несколько лет. Многие мои одноклассницы и сокурсницы уже вышли замуж, а некоторые и вовсе завели детей. Одна погибла, утонув в озере. Я же по-прежнему была одна.

Пришла пора выпускного. Грустно было идти на него одной, но пришлось. Я чувствовала себя в какой-то мере неполноценной, хотя это чувство и стало гораздо более тихим и незаметным, чем раньше.

Иногда со мной пытались познакомиться на улице, но это было не то. Подходили либо какие-то прыщавые подростки, либо убелённые сединами мужчины за сорок. Не было ни одного человека, который бы подходил для создания семьи.

Я не хотела идти на выпускной, но один из сокурсников, который недавно расстался со своей девушкой предложил пойти с ним. Его звали Иван. У него был неправильный прикус, отчего его челюсть смотрела немного вбок. Однако это не портило общего впечатления о его внешности. У него был приятный поставленный голос и крепкие руки. Поломавшись немного для виду, я согласилась на его предложение.

Я давно знала его, но мы не были не то что друзьями, мы даже не разговаривали толком до этого дня. На удивление он оказался приятным собеседником. Моё настроение улучшилось, и я расслабилась. Мы выпили немного шампанского, от этого я ещё сильнее расслабилась. Мы смеялись, танцевали, общались. Во время танца он поцеловал меня.

Мы ушли с выпускного и долго гуляли. Нам было хорошо вместе, и мы бы продолжали нашу прогулку до самого рассвета, но нам помешал дождь. Он пригласил меня к себе, чтобы продолжить общение у него. Он сделал это легко и непринуждённо, так что я согласилась.

У него была небольшая и уютная квартира, в интерьере которой преобладали тёмные тона, настраивая на спокойное и интимное общение. Он провёл небольшую экскурсию по

своему жилищу, рассказывая о том, почему же у него дома синий натяжной потолок, что за горы изображены на фотообоях, украшавших одну из стен, говорил и показывал, что видно из окна его квартиры на тридцатом этаже.

Когда я стояла у окна, он подошёл сзади, обнял меня и стал целовать в шею. Это было неожиданно и очень приятно. Я не возражала. Я словно растаяла в его объятиях.

Мы целовались ещё и ещё. Он попытался залезть руками ко мне в лифчик, но я не пустила его. Мы легли на диван и продолжили. Он ласкал меня, его дыхание обжигало кожу. Я хотела его! Он умело использовал свои руки и возбуждал меня.

Я сказала, что мне нужно домой. Он сказал, что отпустит меня через минуту. Мы продолжали наши взаимные ласки ещё полчаса. За это время он ещё несколько раз пытался пробраться ко мне в лифчик и в трусики, но каждый раз я отстраняла его руки. Я сказала, что хочу домой, хотя не хотела. Я хотела, чтобы он взял меня, как самец, как животное, и не отпускал.

Но... Он не взял. Он будто бы хотел, чтобы ему отказали, и я отказала. Он отпустил. Сказал, что вызовет такси, если я так сильно хочу домой. Он проводил меня, поцеловал в щёку и закрыл дверь такси.

На следующий день он позвонил, но я не брала трубку. Я не хотела с ним разговаривать. Отчего-то теперь мне было противно разговаривать с ним. Лишь спустя несколько дней я сама поняла, что же это было и почему я больше не хотела с ним общаться. Лучше бы он вообще не трогал меня, или наоборот, взял бы, будто животное, сломил бы мою волю. Но он остановился ровно посередине. Ему ни хватило совсем немного. Ни туда и ни сюда. Теперь он не мог быть для меня ни другом, ни любовником. Всё было кончено. Я заблокировала его номер и все контакты в соцсетях. Больше мы с ним никогда не виделись.

Спустя какое-то время я получила диплом. Но несмотря на все мои успехи в учёбе найти работу по специальности оказалось не так просто. Кроме того, что должность была не такая уж востребованная, у меня ко всему прочему совсем не было опыта. Даже производственную практику я пропустила, так как слегла с ветрянкой в самый ответственный момент. Связи отца с трудоустройством тоже не помогли, ведь человек, к которому он хотел меня устроить, уже был уволен в связи с оптимизацией штата.

Это время было самым тяжёлым в моей жизни, ведь учёба, ради которой я до этого жила, закончилась. Все эти олимпиады и конкурсы, в которых я регулярно участвовала и побеждала, оказались теперь никому не нужны. Всеми этими грамотами теперь можно было просто потереть зад.

Все мои бывшие сокурсницы повыходили замуж и нарожали детей. Парней-однокурсников работодатели более охотно брали на работу, чем девушек.

Родители для меня хоть и оставались самыми близкими людьми, но за время моей учёбы мы с ними всё же заметно отдалились друг от друга.

Я поняла, что теперь одна и у меня нет никого и ничего, кроме моей мечты: я хотела доказать себе и всему миру, что я ничуть не хуже мужчин. Не самая лучшая мечта и не самая худшая. В любом случае, это именно она меня и спасла от мыслей о суициде. Я не могу покончить с собой до тех пор, пока не докажу всем, что я ничуть не хуже, чем другие люди. Я найду работу. Я обязательно её найду и стану лучшим специалистом в своём роде.

И я нашла. Прошла десятки собеседований, отправила сотни резюме. Обошла несколько компаний, предлагая свои услуги. Наконец меня взяли.

Небольшая компания, делающая по заказу проекты бункеров для богатей. Не сказать,

что работа мечты, но хотя бы что-то. Москва не сразу строилась. Заказы были редко — не так много на свете людей, которые могут позволить себе строительство бункера, поэтому работы было мало. Но и такая работа меня несказанно радовала.

Однако радость моя была недолгой. Вскоре начался очередной экономический кризис, стали закрываться многие предприятия. Богачей, желающих построить для себя бомбоубежище, становилось всё меньше. К тому же заказы у нашей компании стала перехватывать крупная американская корпорация с аналогичной специализацией. Мы закрылись. Я вновь осталась наедине со своей мечтой.

Но тут дал знать о себе мой отец, который последнее время постоянно пропадал на работе. К этому времени он уже дослужился до генерал-майора. Прежде чем мы с ним поговорили, он заставил меня подписать кучу документов и подписку о неразглашении.

Сперва я не могла понять, что он от меня хочет. Даже на какое-то время подумала, что он тронулся умом, у него все-таки нервная работа...

Но оказалось, что с ним всё в порядке. Просто была найдена какая-то древняя постройка в пещере. Отец сказал, что это портал в другой мир. Я не верила ему до тех пор, пока сама её не увидела. Вокруг неё необходимо было построить бункер и подъездные пути к нему, да так, чтобы постройку не было видно из космоса, а подъездные пути не слишком привлекали ненужное внимание. Ведь со слов отца, стоит захотеть разведке какой-нибудь мало-мальски значимой страны узнать, что находится за стенами секретной военной части, они это узнают, несмотря ни на какие меры предосторожности. И на всё про всё им понадобится не более двух месяцев. Поэтому задача контрразведки заключается в том, чтобы ни одна страна не захотела узнать, что же находится за стенами военной части, да и вообще то, что часть эта секретная. Покосившиеся заборы, облупленная краска и протекающая крыша являются в этом деле верными помощниками. Никто и не подумает, что такой объект может скрывать что-то важное.

Мне пришлось учесть всё это в своей работе. Бункер, который я спроектировала, был похож на ангар, построенный ещё во времена СССР и заброшенный в период перестройки. Конечно, заброшенные ангара не появляются сами по себе среди леса, но у военных свои причуды. После небольших доработок мой проект всех устроил.

Мне сказали, что не мне одной поручили подобную работу, но справилась я лучше всех, поэтому бункер построили по моему проекту. Но я-то знала, что причина заключается лишь в том, что среди всех проектировщиков генералом отец был лишь у меня.

Тем не менее, мне поручили сделать проект целой цепочки оборонительных сооружений, по ту сторону врат. Кроме того, меня назначили главой целой экспедиции, состоящей из военных, инженеров и учёных, которая должна была отправиться за врата. Сделали это якобы для того, чтобы я сама осмотрела местность и наилучшим образом спроектировала защитные сооружения. Но что-то мне подсказывало, что на самом деле и тут мой отец приложил руку.

Эта работа обещала быть очень интересной, в отличие от скучного проектирования, поэтому я с радостью согласилась. Врата вели сразу в несколько миров. Поэтому было организовано несколько экспедиций. Но сперва на ту сторону отправили лишь пару разведчиков, ведь никто не мог дать гарантий, что они вернуться назад. Всё получилось удачно.

Спустя какое-то время мы отправились сквозь золотистое мерцающее полотно арки уже большим отрядом, во главе которого была я.

Работа оказалась не такой интересной, как я предполагала. Нет, изучать новый мир действительно было увлекательно. Только вот сперва мы это делали в герметичных скафандрах, чтобы случайно не пронести какую-нибудь хворь обратно в наш мир. Но через какое-то время данную процедуру отменили, и всех вернувшихся на Землю просто две недели держали на строгом карантине. Я пока не возвращалась. У меня и здесь было полно хлопот.

Мои подчинённые постоянно спрашивали, что им делать. У каждого возникали вопросы. Никто не хотел брать на себя лишнюю ответственность и по любому мало-мальски значимому вопросу все шли советоваться со мной. Это было в диковинку для меня, и часто я просто не знала, как реагировать на подобные вопросы, ведь у меня не было ответов. Я, как и мои подчинённые, впервые была в этом новом и удивительном мире.

В начале я хотела психануть и всё бросить, вернувшись домой. Но моя мечта не позволяла мне сделать этого. Я старалась изо всех сил и терпела. Спала по четыре часа в сутки, решая один вопрос за другим. Подчинённые, как мне казалось, ненавидели меня, ведь несмотря на многочисленные вопросы с их стороны, во многом они были более компетентны, чем я. Сложнее всего было с военными. Казалось бы, они привыкли к жёсткой дисциплине и должны беспрекословно слушаться меня, но нет. Они привыкли также к жёсткой и твёрдой руке, которая стояла над ними и управляла ими, будто марионетками. Я же таковой рукой не обладала. Я была слишком мягкой, отчего часто слышала в свой адрес смешки и издёвки.

Чтобы хоть как-то морально с этим справиться, я начала вести аудиодневник. Отчасти это помогало.

Я вела его до тех самых пор, пока на нас не напали аборигены. Они напали внезапно и обладали чем-то, похожим на магию, забросав наш лагерь огненными шарами. Мы отбивались как могли. Фортификации ещё не были достроены и это играло на руку врагу.

Андрей, молодой капитан, неплохо себя проявил в тот день, успешно организовав оборону, но противник давил числом и нестандартным оружием. На их стороне сражались какие-то огромные хищные звери, а сами нападавшие кидались огненными шарами, у них было множество мечников.

Я приняла решение бросить лагерь и ворота, и медленно отступить. Мы отступали и вышли к реке, на берегу которой были пришвартованы несколько галер с рабами-гребцами. Мы атаковали защитников, а рабы встали на нашу сторону. Мы захватили две галеры и отправились вниз по течению. Рабов мы освободили, и они на добровольных началах неплохо справлялись с управлением. Какое-то время нас преследовали аборигены, но потом они потерялись из виду. Возможно, отстали, а возможно, решили, что нас нет смысла преследовать, так как то, что им нужно, находилось в лагере. Возможно, им были нужны ворота, которые мы должны были защищать, но от которых нас отрезали.

Наши учёные захватили с собой несколько ноутбуков, солнечных батарей и ещё каких-то приборов. Военные взяли патроны в том количестве, в котором они остались после боя. Инженеры оказались самыми незапасливыми и взяли лишь самих себя и немного бесполезных в плавании вещей.

Когда меня спросили, что меня заставило дать команду отступить на корабль, я призналась, что это был голос из сна. Тогда Андрей, заработавший себе немалый авторитет среди товарищей по оружию во время обороны, отстранил меня от командования и сказал, что теперь руководить всем будет сам во избежание... Во избежание чего, он не сказал, ведь

и так было понятно, что во избежание очередной нелепой команды сумасшедшей командирши.

Сперва он не хотел уплывать далеко, ведь вскоре нам должны выслать подкрепление, которое уничтожит аборигенов, и тогда мы бы вернулись в лагерь, а затем и домой. Но преследовавшие нас долгое время аборигены не дали нам подобной возможности. Мы плыли по реке до тех пор, пока она не впала в океан.

Мы пытались найти общий язык с аборигенами, но пока получалось плохо. Освобождённые рабы неплохо ориентировались по звёздам и правили куда-то, куда хотели. Чтобы хоть мало-мальски друг друга понять, пришлось потратить несколько дней, по прошествии которых Андрей приказал разворачивать галеры обратно. Рабы либо не пожелали, либо не поняли его до конца. Моряков среди солдат не было. А если бы и были, то вряд ли они сумели бы управиться с такими судами. Поэтому, чтобы не устраивать стычку с местными, Андрей решил не требовать от них менять курс, по крайней мере до тех пор, пока не научится изъясняться на местном языке на должном уровне и пока не научится управлять галерами самостоятельно.

С того момента мы так и плывём, хотя я и не знаю, куда. Похоже никто не знает. Свесившись за борт, я вновь произнесла уже порядком поднадоевшее:

— Бе-е-е.

Глава 4 Саян. Подземный житель.

Не используй то, что когда-то принадлежало древним, ибо раз их погубила Мать драглов, то и тебя погубит, если жить будешь, как они, и их скарбом пользоваться. (Отрывок из сборника догматов драглицизма).

Казино. Древнее. Я никогда не думал, что в нём побываю, но побывал. Я никогда не думал, что окажусь в другом мире, но оказался. Сейчас я не думаю, что когда-то вернусь домой. Но надеюсь, что сработает закономерность, и госпожа фортуна не подведёт.

Я уже несколько дней нахожусь под землёй. Не вижу солнечного света, не разговариваю. Не с кем здесь говорить. Даже мерзкий голосок из снов не навещает меня. Наверное, не способен пробиться сюда сквозь толщу земли. Я пытался мысленно связаться с Оло, но ничего не вышло. Надеюсь, что он ещё жив.

Сперва я тратил магию на то, чтобы создавать светляков и не блуждать во тьме, но потом решил беречь силы. Я обшарил все помещения, которые смог здесь найти. Насобирав целую горсть светящихся шариков маннита. Жаль, употребить их не могу — не в чем растолочь. Пробовал на зуб — слишком твёрдые. Теперь периодически пробую рассасывать. Не знаю, есть ли в этом толк, и способен ли организм впитывать магическую энергию из этого минерала подобным образом.

После того, как я обследовал все помещения и ничего интересного, кроме маннита, не нашёл, я решил раскапывать завал, что было делом непростым. Стоило мне убрать какой-нибудь валун, как сверху сыпались другие и больно ударили меня. Кстати, своих ног я не чувствую до сих пор, поэтому передвигаюсь исключительно ползком, что доставляет дополнительные неудобства.

Чего у меня теперь было в достатке — это свободного времени. Поэтому я наконец-то взялся за прочтение книги, некогда подаренной мне магистром Олода. Прочитал её от корки до корки при свете светляка, но чего-то полезного или значимого, кроме того, что знал раньше, не нашёл. Ни тебе ультимативных заклинаний, позволяющих захватить мир, ни гарантированного способа победить рой. Скучное чтение, в общем, где рассказано о истории Олода со времён прошлого мира и до недавнего времени на Триале. Было несколько заметок о рое и предположений о структуре их общества, но не более того.

С водой у меня проблем нет — после того, как мы вскрыли это древнее строение, сверху стала просачиваться вода из почвы. Я пью из луж, предварительно обеззараживая воду простеньким заклинанием.

С едой гораздо хуже — я уже пару дней не ел. Поначалу я отрезал кинжалом куски плоти от туши убитых тварей и поджаривал их с помощью всё той же магии. Но через несколько дней туши стали испускать такой запах, что есть их стало невозможно. Мясо, что я заблаговременно пытался засушить впрок, предвидя порчу туш, просыхать отказывалось из-за сырости, а заклинания, позволявшего медленно высушить еду, я не знал.

Сперва я пытался разбирать завал вручную, но поняв, что в результате такой деятельности меня самого рано или поздно завалит камнями, перешёл на магию.

Для передвижения камней я использовал два символа — поднять и оттолкнуть, и укладывал их в конструктор в форме отрезка. Моя искра была достаточно мала, поэтому работа продвигалась очень медленно. Трёх десятков камней хватало, чтобы полностью исчерпать мой магический ресурс, который восстанавливался около суток.

После того, как я поспал какое-то время, я вновь приступил к расчистке. Тяжело ориентироваться во времени, когда не видишь солнечного света. Я не мог точно сказать, сколько же прошло дней с начала моего здесь заточения.

Когда после дюжины передвинутых булыжников я вновь исчерпал свои силы, то подумал: чем бы себя занять? Время здесь тянулось очень медленно.

Я вновь попытался мысленно связаться с Оло — ничего не вышло. Тогда я попробовал на каком-то нематериальном уровне поговорить с голосом из сна, но не получилось.

Однако я почувствовал что-то столь лёгкое и мимолётное, что на мгновение подумал, что мне просто показалось. Это чувство. Я однажды уже испытывал нечто подобное. Что же это? Будто я могу что-то контролировать, влиять на что-то.

— Да! — выкрикнул я, когда понял, что же это за чувство.

Как же я раньше не догадался? Это то самое чувство! Я испытывал его, когда создал химеру из комара и мог управлять им. Того комара давно нет в живых, но ведь это не единственная химера, которую я сотворил! Бурый!

Я мысленно сосредоточился и попытался представить, как управляю им. Попытался связаться...

И...

И у меня вышло! С трудом, неловко и едва ощутимо, но получилось.

Он был в Чивуаке, я чувствовал это. Жаль, он не умеет говорить, иначе я бы попытался его устами позвать на помощь. Я постарался дать ему команду привести на помощь людей, но он не понимал, что от него требуется. Тогда решил не рисковать, а то вдруг он случайно кого-нибудь загрызёт в городе по моей команде, и дал ему более простую команду: «Приди на помощь. Откопай меня». Такую команду он сумел понять. Я чувствовал, что он придёт.

Ему понадобится время, чтобы добраться до места наших раскопок, но он придёт. Мне нужно лишь дождаться.

Даже обычные медведи неплохо умеют копать своими огромными лапищами. Бурый изначально был не совсем обычным, он был гораздо крупнее рядового представителя своего вида. После того, как я наложил на него заклинание, превращающее в химеру, он стал дальше расти с очень большой скоростью. Он постоянно набивал своё брюхо горами рыбы, грибов и диких ягод. Не знаю, каких он размеров сейчас, ведь давно его не видел, но я уверен, что он сумеет быстро расправиться с завалом. Главное, дождаться его.

Сейчас моей главной проблемой было отсутствие пищи и вечная нехватка магической энергии.

К сожалению, не существует заклинания, способного создать что-то из ничего. Магия позволяет преобразовывать один вид энергии в другой, либо превращать энергию в материю и обратно.

Я не мог сотворить себе бутерброд из воздуха, но мог, к примеру, остановить разложение туш убитых тварей, обеззаразить их и приготовить. Если бы знал нужные заклинания. На данный момент моих знаний хватало лишь для того, чтобы обеззараживать воду и создавать огонь с помощью посоха.

От нечего делать я решил ещё раз его изучить.

Казалось бы: самый обычный деревянный пруток, немного кривоватый и более крупный, чем у мальчика-волшебника в очках из одной сказки. Но при этом он был не просто куском дерева, а был живым и являлся проводником и трансформатором энергий. Это именно он позволял пользоваться тем, что олодцы зовут магией.

По мере использования пруток набирает силу, становится более мощным проводником и трансформатором энергий, делается разумнее и растёт, будто живое дерево. У великих магов пруток сицилиуса дорастает до прекрасных посохов а-ля Гендальф. Он способен поглощать специальные артефакты, делая их частью себя, которые делают в Олоде и которые способны усиливать определённые стороны магии.

Когда я думал об этом, мне пришла в голову одна идея. Я достал из кармана грубых кожаных штанов крупную горошину маннита и прислонил её к посоху. Казалось бы, элементарное действие, но даже оно вызвало у меня затруднения. Левая рука плохо слушалась и выронила горошину. Пришлось взять ею посох, а горошину поднять правой.

Наконец я совместил горошину и посох. Какое-то время я держал так руки, ожидая сам не знаю, чего: может быть, вспышки света или прочих спецэффектов. Спустя пару минут я попытался отнять горошину у посоха, но у меня ничего не вышло: она будто прилипла к нему.

— Работает! — крикнул я во тьму, едва освещаемую светом горошины.

Похоже посох хочет поглотить её. А что потом? Перекачает энергию мне? Возможно. Я не говорил с Оло об этом. Да и не факт, что он знает, ведь он хоть и маг, но всё же в первую очередь — ребёнок, которому самому многому нужно научиться.

Я стал ждать. Во время ожидания глаза как-то сами собой слиплись, и я уснул на неопределённое время. Когда проснулся, вокруг была уже крошечная тьма. Ни горошина, ни что-то ещё не освещало подземные помещения. Я нашарил рядом с собой посох. Когда коснулся его, меня будто током ударило! Он был полон энергии, и я от неожиданности отёрнул руку. Немного помедлив, я повторил попытку, уже более уверенно ухватившись за него.

— О, да!

Это было приятное чувство. Я ощущал, как энергия из него бурлящим потоком перетекает в меня, наполняя мою магическую искру. Это было довольно непривычно. Раньше подобный поток я вливал в посох, чтобы сотворить заклинание. Сицилиус же трансформировал окружающие энергии в магические довольно медленно и передавал её хозяину вовсе незаметно для него, касаться посоха при этом было вовсе не обязательно.

Энергии было слишком много, и я даже испугался. Она требовала выхода, и я принялся творить заклинания, вначале подвесив на одной из стен светляка, а затем откидывал в сторону камни.

Я уже отбросил десятка два камней и стал чувствовать усталость, но энергия не заканчивалась. У меня разболелась голова, а рука, в которой был посох, казалось, горела огнём.

Тут мне стало действительно страшно. Я не мог прекратить колдовать, так как чувствовал, что как только сделаю это, меня буквально разорвёт от энергии, поступающей из посоха, но и колдовать я больше не мог, так как перенапряг ту часть себя, которая творила заклинания, прокачивая энергию по невидимым внутренним каналам, сплетая плоть заклинания.

Я попытался отбросить посох в сторону, но он будто прилип к руке. Будто не я держал его, а он не отпускал мою руку. Меня охватила паника. Меня сейчас уничтожит моё собственное оружие! Будто почувствовав мой страх, посох стал посылать мне ещё больше энергии. Я закричал от боли.

— Остановись, стой! Горшочек, не вари! Не надо больше! — кричал я, но это не

помогало.

Тогда я, невзирая на боль, постарался сосредоточиться и отправил посоху мысленную команду: «Остановись, не надо больше!». Как ни странно, но это помогло. Поток прекратился. Я сразу же почувствовал облегчение.

Какой же я глупец! Ведь знаю, что у сицилиусового посоха есть что-то, подобное разуму. Он чувствовал мой страх и питал меня энергией, чтобы я с помощью заклинаний мог победить то, что этот страх у меня вызывает. Но проблемой был как раз сам посох, который и пугал меня переливаемой энергией. Вот такой замкнутый круг. Я был подобен недотёпе, пытающемуся запустить ядерный реактор, но забывшему прочитать перед этим инструкцию. Я едва не убил сам себя. Это слишком неосторожно, особенно учитывая то, что колдовать я умею без году неделю, а учил меня этому ремеслу маленький ребёнок.

Оставив дурные мысли на потом, я сосредоточился на лохматой косолапой химере, обожающей мёд.

Лес. Бег. Голод. Спасти хозяина. Скиталец. Победа. Еда. Много еды. Не хочется уходить. Надо. Спасти хозяина.

На этот раз я был переполнен магией и лучше чувствовал Бурого. Это была ни едва уловимая связь, а я будто получал от него мыслеобразы. Теперь я был абсолютно уверен, что он придёт, а я выживу.

***

Прошло ещё какое-то время. Я дожидался прихода Бурого, периодически раскапывая завалы с помощью магии. Живот уже даже не пытался урчать — желудок, очевидно, прилип к позвоночнику. У меня кружилась голова и началась апатия. Мне было безразлично абсолютно всё.

Я спал. В этот раз я был не один. В сон проник Голос.

— Выбирайся, — произнёс он тем же омерзительно-высоким голосом, напоминающим детский, однако при этом настолько неприятным, что хотелось вскочить на ноги и бежать изо всех сил.

Кроме голоса, в воздухе витали ещё отголоски писка крыльев миллионов комаров.

— Думаешь, я этого не хочу? — спросил я у Голоса. — А чем, по-твоему, я всё это время занимаюсь?

— Ты даже не пытаешься. Ты копошишься в грязи, словно мерзкий червь. Ты сдался!

— А тебе какое дело? И что это ты даже не просишь убить комара? Неужто надоело? Кто ты вообще такой? Я нахожусь под десятками метров земли, без еды, со сломанной спиной, изуродованным телом и без шансов на спасение. И я не сдался! Я надеюсь на Бурого... Хотя и не верю, что он сможет мне помочь.

— Вопросы. Слова. Так много вопросов и так мало действий. Просто... Бесполезно... Различны понятия, культуры, восприятие. Слишком разные, чтобы друг друга понять.

— Хорошо, тогда помоги мне выбраться отсюда, раз ты так обо мне печёшься!

— Нет рук — нет помощи. Есть голова. Могу давать советы.

— Так давай!

— Выбирайся.

На этих словах я проснулся. Да уж. Вот это совет. А я думал горячую ванну принять и выпить чашечку мокко. А тут оказывается, надо выбираться. Кто бы мог подумать?

— Голос! Я ненавижу тебя! — выкрикнул я изо всех сил, и тут же непреодолимая сила потянула меня обратно в сон.

Я пытался не закрывать глаза и сопротивляться, но у меня не получилось. Я уснул. Вокруг, как и наяву, была всё та же тьма, но я чувствовал, что сплю и что голос где-то рядом.

— Это ты затащил меня сюда?

— Я.

— Что это за место? Это сон?

— Да, но не совсем. Это нечто большее. Ты не поймёшь.

— А ты можешь меня вытащить из-под завалов и перенести сюда?

— Боюсь, что тебе здесь не понравится. Но ты и так уже здесь. Частично.

Вопросы так и вертелись у меня в голове. Что это за голос? Где я сейчас: в руинах под землёй или дома у Голоса? Кто он? Чем он может мне помочь и что ему от меня нужно? Но спросил я совсем другое:

— Это ты сделал так, что Бурый в тот раз перестал охотиться на меня и помог?

— Не понимаю, что такое Бурый.

— Медведь, большое животное, которое я превратил в химеру.

— Не знаю, что такое химера.

— Да ты издеваешься, завр тебя дери! Зачем ты затащил меня обратно в сон? Что тебе нужно? Чем ты можешь мне помочь, в конце концов?

— Я рассматриваю ситуацию иначе.

— И как же? — спросил я, уже не удивляясь тому, что голос не торопится отвечать на мои вопросы.

— Чем ТЫ, слышащий, можешь мне помочь? Вот то, что меня интересует. Рой, олодцы, ты и подобные тебе обезьяны из твоего мира — всего лишь прах на лице мира моего. Вы уйдёте также стремительно, как и пришли, а я продолжу существовать и страдать, не в силах что-либо изменить. Этому нужно положить конец. Так что скажи, смертный, чем ты можешь помочь мне?

Здесь я немного смутился. Сперва, когда подобные сны только начались, я думал, что разговариваю со своим собственным внутренним голосом в результате того, что у меня слегка поехала крыша. Затем я убедился, что это не просто голос в голове, а какая-то живая сущность, которая способна со мной вот таким необычным образом общаться. Теперь же мне стало и вовсе не по себе. Существо, способное принудительно, по собственной воле, погружать меня в сон с помощью одного лишь желания и судя, по его словам, бессмертное. Его, вероятно, стоит опасаться.

— Я даже не знаю, что ты такое, где ты находишься и чем я могу тебе помочь. Но, думаю, раз ты мне уже помог пару раз, я чем-то могу быть тебе полезен, и если ты сможешь мне выбраться отсюда, то я постараюсь помочь тебе.

— Не смей ставить мне условия, обезьяна! — выкрикнул Голос.

После этих слов тьма вокруг стала будто ещё гуще, а я мгновенно ощутил столь сильную боль, что мне показалось, будто бы у меня в голове взорвалась атомная бомба. Это была настолько острая боль, что хотелось лезть на стены, если они, конечно, были в этой тьме. Но, несмотря на боль, я умудрялся выкрикивать слова:

— Сам ты обезьяна! Вонючий кворк!

После этого боль будто бы стала менее острой, а в воздухе повисла тишина, словно Голос не то обиделся, не то задумался над моими словами, поэтому я решил продолжать наступление:

— Я! Не ставлю! Условий! Мерзкое! Отродье! Я просто пытаюсь! Привести наш

разговор! А-а-а. Хоть... Хоть к какому-то итогу! Прекрати! Ты ведь только болтаешь без разбору, а конкретики никакой! Всё пустые слова!

— Жалкий... Уничтожу! Раздавлю! Ты... Я тебя... Сейчас... Убью... Убей... Убей комара... Убей... Убей комара...

Боль прошла, но вернулся неприятный гул миллионов крошечных крыльев.

Ну вот, опять двадцать пять! Да что это такое? А я надеялся на какой-нибудь прогресс в нашем общении, раз уж невидимый собеседник сегодня удивительно красноречив. Однако ни ответов не удалось получить, ни договорённостей. Ладно. Убью комара и буду раскапывать завал дальше. Зря я, конечно, так грубо с Голосом, но ничего не могу поделать — вспыльчивый я, хотя и добрый.

Убил комара, проснулся.

Проснувшись, услышал какой-то скрежет. Сперва я испугался, что вовсе не проснулся, а это голос обрёл материальное воплощение и пытается добраться до меня. Но, когда я привёл свои мысли в порядок, то понял, что это кто-то пытается докопаться до меня и ворочает валуны.

— Бурый! — выкрикнул я, не в силах сдержать радость.

Однако тут же меня охватила паника. А что, если это не Бурый? Вдруг это арахниды утащили моих друзей, сходили за подкреплением и теперь пытаются до меня добраться! Я поудобнее ухватился за посох. Он попытался вкачать в меня очередную порцию энергии, но, получив от меня мысленную команду, прекратил. А что, если для посоха вредны подобные манипуляции с маннитом? Он ведь поглотил целую горошину. Может быть, его тоже сейчас переполняет магическая энергия, и он пытается как можно быстрее её слить хоть куда-нибудь.

Поздновато я об этом подумал, и сейчас мне бы лучше подготовиться к назревающему бою с арахнидами, но я попытался вступить в контакт с посохом.

Контакт с ним был совсем не похож на то, как я общался дистанционно с Бурым. Медведю я посылал мыслеобразы и получал аналогичные ответы на них. Косолапый, хоть и не так умён, как люди, но всё же его мышление схоже с человеческим, хотя и более примитивно. Посох же является совершенно иной формой жизни. Его сознание совсем не такое, как у млекопитающих. А общение с ним настолько странно, что проще слепому от рождения описать, как выглядит жёлтый цвет, чем объяснить то, как мы общаемся. Ты будто бы сидишь с лицом матёрого игрока в покер и смотришь в глаза своему оппоненту, не произносишь при этом ни слова, на твоём лице не дрожит ни один мускул, но ты при этом пытаешься объяснить ему теорему Пифагора, а он при этом аналогичным способом пытается тебе рассказать события последней серии Санта-Барбары.

Всё настолько тонко и неуловимо, что довольно сложно понять, где же заканчиваются мои собственные мысли и флюиды моего сознания и начинается воля сицилиусового посоха.

Свет. Много света. Свет, заполняющий всё вокруг. Излишний. Избыточный. Разрывающая боль. Страх за другого. Желание избавиться от света. Готовность. Ярость. Голод.

Примерно такие образы я получил во время общения со своим оружием, если их превратить в более понятные для человеческого восприятия. Возможно, со временем у меня будет получаться лучше. Если я выберусь отсюда и смогу спасти Оло, надо будет попросить его научить меня лучше понимать свой посох. Пока же из общения с посохом я понял, что был прав в догадках насчёт того, что он полон энергии из-за поглощённого маннита и

жаждет от неё избавиться. Но ведь я не могу колдовать в таких количествах, чтобы мгновенно высвободить всю эту энергию! Я слишком слабый маг.

А что, если это может сделать посох? Что, если не чертить в воздухе конструкт и не наполнять его рунами, а просто выплеснуть энергию? Что, если просто попробовать направить посох на завал и приказать ему высвободить излишки энергии?

Понятия не имею, к чему это может привести, но попробую. Прямо сейчас.

Я отполз подальше от завалов в соседнее помещение. Неведомый копатель тем временем продолжал неспешно грохотать камнями где-то далеко наверху, над огромной толщей камней. Шум распространялся через каменный потолок, стены и толщу горной породы, из-за чего невозможно было понять, где же именно копают. Он шёл будто отовсюду сразу.

Я сел поудобнее, взял посох в правую руку, нацелился на груды камней и дал мысленную команду посоху высвободить энергию прямо в завал без какого-либо заклинания.

Не успел я додумать команду, как меня обдало волной опаляющего жара, исходящего от посоха. В этот же миг вспышка ослепительного света возникла на конце посоха и заполнила всё подземелье. Свет будто пронизывал всё насквозь. Тут же раздался грохот, едва не оглушивший меня. Земля подо мной задрожала, и ослепительно белоснежный воздух оттолкнул меня назад, подобно взрывной волне. Я отлетел назад и с силой приложился о стену. На этот раз мне хватило мужества, чтобы не потерять сознание.

На несколько минут я ослеп и оглох. Я сидел неподвижно, ожидая возвращения чувств.

Наконец я понял, что иногда тьма и тишина вокруг означают лишь то, что вокруг темно и тихо, а не то, что ты оглох и ослеп.

Запоздало я подумал, что мог своими действиями сжечь посох. Я мысленно связался с ним. Он был жив и опустошён, но не перегорел. В нём оставались лишь крохи магии, которые не доставляли ему дискомфорта. Сицилиусовые посохи — прекрасные проводники и трансформаторы энергии, но плохие аккумуляторы. Запомню.

Теперь посох чувствовал себя прекрасно, в отличие от меня. У меня болело всё, что было выше пояса. Всё, что было ниже, я не чувствовал. А ещё у меня кружилась голова. Я понимал это даже в крошечной тьме. Лишь страх перед Голосом удерживал меня от потери сознания.

Удостоверившись, что с моим главным оружием всё в порядке, я создал светляка и запустил его в помещение с завалом. Прямо туда, куда совсем недавно посох выпустил свою энергию.

Сказать, что увиденное меня удивило, это значит не сказать ничего. Если бы у меня были бы силы, то я бы сейчас очень долго материл бы себя отборными трёхэтажными ругательствами как на родном языке, так и на местном. Хорошо, что сил у меня оставалось, только чтобы лечь да умереть. Ну и ещё чуть-чуть чтобы доползти до разгромленного помещения и осмотреть его получше.

Груда камней, совсем недавно заполнявшая большую его часть и находящаяся по центру помещения, сейчас была раскидана в разные стороны, главным образом в противоположную от удара. Одна из плит перекрытия рухнула. Сверху медленно сыпались камни.

Снизу завал был расчищен, но колодец, недавно созданный нами, был по-прежнему заткнут камнями, будто ледяной затор перегородил русло реки. Но теперь сквозь него пробивался тонкий луч света, который то появлялся, то пропадал вновь, будто... Будто что-то двигалось сверху кучи камней...

Я хотел вновь испугаться, но не успел.

Загрохотали падающие камни, в воздух взвилась пыль и грязь, на грязную кожу подул холодный ветер.

Светляк, прилепленный неподалёку, высветил упавшую поверх камней грозную тушу с огромными лапами и клыкастой мордой.

— Бурый! — попытался выкрикнуть я, однако получился лишь слабый шёпот.

Я, почувствовав себя наконец в безопасности, потерял сознание. Или уснул. Я уже потерял ту грань, которая отделяла два этих состояния, ведь оба они были для меня гораздо привычнее, чем процесс кипячения шприцов для наркомана с двадцатилетним стажем.

Впервые за долгое время я видел сон. К счастью, в этом сне не было Голоса. Я стоял на берегу озера. Не было ветра, ярко светило летнее солнце, припекая кожу. Я увидел, как что-то блестит в воде. Я заинтересовался и подошёл ближе, чтобы рассмотреть источник блеска и увидел два своих отражения. Одним отражением был высокий, крепкий мужчина с брутальными чертами лица, другим — сутулый и худой, весь в шрамах, сидящий в инвалидном кресле с едва различимым изуродованным лицом.

Досмотреть сон мне не позволили. Я проснулся от какого-то жуткого хруста, смешанного с гротескным чавканьем. Когда я повернул голову, то увидел Бурого, который грыз ногу скитальца, лежавшего в помещении. Это был не тот вонючий арахнид, которого я убил уже давненько. Это была абсолютно новая туша.

Не знаю, сколько я проспал, но сейчас в колодец вновь проникал яркий свет, испускаемый светилом. Очевидно, пока я спал, вниз спустился скиталец, которого косолапый пришиб и теперь наслаждался его мясом. Хитиновые пластины, покрывавшие тело твари и защищавшие его, ничуть медведя не смущали.

А Бурый к этому времени стал совсем матёрым. Он и в бытность обычным медведем меня изрядно пугал, теперь же, став химерой, и вовсе разросся. Весу в нём было не меньше тонны. Бурая шерсть, освещаемая скудными лучами заходящего светила, лоснилась на огромной туше.

Я не испугался появившейся, пока я спал, туши. Нет, я не стал более смелым за последнее время, просто Бурый очень аппетитно чавкал, и меня настигли гораздо более интересные чувства, нежели страх...

— Поделишься, дружище?

Я подполз ближе к дохлomu скитальцу. Тело его было ещё совсем тёплым. Очевидно, хруст костей, от которого я проснулся, раздавался ещё когда гигантское паукообразное было живым.

Достав свой кинжал из ножен на поясе, я выбрал кусок ноги с содраным панцирем, но не особо изуродованный медведем. Затем положил его на камень и с помощью простенького заклинания быстро поджарил. От запаха текла слюнка, а желудок вспомнил, что может урчать от голода. К тому же медведь чавкал так, что мне хотелось съесть тушу скитальца сырую и целиком.

Хотелось сразу съесть много, но я помнил, что людям, которые долго голодали, возвращаться к нормальному питанию нужно постепенно. Нельзя сразу есть столько, сколько хочешь. Я стал отрывать от поджаренного куска маленькие кусочки и ел их так медленно, как только мог.

Я съел, наверное, меньше горсточки мяса, но у меня всё равно страшно разболелся живот. Пришлось колдовать ещё раз, чтобы унять боль. Затем я сотворил очередного

светляка, так как предыдущий давно уже потух, а светило зашло и в помещении стало темно. Но при всём при этом я не чувствовал опустошения искры, она была полна минимум наполовину. Очевидно, мой внутренний магический источник немного подрос.

Теперь мне нужно было как-то выбраться из этих катакомб. То, что колодец теперь был свободен, весьма радовало, к тому же со мной был Бурый. Но это ненамного упрощало задачу. Я ничуть не сомневался, что он без труда сможет выбраться на поверхность. Но вот как выбираться мне? Я не могу держаться за него одной рукой — мне не хватит сил. Схватиться второй я не могу в принципе — она до сих пор в плачевном состоянии, я и посох ею во время волшбы держу еле-еле.

В голове промелькнула мысль: отправить медведя за куском коры, начертить на нём камнем послание и отправить Бурого в Чивуак. Но я тут же отбросил эту мысль в сторону, ведь она была столь же бесполезна, как пустая бутылка из-под вина. Если уйдёт медведь, то где гарантия, что на меня не нападёт исчадие? Наверняка скоро они хватятся пропажи и отправят за ним подмогу, против которой я могу не выстоять.

Да, мне теперь известны периоды, с которыми нападают чудовища на незахваченные территории, но сейчас мы на землях, подконтрольных врагу. Так что атака может быть внезапной.

Да, если они атакуют, то я смогу колдовать и даже смогу одолеть пару-тройку тварей, но я могу не заметить или не услышать приближения арахнида, как совсем недавно случилось.

Немного поразмыслив, я вновь достал кинжал и принялся разрезать им свою одежду на лоскуты. Я решил сделать перевязь, которую обвяжу вокруг медведя и вокруг себя.

Одежды на мне было немного, да и к тому же за время моего ползания по холодному каменному полу я её сильно изодрал. Я уже был гол, а верёвок было всё ещё недостаточно. Тогда я решил сделать лоскуты тоньше, чтобы увеличить их длину. Теперь связанная из лоскутов верёвка была достаточно длинна, чтобы соорудить подобие страховочной привязи, которую я бы зацепил за медведя, но вот прочности ей явно не хватило бы, чтобы удержать мой вес. Настал черёд магии. Я наложил на верёвку простейшее заклинание из одной руны, вложенной в круг: укрепление.

Но несмотря на простоту, на этот раз заклинание выпило из меня практически всю магическую энергию. Более того, её бы вообще не хватило, если бы не остатки магии в посохе. Странно. Очевидно, количество рун в заклинании и сложность конструкта не всегда определяют количество необходимой магической энергии. Наверное, изготовленная мною верёвка была слишком плоха, чтобы её можно было укрепить малыми силами.

Я подёргал получившуюся верёвку двумя руками — порвать не удалось. Уже хороший признак. Что-то подсказывало мне, что окрепла верёвка не навсегда, поэтому выбираться нужно было как можно скорее.

Когда я задумывал сие устройство, у меня в воображении оно выглядело куда более прилично и отдалённо напоминало профессиональное альпинистское снаряжение. В действительности же у меня вышло что-то похожее на рыболовную сеть из четырёх огромных и уродливых ячеек с парой больших карманов, куда я сложил куски маннита. С трудом я продел в каждую из ячеек по руке и ноге, а свободный конец верёвки стал обматывать вокруг Бурого. Он был сыт, а оттого стал ещё более послушным и поворачивался так, как я от него мысленно требовал. Но всё равно данная работа была не из лёгких, учитывая то, что единственной конечностью, которая меня полностью слушалась, была

правая рука.

Через пару десятин работы я обмотал вокруг медведя свободный конец и с помощью нескольких узлов защитил конструкцию от спадания.

Убедившись, что не забыл ничего из своего скудного скарба, я приказал медведю осторожно выбираться на поверхность.

Он подошёл к отверстию в потолке, при этом верёвка, связывающая нас, натянулась, и я заскользил по полу спиной вперёд следом за косолапым. Затем он встал на дыбы и растопырив огромные лапы ухватился за две стены выкопанного колодца и подтянулся, увлекая меня за собой.

Я болтался в воздухе туда-сюда, будто маятник в часах с кукушкой, и едва не ударился головой о потолок, но медведь вовремя замедлился. Он аккуратно полз вверх. Иногда камни выпадали из-под его лапиц и летели вниз, мимо меня. Я прикрыл голову руками, надеясь, что это будет излишней мерой предосторожности, но иногда валуны падали мне прямо на руки, больно ударяя. Поделаться я с этим ничего не мог и мне приходилось просто терпеть.

Благо терпеть пришлось недолго: через пару минут мы были на поверхности, а руки мои изнывали от боли и истекали кровью. Медведь оттащил меня на два десятка метров от колодца или на десяток ростов, если использовать местные меры длины. Я развязал пару узлов, разъединив меня и медведя. На улице была поздняя ночь. Я решил немного отдохнуть и рано утром, с первыми лучами светила, двинуться в путь. Думаю, кровоточащие руки за это время подсохнут, а медведь посторожит мой сон. Он спит чутко.

Глава 5 Каварл. Житель гор.

Наказан будет каждый, кто смел свернуть с пути Кодекса. Каждый высший, знай: если случаются с тобой несчастия, рабы твои слабы и неумелы, сородичи твои ополчились на тебя, иль расчесался хвост — всё это следствия того, что ты нарушил Кодекс или помышлял об этом, или нарушили его твои предки, ибо потомок не в ответе за мысли предка, но в ответе за действия (Отрывок из Кодекса катарянцев).

Мы всё же не стали разбивать долгосрочный лагерь, несмотря на то что такая мысль у меня была. В конце концов её перевесила моя цель. А она у меня была чёткая, а время ограниченное, и я собирался ей следовать. Мы разделились на два отряда. Первым командовал я, а с собой взял Пад, который довольно быстро пришёл в себя после всех злоключений, Морта и Джанга — двух катарянцев, оставшихся в полном здравии. Также с собой мы взяли двух вьючных эйхо. Во втором отряде остались двое здоровых катарянцев, трое раненых, больной эльф и гоблин, имени которого я так и не запомнил.

Второй отряд по моей задумке оставался здесь до тех пор, пока не поправят здоровье все пострадавшие. Мы оставляли им большую часть пищи и припасов. В идеале я планирую забрать их на обратном пути из центра мира.

Я и мой отряд двинулись вперёд.

Возможно, несколько самонадеянно оставлять здесь моих товарищей, но на то я и Каварл Бертолиус, чтобы принимать тяжёлые решения. Да, у раненых будут гораздо большие шансы на выживание, если мы останемся, но тогда я не выполню свою миссию. Корто должен быть уничтожен, трон Империи — возвращён законному владельцу, а рой — остановлен.

Мы ехали дальше на Восток. Узенькая тропка сменилась широкой тропой, в которой явно угадывалась заброшенная некогда дорога.

— Каварл, Каварл! — закричал вдруг мой юный зелёный друг.

— Ну что такое, маленькое зелёное недоразумение? Я ведь говорил тебе уже, чтобы ты обращался ко мне не по имени! Называй меня: «Ваше величество»!

— Ваше величество Каварл, может, нам следует свернуть назад?

Я сперва хотел прикрикнуть на гоблина за столь вольное обращение ко мне, но всё же поборол себя и ответил:

— Пад, ты уже довольно сносно стал говорить, а теперь даже смог высказать целостную мысль. Ты меня приятно удивил. Но почему ты думаешь, низменный гоблин, что нам следует повернуть назад?

— Пад рад, что большой ящер нравится мои успехи! У моя уже большой голова, потому что я многодумать! Повернуть надо, потому что завры могут напасть, как в тот раз. Завры — страшно!

— Перехвалил я тебя, многодуматель мой. Завры и в давние времена были очень редки. Они слишком много жрут, чтобы большому их числу ужиться на малой территории. А сейчас, когда они и вовсе считаются почти вымершими, то возможно, что мы и вовсе убили последнего представителя их вида. Так что я уверен, что тебе не о чем переживать.

— Пад есть чем переживать! Гоблины мрут как мухи. Так много нас когда-то поехало в Чивуак из Олода, и такой маленький я один иду теперь с тобой.

— Ты ещё меня переживёшь, недоразумение.

Как бы не был глуп и ничтожен гоблин, но тем не менее его слова заставили меня задуматься о собственной самонадеянности. Не в слишком ли опасное приключение я отправился на этот раз? Не поджидает ли меня очередной Дрейк в центре мира? Нет. Не может поджидать. Корто не мог дотянуться до этих краёв. Слишком далеки эти земли от Империи, слишком недальновиден Корто. Видит лишь то, что у него находится прямо под носом. Под носом у него Олод. Вот в войну с Олодом он скорее всего и ввяжется, особо не задумываясь о последствиях. А когда война двух гигантов будет в самом разгаре, то приду я во главе с войском, которое заполучу, и овладею не только Империей, но и тем, что останется от Олода.

Пока я размышлял, впереди показалась река. Небольшая, сравнить её с Изумрудной или с Гладью — себя не уважать. У неё и названия-то наверняка даже нет, но это горная река. Стремительный бурный поток, сдерживаемый по берегам лишь огромными гранитными валунами, устилающими и дно, и светилом, которое плавит ледники, реку образующие.

Десяток ростов в ширину — не больше, один в глубину — не меньше, и столь стремительное течение, что страшно не то что лезть в воду, а даже смотреть на неё. Река сбегает со скал слева от нас, бежит по камням, которые некогда были дорогой, и затем гремящим потоком устремляется вниз в ущелье. Очевидно, обвал в горах перекрыл старое русло реки, и теперь она бежит здесь, преграждая нам дорогу

Других путей нет. Слева пропасть, стоит посмотреть в которую и тут же начинает кружиться голова, справа — непролазные скалы.

Пути у нас целых два: вперёд и назад. Назад мы не повернём.

— Пад, для тебя есть работа, — скосив взгляд на меня, сказал Джанг, едущий справа.

— Да, животное, — поддержал его Морт, — надо перетащить на тот берег верёвку, которая поможет нам переправиться.

— Морт, — обратился я к своему подчинённому, — Пад не животное. По крайней мере, уже. Он достаточно долго находится в обществе высших существ и вправе называться хоть и не одним из нас, но обращения по имени он заслужил. В остальном ты прав. Не вижу иных способов переправиться, кроме как протянуть верёвку и затем, держась за неё, проехать верхом на эйхо. Ребята, организуйте парню безопасный путь на тот берег.

Джанг, который был самым крупным из нас и превосходил габаритами даже меня, спешил, после чего его эйхо наконец смог облегчённо вздохнуть полной грудью. Затем Джанг достал из переметной сумы прочную верёвку, хрустнул шей и направился к гоблину.

Глаза Пад в это время становились всё больше и больше. Очевидно, он своим скудным умишкой всё же сумел понять, что мы задумали.

Джанг одной рукой выдернул гоблина из седла и поставил его подле себя. Затем несколькими ловкими движениями он крепко закрепил верёвку на теле гоблина и подошёл на самый край берега.

— Удачного полёта, вонючка! — выкрикнул Джанг, после чего взял Пад за ноги и принялся крутиться на месте, а в нужный момент просто остановился и разжал руки.

Зеленокожий полурослик отправился в полёт, который длился считанные мгновения, которые ему наверняка показались вечностью. По дуге, будто кузнечик, сиганувший с травинки на соломинку, летел Пад... И не долетел...

Плюхнулся в бурлящую реку на расстоянии не больше половины роста от берега.

Я видел, как зеленокожий пытается грести, сопротивляясь горной реке. Он махал

крохотными ручками, его непропорционально большая голова нелепо выныривала из-под накатывающих волн. Казалось, что он вот-вот захлебнётся, и я уж было собирался крикнуть Джангу, чтобы он вытянул гоблина назад с помощью примотанной верёвки, как вдруг гoblin ухватился за остроугольный камень на противоположном берегу. Затем медленно он вытащил себя на берег и разлёгся.

Джанг бросил на меня вопросительный взгляд. Я понял его без слов и кивнул. Джанг несколько раз резко дёрнул верёвку и крикнул:

— Эй, жалкий теплокровный! Либо ты сейчас же поднимешь своё никчёмное тельце, найдёшь подходящий камень икрепишь верёвку, либо я вытащу тебя на этот берег и надеру твою задницу так, что встреча с завром тебе покажется романтической прогулкой!

Пад поднял голову и посмотрел на Джанга полным отчаяния и беспомощности взглядом, но всё же встал на ноги, отвязал верёвку от своего промокшего тела и взял её в руки. Затем, окинув округу взглядом, нашёл подходящий валун, за который и закрепил верёвку через какое-то время.

Джанг после этого нашёл подходящий валун на нашем берегу, натянул как следует верёвку и закрепил её.

— Атово, аше величество! Давайте сюды! — крикнул гoblin с противоположного берега.

Совет от гоблина дельный, но первым всё же лучше пусть идёт поджарый и компактный Морт на столь же поджаром и компактном эйхо. Животное он подбирал будто специально под себя. Хотя кто его знает — он ушлый малый, может быть, именно так он и поступил.

Не люблю я олодцев, однако зверей они распространили по Триалу прекрасных — эйхо неприхотливы, выносливы, всеядны, дают молоко и шерсть. А ещё, будь мы сейчас на лошадях, то вряд ли нам бы удалось их так легко заставить перейти подобную реку вброд. Эйхо же, понукаемое Мортом, хоть и нехотя, но сделало шаг навстречу стремительному потоку. А затем ещё один, и ещё.

Слева от поджарого катарянца, на уровне его колена и спины животного тянулась верёвка. Морт упирался в неё руками сидя в седле и помогал животному сохранять равновесие. Джанг страховал его второй верёвкой и в случае чего мог вытащить собрата из ледяной воды.

Но к счастью, ему не пришлось этого делать. Первый боец переправился успешно. Настал мой черёд. Жутко не хотелось окунаться в ледяную воду, пусть даже в воде окажутся лишь мои ноги, ведь я буду верхом на животном. Но делать нечего. Не поворачивать же назад из-за такой мелочи?

Мой эйхо давно привык ко мне и был абсолютно спокоен, когда я направил его в воду. Мы погружались в воду всё глубже и достигли уже середины реки. У животного из воды торчала лишь верхняя часть спины и голова. Ледяная влага неприятно обжигала мои ноги. Бурлящий поток ощутимо подталкивал меня с животным к водопаду и, если бы не верёвка, то лететь бы нам вниз.

Мы переправились. Настал черёд Джанга, пары выючных животных, гружёных тяжёлыми тюками, и эйхо гoblin. Это был самый сложный этап в нашей переправе. Джанг должен был взять под уздцы трёх животных, при этом сам он должен находиться на четвёртом эйхо и удерживать себя и остальных животных от течения. Я с помощью верёвки страховал Джанга, Морт страховал двух выючных животных, а Пад — своего эйхо. Хотя если поток снесёт эйхо, вряд ли Пад сможет что-то сделать. Скорее всего, его самого затащит в

реку.

Животное Джанга ступило в воду и сразу же споткнулось — дурная примета, однако при этом удержалось и не упало. Крупный катарянец осторожно двигался дальше, одной рукой удерживаясь за натянутую верёвку, а в другой держа удила.

Сложная у него оказалась роль в нашей переправе. Ну да ничего — сам виноват. Во-первых, вымахал крупнее меня, во-вторых — единственный среди всего отряда не получил никаких травм, будто Первоййцо лично следит за его безопасностью. Вот пусть и послужит на благо отряда.

Не то Кодекс наказывает меня за нарушения следования пути, не то размышлять мне противопоказано, но стоило мне лишь задуматься, как идущее последним вьючное животное оступилось, а бурный поток тут же потащил его за собой. Спустя мгновение подхваченное потоком животное увлекло за собой и второе вьючное эйхо, а то в свою очередь, натянув удила, едва не утянуло за собой Джанга, но крепкий катарянец удержался в седле сам и удержал своего зверя, но с каждым мгновением ему это давалось всё труднее.

— Реж верёвку! — крикнул я. — Завр с животными, сам спасайся!

Джанг достал кинжал и одним ловким движением перерезал верёвку. Теперь он в относительной безопасности. Нужно лишь преодолеть оставшуюся половину пути.

Морт изо всех сил удерживал эйхо, подхваченное течением. Рядом с ним семенил гоблин, пытаясь оказать хоть какую-то помощь своему животному, издавая при этом кряхтящие звуки. Но с его габаритами он мало что мог сейчас сделать. Гоблины берут не умом или силой, а числом. Один гоблин в горах не воин.

Я подбежал к товарищам, чтобы помочь им. Возможно, втроём мы сможем даже не удержать, а вытащить из воды животных, которых несёт к водопаду. Но здесь подвёл Джанг. Его животное тоже оступилось и тут же было подхвачено течением. Джанга страховал я, поэтому от помощи другим товарищам мне пришлось отказаться, сосредоточившись на здоровяке.

Я без труда вытащил собрата. Тот, очевидно, не успел толком остыть в ледяной воде, так как действовал на удивление быстро. Едва выбравшись на берег, он побежал на помощь к Морту, но немного не успел. Дальше события развивались со скоростью, способной вызвать зависть у саблезубого тигра. Животных уже снесло к самому водопаду, и они полетели вниз. Морт выпустил верёвку, чтобы и самому не отправиться в незапланированный полёт (будто бы полёт может быть запланированным), затем едва успел схватить намертво вцепившегося в другую верёвку гоблина, который уже летел в воздухе и почти отправился вслед за своим эйхо. Затем Морт прямо на лету разжал руки гоблина.

— Не-е-е-е-ет! Красотка, нет! — кричал гоблин, очевидно, давший столь странное имя своему эйхо.

Вьючные животные со всеми нашими припасами и дровами полетели вниз. Последним в полёт отправилось ревущее животное Джанга.

Какое-то время мы стояли молча и приходили в себя. Тишину нарушил гоблин, высказав немудрёными словами общее мнение:

— Много еда, тудыть-растудыть, лететь вниз... — затем, немного помолчав, он продолжил: — Из-за большой и глупый Джанг, который не мог провести эйхо, Пад опять придётся идти пешком? Из-за тебя, вонючка, Пад теперь остался без Красотки! Она лететь вниз и умирать!

Гоблин накинулся на изумлённого Джанга и принялся колотить того по ноге

маленькими кулачками, но заслуженно получив оплеуху, упал на пятую точку и стал рыдать. Всхлипывая, он произнёс:

— Да как вы можете? Высшая раса? У меня Красотка погибла, а вам всё равно! Ставите цели какие-то непонятные, а зачем? Что от них толку, если близкие погибать? Если разрушаться всё, что дорого? Зачем тогда эти цели?

Мы бы так и погрязли в спорах, если бы наше внимание не привлёк бы этот, появившийся из ниоткуда, голос...

— С-с-лавные в-вести! А я уж д-д-думал, ч-т-то через эту реку нельзя п-п-переправиться...

Глава 6 Елена. Морская бестия.

Мы используем руны и конструкторы для колдовства, даже не задумываясь о том, откуда они взялись и почему выполняют свои функции. А ведь это важнейшая загадка мироздания, и, кажется, я подошёл к её разгадке так близко, как не подходил до меня ни один другой маг. (из сохранившихся страниц дневника Эквилиона).

Вчера утром нам удалось отчётливо увидеть берег какого-то материка и очертания целой россыпи островов, а уже к вечеру мы встали на якорь возле одного из них.

Из разговоров с освобождёнными мы узнали, что их бывших хозяев можно найти, если немного проплыть вглубь материка по руслу крупной реки. Поскольку ни им, ни нам встречаться с подобным врагом более не хотелось, нужно было определиться, куда плыть дальше. Освобождённые правили в сторону родины большинства из них — в Эйлонию. Олод — так называется страна, в рабстве у которой были эти гребцы, находится к северу от Эйлонии.

А что же собираемся делать мы? Не знаю. Да и мне теперь всё равно. Захотел Андрей быть главным, вот пусть теперь голову и ломает. Я же сумасшедшая девка, по его словам, слышащая голоса. Кто я такая, чтобы думать? Так что единственное, что меня сейчас волнует — это когда же наконец мы высадимся на берег и когда у меня пройдёт морская болезнь.

Но насколько мне известно, Андрей переругался с аборигенами во время плавания. Он хотел во что бы то ни стало возвращаться к вратам, ведь он верит, что через них придёт помощь и нам нужно быть у врат. Кстати, голос во сне убедил меня в том, что никакой помощи из врат нам ждать не стоит, и я голосу верю. Я ведь сумасшедшая.

В общем, переспорить аборигенов Андрею не удалось, и пришлось плыть вместе с ними, куда хотят они. Такой вариант, как забрать одну галеру и вернуться, мы не рассматривали, так как править подобными кораблями никто из нас не умеет. Если бы мы и смогли уплыть далеко, то никто не дал бы гарантий, что поплывём мы в нужном направлении.

Андрей хочет после высадки на берег найти спокойное место, зализать раны, собраться с силами, а затем, научившись как следует править кораблём и прихватив с собой пару местных корабеллов, способных ориентироваться в море, вернуться туда, откуда мы и приплыли. Или пришли? Плавают ведь что-то другое, корабли ходят? А если они ходят по морю, то где у них ноги?

Стояла ночь, я ночевала в одной из кают вместе с тремя другими девушками-инженерами, но мне всё никак не спалось, и в голову лезли всякие странные мысли. Привычно скрипели корпуса двух наших галер, омываемые набегающими волнами. Но сейчас в этот звук примешалось что-то странное, будто музыкант-неумеха портил слаженную игру оркестра.

Что это? Будто скрипу нашего корабля вторит ещё какой-то звук. Я уже почти заснула, но эта мысль, будто пружина, подкинула меня с кровати.

— Вставайте! — закричала я.

— Что такое? — сонно пробубнила одна из моих соседок по каюте.

— Кто-то приближается. Другой корабль. Нужно всех разбудить!

— А часовые на что? — сонно ответили мне.

Оружия у меня не было, но это не связано со сменой власти на нашем судне. Его у меня

не было никогда. Я инженер, а не вояка. Моё оружие — острый ум и многочисленные справочники. Единственное, что я могла сейчас сделать — это разбудить остальных. Ближится утро, и, наверное, наши часовые заснули, ведь в это время так сладко спится.

Я выбежала в коридор, освещаемый одним лишь фонарём, и ворвалась в каюту к Андрею.

— Андрей, кто-то приближается! — крикнула я в темноту.

Лишь тишина была мне ответом.

— Андрей?

Похоже, что никого нет. Тогда где все? Он ведь, хоть и теперь наш капитан и каюту занимает соответствующую, но живёт-то не один. В кормовой надстройке не так много кают для офицеров, поэтому все они забиты по максимуму.

Что же делать? Я решила разбудить всех, кого смогу. Скрип третьего судна был уже совсем близко. Вряд ли у неизвестных благие намерения, а если и так, то известно, что такими намерениями выстлано. Нужно встретить незнакомцев во всеоружии!

Я побежала на нижнюю палубу.

— Вставайте, враги приближаются!

Я бегала по кораблю как ненормальная и кричала, пытаясь всех разбудить. Два раза спотыкалась обо что-то в полутьме и падала. Всё-таки есть плюсы даже в том, что тебя считают ненормальной. Можно делать, что угодно, и хуже уже не будет, всё равно ведь ты ненормальная для всех.

Народ просыпался, все вскакивали со своих мест, подгоняемые моими криками.

Когда я выбежала на верхнюю палубу, то едва не потеряла дар речи.

— Не зря я хотел тебя под замок посадить, идиотка! — крикнул Андрей.

Уже забрезжили на горизонте первые утренние лучи Солнца, ну или как там местные называют свою звезду. Все наши солдаты уже собрались на верхней палубе, полностью экипированные. Их явно разбудила не я. А вот кого я привлекла своим криком, так это экипаж того самого третьего судна, которое к нам приближалось.

Похоже, его вовремя заметили наши, спокойно разбудили кого нужно, скоординировались с бойцами со второй галеры, вооружились, вышли на верхнюю палубу и дожидались приближения противника, который хотел организовать скрытную атаку на спящего врага. Я же разрушила все планы. Действительно, идиотка!

На самом деле галер у нападавших было целых три, а не одна. Увидев взбалмошную меня, враги закричали и стали грести быстрее. Возле моего лица что-то промелькнуло в лучах восходящего Солнца.

— Вниз, идиотка! — закричал Андрей.

— А-а-а! — только и смогла выкрикнуть я в ответ.

Я побежала вниз, мимо толпы поднимающихся наверх освобождённых, вооружённых кто грубо сделанными копьями, кто просто палками. Быстрее! Быстрее! В свою каюту. В уютную, хотя и твёрдую кровать. Вот так. Уткнуться лицом вниз, чтобы никто не видел моих слёз. Какая я! Возомнила себя умной? Лучше других? Идиотка? Да. Самая настоящая.

Всё. Не выйду отсюда больше. Так и буду лежать. Буду лежать, страдать и жалеть сама себя. А Андрей со своими бойцами пусть всё разрулит, как уже ни раз делал, доказывая свою состоятельность как командира.

Они хотели подпустить врагов поближе, чтобы неожиданно их расстрелять, чтобы сэкономить патроны или ещё зачем. Не знаю. В любом случае, у них был план, а я всё

испортила. Я не прошу себе, если кто-то из наших сейчас погибнет из-за меня.

Корабль гудел. Раздавались выстрелы, слышались человеческие крики, приглушённые толстыми деревянными стенами. Я лежала одна — мои соседки, разбуженные сумасшедшей мною, каюту покинули.

Так бы и лежала одна. Никуда не выходя. Если после нашего бегства с базы я ещё как-то и сохранила лицо, то сейчас я начудила так, что на сотню неудачников хватит. За что мне это? Карма? Я что, в прошлой жизни всадником апокалипсиса была?

Взрослая, некурящая и непьющая красавица, которая всю жизнь посвятила учёбе... И что толку? Мужчины нет, детей нет, родители далеко. Теперь ещё и посмешищем для всех стану. Вроде никогда такого не боялась, но оказалось, что это тоже страшно. А если ещё и кто-то из-за меня погибнет... О таком даже думать не хотелось!

Додумать до логического конца сей тирады мне не позволила вошедшая в каюту соседка.

— Там всё? — спросила я у неё, старательно давя в голосе нотки плача.

— Нет ещё. Стреляют. Ты что, не слышишь?

Я хотела что-то ответить, но в помещение вошли две другие мои соседки.

— Ужас! И зачем только я согласилась на государство работать? Стоило лишь попробовать, как я оказалась на другой планете на деревянном корабле, в компании рабов, психов и солдат!

— Ага, там так страшно стреляют. Хоть бы они сюда не пробрались.

— Не проберутся. Там Андрей и остальные солдаты их прибьют.

— Это что, пираты?

— Да, представляешь?! И зачем я согласилась за такие деньги в другой мир отправляться? Надо было сразу отказаться, когда меня подписку о неразглашении заставили подписать! Сразу было понятно, что дело нечисто, а я дура согласилась!

— Нас всех теперь убьют!

— А сначала изнасилуют!

— Да заткнитесь вы! — крикнула я, не в силах больше слушать этот бред.

Схватка прошла, к моему превеликому удовольствию, без меня. Но не так хорошо, как хотелось бы. Уже после схватки я поговорила с Андреем, сгорая от стыда.

Двоих...

Двое наших... Но не погибли. Всего лишь получили серьёзные раны, так что возможно, что всё обойдётся. И на том спасибо. Ещё несколько человек оказались ранены уже несильно. Кто-то был лишь поцарапан, а кто-то отделался синяками. Даже то, что наши солдаты вооружены автоматами, а пираты — лишь луками и короткими медными мечами, не спасло. Хотя у врагов на этот раз не было магов и огромных чудовищ, это не особо помогло. Врагов было очень много, а эффект неожиданности был потерян... Из-за меня.

Когда я услышала о раненных, то сразу же начала реветь и уже готова была выслушать от Андрея кучу неприятных слов. Но он немного удивил меня, сказав:

— Ты ни в чём не виновата. Это я должен был предвидеть, что ты можешь что-нибудь вытворить. Услышала приближающиеся корабли. Ну надо же! Побежала всех будить... Как только дозорные заметили приближающихся врагов, нужно было запереть тебя в каюте, чтобы ты опять ничего не испортила. Но должен сказать, что в ранениях солдат твоей вины всё же нет. Я решил подманить врагов ближе, так как думал, что у них опять есть эти чёртовы маги или чудовища. Поэтому я хотел убить их на близком расстоянии, не подавая

вида, что мы их заметили. Но это оказались обычные люди без магов и чудовищ. Поэтому, даже если бойцы погибнут от ран, это будет полностью моя вина. Нужно было расстрелять врагов, пока мы были вне досягаемости для их оружия.

Эти слова не сильно успокоили меня. Я всё равно ощущала свою вину.

Как оказалось, не всех врагов мы убили. Части их удалось уплыть на третьей галере. Преследовать их мы не стали. В этом не было никакого смысла. Пусть плывут куда хотят. Мы им задали такую трёпку, что нападать вновь они побоятся. Хотя, если у них есть маги, и в следующий раз они возьмут их с собой... Впрочем, об этом думать сейчас не хочется.

После боя нам достались две потрёпанные по сравнению с нашими галеры, гора трупов и несколько выживших пиратов.

Пираты говорили на одном языке с освобождёнными, и хотя и с трудом, но мы смогли понять, о чём они говорят.

Оказывается, убивать нас они не собирались. Ну, по крайней мере всех. Эти пираты — работоторговцы. Они собирались продать нас какому-то большому не то племени, не то государству, и забрать наши судёнышки себе.

После небольшого совещания Андрея с главой освобождённых — Флипом, которого все земляне называли гораздо более привычным «Филипп», было решено разделить команды. Две наши галеры были переполнены, поэтому часть экипажа с обоих судов перебралась на две захваченные пиратские посудины. Пиратов было решено пленить и посадить за вёсла, принудительно сделав их гребцами. О правах человека в этом мире не слышали. А Филипп и его подчинённые довольно спокойно отнеслись к случившемуся, дескать: «А что тут такого? Подумаешь, ещё совсем недавно мы сами были рабами. Так и что? Вчера — мы, сегодня — кто-то другой, завтра опять мы. Так и живём».

Горстка выживших флибустьеров насчитывала двадцать девять человек. Старшим у них назвался загорелый чуть ли не до черноты пират с повязкой на правом глазу по имени Магай.

Землян среди нас насчитывалось девяносто один человек.

А освобождённых было прямо как вольт в розетке — целых двести двадцать. Причём людьми были далеко не все. Среди них мы насчитали двадцать семь эльфов и четверых тигролюдов. До сих пор мне немного не по себе, когда смотрю на них. Особенно на тигролюдов. Такое чувство, что вижу инопланетян... Ну да это они и есть — мы ведь из другого мира. Хотя инопланетянами в данном случае уместнее называть нас.

Мы поделились примерно поровну между кораблями. Большинство солдат при этом отправились на корабль с пиратами на случай чего.

Этот день был наполнен суматохой, поэтому мы никуда не плыли. Было много других дел, взять хотя бы то же переселение с корабля на корабль. Заняло оно немало времени и неслабо потрепало нервы. Это при том, что берега континента мы достигнем максимум за двое суток. Плыть осталось недолго.

Следующие два дня прошли спокойно. Пленённые пираты не пытались бунтовать, штурма не было, ничего не ломалось, флибустьеры больше не нападали.

Освобождённые смелели ежедневно и уже не так боялись нашего оружия и необычных вещей, несвойственных для их мира.

Один из них однажды чуть не сломал один из немногих уцелевших ноутбуков, используя его светящийся монитор в качестве фонаря. Хотя поначалу они и смотреть на наши устройства боялись.

Не знаю точно, есть ли какой-то смысл в том, что мы взяли кое-какое оборудование из лагеря. Наверное, есть. Вряд ли кто-то из местных согласится плыть с нами обратно, так что мы сможем сохранить информацию об ориентировании по звёздам в ноутбуках... Вот ведь я дура из цифрового общества! Всю информацию можно и на бумаге сохранить. В этом мире её пока не так много.

Кстати, странно, что освобождённые вот так легко смогли найти нужный путь в море, когда не видно никаких ориентиров. Офицеров ведь среди них нет... Хотя может кто-то из них когда-то и был навигатором, а потом стал рабом. Перейти в касту рабов в этом мире гораздо проще, чем найти хорошую косметику... Любую косметику. Разве что свёклой местные барышни, возможно, щёки себе натирают, становясь похожими на гротескного мультяшного персонажа.

Хотя местных барышень я пока не видела, все освобождённые — мужчины. Женщины-рабыни, очевидно, имеют иное предназначение, нежели гребцы. Может, им и косметика никакая не нужна — и так красотки.

***

Мы встали на якорь неподалёку от берега, хотя рядом виднелся деревянный причал. Но к нему отправили лишь лодку, на которую погрузился Филипп, Андрей, несколько солдат с автоматами и ещё несколько человек из освобождённых. Наверное, хотят разведать обстановку, прежде чем высаживаться всем скопом. Вдруг и здесь враги?

Я стояла на палубе и наблюдала за процессом. К счастью, для этого у меня имелся бинокль. На причале группу наших первопроходцев встретили какие-то стражники в странного вида доспехах. Они о чём-то говорили, но слышать на таком расстоянии их разговор я не могла.

Тогда я перевела бинокль чуть левее, на город. Возле городских стен кипела работа. Люди ремонтировали защитные сооружения. Наверное, недавно была какая-то битва, в ходе которой пострадали не только горожане, но и укрепления.

Снаружи огороженного каменными стенами города тоже царила суета. Тут и там вперемешку строили деревянные и каменные дома, не соблюдая никакой порядок. Хаос, одним словом. Неужели не боятся новых боёв? Вот если бы я руководила постройкой оборонительных сооружений и домов за пределами городских стен, то сделала бы немного иначе... Хм. Точно. Так бы и дома не закрывали стражникам часть обзора, и жителям пригорода было бы безопаснее... Хм. Не о том я сейчас думаю.

После нескольких минут переговоров часть наших первопроходцев отправилась с местными. На лодку вернулись только гребцы и командиры, после чего лодка отправилась назад к кораблю.

Как оказалось, переговоры прошли успешно. Местные действительно недавно пережили тяжёлый бой. Город теперь расширяют и строят дома, казармы и склады, так как ожидают вскоре прибытия подмоги, а прибывших где-то необходимо будет размещать.

Нашему внезапному прибытию горожане оказались несказанно рады, так как надеялись, что мы поможем им в грядущей обороне, которая должна произойти через несколько месяцев. Однако не все из нас этому обрадовались. Точнее, не обрадовался никто.

Сперва наши командиры хотели убраться восвояси, где освобождённые смогут спокойно жить, а земляне — обучиться как следует навигации и отправиться обратно, на континент, с которого мы приплыли. Но, выслушав последние новости, командиры решили никуда не бежать, так как бежать особо некуда. На Востоке земли захвачены какой-то агрессивной

формой местной фауны, с которой недавно и произошло сражение у горожан. На Западе — орки, если я правильно поняла смысл сказанного, а на Севере вообще творилась какая-то неразбериха и анархия.

Так что временно нам придётся остаться здесь.

Но не все оказались согласны с подобным решением наших командиров. По их возвращению начались горячие споры, после которых решили, что каждый вправе сам решать за себя. Каждый из освобождённых. У землян была чёткая цель — вернуться назад, а у пленных пиратов права голоса не было.

В итоге было решено, что тем, кто не желает здесь оставаться, отдадут одну из захваченных недавно галер и отпустят на все четыре стороны. Недовольные оперативно собрали свои вещи и перебрались на галеру, после чего подняли якорь и спешно загребли в направлении островов.

После этого освобождённых осталось сто четыре человека, двадцать семь эльфов и четверо тигролюдов. На галере уплыли лишь хомо сапиенсы. Немногочисленные же представители местной разумной фауны остались с нами.

В течение следующего дня две из трёх оставшихся галер с помощью канатов, физической силы и русских матов загнали на берег. Одна же, та, что досталась от пиратов, напавших на нас, осталась на воде. Её Андрей решил использовать, чтобы неподалёку от берега отточить навыки гребли и навигации.

Он уговорил нескольких местных отправиться вместе с нами обратно на Халион. С этого дня ежедневно проходили тренировки. Но поскольку на вёсла посадили лишь мужчин-землян, женщин-землянок временно высадили на берег, в том числе и меня. Как только удастся добиться достаточной слаженности команды, мы пополним запасы пресной воды, запасёмся вяленой рыбой и отправимся в путь, который мы уже преодолели в противоположном направлении. Будем надеяться, что маги и их сподручные уже покинули наш лагерь. Хотя... Зачем они вообще на нас напали? Переживали за безопасность своих раскопок? Так мы их и не трогали — своих забот хватало.

Значит, врата, с помощью которых мы оказались в этом мире, вероятно, принадлежат олодцам, и они просто решили вернуть назад свою собственность. Тогда... Наше возвращение будет бессмысленным, и тогда мы застряли здесь навечно!

От этой мысли моя кожа покрылась мурашками. Только сейчас я поняла, как же сильно хочу домой.

Но стоп! Если эти врата принадлежат магам, то почему же они находились в богом забытой пещере? Это не их врата! Они отправили экспедицию на раскопки. Вероятно, на том континенте полно различных непонятных безделушек, за которыми и охотились маги. Одной из таких безделушек оказались врата. Их просто захотели присвоить эти алчные аборигены!

Да! Наверняка так и есть! Но радоваться и в этом случае нечему. В этом случае врата всё равно контролируются магами... Неужели такая мысль не приходила в голову Андрею? Я с ним поговорю. Обязательно. Хотя я теперь никто и звать меня никак, но сказать это нашему командиру нужно.

Я скажу, обязательно. Вот только вытру слёзы и скажу.

Разговора с Андреем пришлось ждать трое суток. Он не покидал галеры, а я тем временем разместила в одной из хижин за стенами города. Эти трое суток я даром не теряла.

Моё жилище было двухэтажным деревянным домом. Жила здесь, разумеется, не только я. Нас тут проживало человек двадцать как минимум. Всех женщин-землянок уместили в одном помещении и даже пару местных барышень подселили. Это было что-то вроде женского общежития. Никто из местных никогда не сидел без дела, поэтому и я решила найти себе подходящее занятие. К тому же непонятно было, на положении кого мы здесь находимся. Гости? Мясо в предстоящей битве?

В любом случае жильё нам предоставили, а вот питались мы припасами с корабля. Бывшие хозяева галер, очевидно, запасались на год вперёд. Но все материальные блага имеют свойство заканчиваться, поэтому я решила как-то заработать себе на жизнь, как бы глупо это сейчас не звучало.

В ходу здесь были самые настоящие монеты. Медные, серебряные, золотые. У меня с собой было несколько пятидесятикопеечных монет с Земли. Когда я попыталась на городском рынке выдать их за медные, меня чуть ли не погаными тряпками прогнали. Не вышла из меня фальшивомонетчица.

Тогда мне в голову пришла ещё одна безумная идея: я решила встретиться с главой города и предложить свои услуги фортификатора. Это не наш мир, где мэра или губернатора ты чаще всего видишь по телевидению, а в живую скорее всего и вовсе никогда не встретишься. Здесь нравы немного проще, а власть — ближе к народу. Хотя какие-то условности и зарождающаяся бюрократия обязаны быть и здесь.

К тому же не так-то просто оказалось эту власть отыскать. Казалось, что город живёт сам по себе, а люди сами решают, что им делать. А учитывая то, что я весьма скверно говорю на местном языке, а на меня в моей одежде местные смотрят, словно на павлина в Антарктиде, это оказалось ещё сложнее.

Но с горем пополам я выяснила, что страна эта именуется как Эйлония. Правит ею кто-то хладнокровный. Правда, я не поняла, хладнокровный он из-за характера или из-за особенностей местной фауны. Он стал королём недавно, перенёс столицу в этот захудалый городок, а сам куда-то уехал. Наверное, в какой-нибудь завоевательный поход, ну или чем там в эту эпоху занимались у нас на Земле.

Местные женщины, как я и думала, косметикой не пользовались, даже свёклой. Но были не страшными толстухами, как я предполагала, а стройными и симпатичными. Даже слишком стройными. Всего лишь физический труд и отсутствие сахара и химии в продуктах — а какой результат!

Что-то мысли мои зашли не в ту степь. В общем, в отсутствие короля главными в городе, да и во всей Эйлонии были двое: леди Мелисанда, которая занималась мирными вопросами, и Рикс — местный военачальник. К кому обратиться со своим вопросом, я даже не знала. Решила попробовать переговорить сперва с Мелисандой, а если разговор не пойдёт, то попробую побеседовать с Риксом.

Город мне не понравился. Под мостовой бежала небольшая река, в которую сбегали стоки из канализации, проложенной не под землёй, а поверху, и являлась всего лишь вонючей канавой. Повсюду были всадники на причудливых животных, которых в нашем мире точно нет. Хотя отдалённо они напоминали верблюдов... Со свиным рылом... И с кудрявой шерстью... Такой себе верблюд получается...

Я стояла на крыльце самого большого дома в городе. Дом был сложен из крупных камней и имел в себе два этажа и покатую черепичную крышу. На каждом этаже было по четыре крохотных оконца, затянутых не стеклом, а чем-то мутным и мерзким. Хотела я

постучать в дверь, но та открылась и меня едва не сбил с ног вышедший из здания стройный парень лет двадцати в грубой тканой одежде, напоминающей что-то средневековое из музея. Училась я, училась, а так и не запомнила, как называются такие одежды. Пусть будет просто: рубаха и штаны.

Немного помедлив, я вошла в оставленную открытой парнем дверь. На нижнем этаже был камин, который сейчас не горел и был холоден, как моё сердце во время студенчества. А зря. На улице было довольно прохладно. Наверное, скоро наступит зима. Здесь, судя по всему, была кухня. Поскольку никого на нижнем этаже не было, я решила подняться наверх.

Поднимаясь по лестнице, я увидела, что наверху, спиной ко мне, за столом стояли двое: женщина в бледно-голубом платье лет тридцати с прекрасной фигурой и крепко сложенный мужчина в доспехах, напоминающих те, что были у римлян. Они о чём-то оживлённо разговаривали и тыкали пальцами во что-то на столе.

Я хотела привлечь их внимание лёгким покашливанием, но в этот момент прямо передо мной, на уровне шеи, из ниоткуда появился бронзовый меч.

— Что ты здесь делаешь, тарья маракто?

— А-а-а, — выдавила я из себя, едва не упав в обморок.

— Отвечай! — повторил мужчина в доспехах, которого я только сейчас заметила, а мужчина с женщиной повернулись ко мне и удивлённо посмотрели на меня.

— Ты ведь из этих, с трирерто, верно? — спросила меня женщина.

— Да, — осторожно ответила я.

— Опустит меч, пусть подойдёт, — сказала женщина стражнику. — Ты что-то хотела? Сейчас несъелго уто.

Я ещё плохо знала местный язык, поэтому старалась говорить максимально кратко и просто. После того как стражник убрал свой меч от моей шеи, я сказала:

— Мне не нравятся ваши стены. Я знаю, как сделать лучше. Я это умею.

В этот момент мужчина, который стоял за столом, удивлённо хмыкнул и впервые за всё время моего здесь присутствия заговорил:

— Тогда иди сюда и смотри!

Я подошла ближе к столу и увидела, что на нём лежит карта. Мужчина указывал пальцем на разные отметки на карте и сказал:

— Это корхо. Местность так, как её видят птицы в небе. Вот здесь мы. Тут и тут пегьерто в горах. С той стороны через несколько месяцев на нас нападут арахниды.

Последнее слово он произнёс на родном мне языке, что показалось мне довольно странным. Возможно, просто совпадение.

— Мы хотим строить вот такой жонглим, тут и вот тут. Если ты действительно хоть что-то понимаешь в жонглу, то скажи, правы ли мы в своём колторум.

После этого я сказала слова, о которых вскоре пожалела:

— Сперва хочу увидеть врагов. Хочу знать, что они могут.

Мужчина вновь усмехнулся, после чего взял меня под руку и грубо куда-то повёл.

— Ты странно разговариваешь, прямо как Саян говорил, когда мы впервые встретились. Вы с ним не из одной деревни, случайно? — сказала нам в спину женщина.

Я сперва подумала, что понятия не имею, о ком она говорит, но немного подумав, я так удивилась, что мои глаза сами собой полезли на лоб. Неужели она говорит об Александре, что первым из землян вступил в этот мир? Я хотела обернуться и расспросить женщину о нём, но ведущий меня мужчина не позволил этого сделать и вёл дальше вниз по лестнице. В

любом случае, это не может быть Александр. Он попал в этот мир один и без оружия. Наверняка он уже давно погиб.

Как я потом выяснила, мужчина, с которым я шла, и был местный военачальник Рикс, а женщина рядом с ним — та самая Мелисанда. Второй мужчина был просто стражником, имени которого я не знаю.

Рикс увёл меня за город. Мы перешли небольшую речку по мосту и пришли к какому-то загону с высоким забором. Стоило нам войти внутрь, как я будто окаменела и даже крепкий Рикс оступился, пытаясь сдвинуть меня с места. Я стояла, раскрыв рот и смотрела на ЭТО. Внутри загона было несколько деревянных клеток, изготовленных из прочных жердей и усиленных металлическими прутьями.

А внутри клеток было два существа, которых я раньше никогда не видела и видеть не могла, потому что в нашем мире их нет. Они были не похожи на тех чудовищ, что напали на нашу базу вместе с магами. Это были явно монстры другого вида.

Судя по числу конечностей, это были два паука, хотя внешне они более походили на муравьёв, питающихся исключительно стероидами и протеиновыми коктейлями, ведь вымахали они до габаритов лошади. Голова их была при этом отдалённо похожа на дельфинью, но с более крупными зубами и более отвратительную. Всё тело твари было покрыто хитиновыми пластинами чёрного цвета. Теперь стало понятно, откуда у многих местных стражников такие необычные доспехи. Они убивали этих тварей и делали броню из их панцирей.

Тварь увидела меня и посмотрела прямо мне в глаза, отчего мне сделалось ещё более жутко, а затем, наверное, чтобы окончательно меня морально добить, она стукнула лапой по клетке, отчего та немного пошатнулась.

Рикс посмотрел на меня с улыбкой и спросил:

— Ну что, готова теперь продумать нашу жонглуту?

Глава 7 Саян. Путь домой или шаг вперёд, два шага назад.

Никто не создавал первую рукопись с догматами драглицизма. Она была всегда, как и Мать драглов и её жатва. (Отрывок из сборника догматов драглицизма).

Я проснулся от холода. Сперва я не мог понять, почему же я абсолютно гол. Затем вспомнил, что всю свою одежду извёл на изготовление верёвки. Из шерсти Бурого, может, одежду себе соорудить? меховые трусы, м-м-м. Ну нет, на такое рукоделие я не способен, да к тому же вид у Бурого с выбритым боком будет не очень. Упомянутый же мною медведь самым наглым образом беззаботно храпел рядом со мною.

Нужно было придумать себе какую-то одежду. Я расплёл то нехитрое приспособление обратно в верёвку и стал мастерить из неё подобие набедренной повязки. Получилось что-то вроде трусов из кожаных лоскутов, крепившихся с помощью лямки за шею, по бокам которых болтались два кармашка с маннитом. Я стал похож на БДСМщика, у которого нет денег, чтобы купить новые игрушки в интернете. Но тут уж не до красоты. Не сверкаю причиндалами перед всем белым светом, и то хорошо.

Материалов для изготовления другой одежды у меня не было. Не из берёзовой же коры штаны себе шить?

Я разбудил Бурого, чтобы отправиться верхом на нём в Чивуак. Но тут мой желудок напомнил о себе и требовательно заурчал. Да уж, настолько я привык голодать, что чуть не забыл позавтракать. Тут же дал мысленную команду Бурому. Он спустился обратно в колодец. Пару минут из колодца слышались мерзкие звуки разрываемой плоти, а затем медведь выбрался обратно на поверхность с куском туши скитальца в зубах.

Я отрезал от него приличный кусок в форме стейка, нанизал на ветку и поджарил заклиниванием. Вкуснотища. Хоть какой-то прок от тварей есть. Сегодня желудок уже не болел от гастрономических удовольствий, и обрадованно заурчал, когда получил порцию пищи. Я немного согрелся. Медведь тоже быстро схрумкал свой кусок.

Что ж, пора в путь. Теперь мне предстояло как-то взгромоздиться на медведя. Надеюсь, током он не будет биться, как опасался Оло после моего не слишком удачного заклинивания.

Попытка оседлать медведя оказалась непростой. Нет, если бы все мои конечности были бы здоровы, я бы уже всю нёсся на косолапом в Чивуак. Но меня слушалась только одна рука! Бурый разлёгся на животе, а я пытался вскарабкаться ему на спину. После нескольких неудачных попыток я сделал это.

Посох и кинжал я воткнул в петли на своих... Хм, шортах с ляжкой. На медведе я ехал полусидя полулёжа, так как иначе не мог.

Мы проехали не больше сотни метров, и я понял, что если мы продолжим передвигаться среди веток, кустов и грязи, то в Чивуак Бурый привезёт окровавленный труп с отбитой задницей. Нужно выехать на дорогу. Я сейчас не в том состоянии, чтобы путешествовать по лесам.

К месту раскопок в прошлый раз мы прибыли по лесам, избегая дорог, так как, судя по рассказам местных, на дороге должен находиться город, в котором, вероятно, сейчас обосновались арахниды.

Чтобы максимально быстро выехать на дорогу, придётся двигаться на юг. Тогда тот самый город окажется как раз между нами и Чивуаком. Опасно, но выбора нет. Остаётся

только надеяться, что город разрушен тварями, а оттого им неинтересен и пуст.

На самом деле я надеюсь на то, что в Чивуаке встревожатся от того, что от экспедиции долго нет вестей, и направят нам на выручку отряд. Своими силами выбраться у меня, скорее всего, не получится. Как бы ни было тяжело это признавать.

Худо-бедно мы ехали через лес к дороге. Чтобы хоть как-то отвлечься от не самого приятного времяпрепровождения, я размышлял о том, что же мне делать дальше.

Я боялся попасть в город, который был захвачен чудовищами роя, и в то же время стремился в нём оказаться. Пугала меня неизвестность и то, что могу встретить в городе. Против большого числа существ я не смогу сражаться, да и убежать у меня не выйдет. Возможно, самым разумным в этой ситуации было бы оставаться где-нибудь неподалёку от руин. Питаться осенними ягодами, коих достаточно в округе для пропитания не только меня, но и медведя. Но приближается зима. Скоро наступят холода, а соорудить себе жилище я пока не в состоянии, а одежды у меня нет. Жить в берлоге, которую способен соорудить косолапый, я не хочу. Придётся возвращаться в Чивуак и делать это по дороге, а не по лесам.

Светило уже было в зените, когда мы наконец выехали на дорогу. К моему счастью, чудовища не набросились на нас в тот же момент.

В случае опасности я надеюсь отправить в неприятеля полдюжины фаерболов, вцепиться покрепче в шкуру Бурого и сматываться в любом направлении.

Ну и конечно, я надеюсь на помощь из Чивуака. Да и голос может помочь. К тому же мой отряд скорее всего ещё жив, хотя и находится в плену у тварей. А самую главную надежду я возлагаю на то, что твари мне на пути не встретятся.

Мы ехали ещё пару десятин по мощёной булыжниками дороге, прежде чем решили остановиться, чтобы пособирать ягоды и утолить голод. Причём остановиться мы решили, как-то даже не сговариваясь. Просто медведь немного свернул с дороги, а спустя мгновение я увидел полную ягод поляну.

Бурый лёг, позволяя мне спокойно спуститься со своей спины, а затем мы с ним принялись наперегонки употреблять спелые ягоды. Насытившись, мы продолжили путь. Никто нас не потревожил за время трапезы. Я при этом нервничал всё сильнее и сильнее, полагая, что это затишье перед бурей. Ведь, по моим предположениям, здесь всё должно быть усыпано тварями также, как та поляна была усыпана ягодами, но ни одна нам не повстречалась. Иногда, правда, рядом с дорогой мы видели следы, которые явно принадлежали отродьям.

Мы продолжали путь и уже начало темнеть, когда я решил свернуть с дороги, чтобы устроить привал. Но тут вдали стали видны очертания зданий. Это определённо город, через который нам придётся проехать. Подумав немного, я решил не спешить и всё же переночевать в лесу. Не очень хочется по темноте оказываться в городе, разрушенные стены которого могут скрывать любые опасности.

Мы вновь съехали с дороги и вскоре оказались в густой чащобе. Радовало то, что ночевать на голодный желудок не придётся: я захватил с поляны достаточно ягод для ужина, завернув их в какие-то крупные лопухи. Но это я не останусь без ужина, а вот моя лохматая химера будет голодной, даже если я с нею поделюсь. Чтобы прокормить такую тушу, собранных ягод всё равно не хватит, поэтому я решил оставить немного на завтрак для себя, а медведя не кормить.

Засыпал я с тревогой на сердце и, как оказалось, не зря. Стоило мне погрузиться в сон, как тут же я услышал заветное:

— Убей комара... Убей...

— Как скажешь, дружище.

Пошарив рукой по невидимым стенам, я, очевидно, прихлопнул такое раздражающее насекомое. Жаль, что оно было лишь одним из миллионов. Голос затих и не требовал никого убить. Но и привычной благодарности за убийство насекомого не было.

Тогда я решил взять инициативу в свои руки. Мысленно прикоснулся к посоху, сотворил простейшее заклинание и повесил прямо перед собой привычного уже светляка.

Пространство моего сна впервые перестало быть крошечной тьмой. Я находился в очередных руинах древних сооружений, которые, однако, сохранились гораздо лучше, чем все, виденные мною ранее. Да, стены были каменными, а камень покрыт налётом из лишайника; воздух изрезан многочисленными паутинами, чёрными от увязших в них насекомых. Кстати, густой слой смеси из живых и мёртвых насекомых покрывал пол. Зрелище не для слабонервных. А когда я поднял взгляд, то увидел источник ужасного гула. Воздух был густ от заполняющих его насекомых.

Причудливой формы корни проросли сквозь плотно подогнанные друг к другу каменные блоки, часть которых осыпалась и неприглядными возвышенностями лежала на полу среди мириад насекомых.

Но, несмотря на это, были руины действительно самыми хорошо сохранившимися из всех, виденных мною. И это несмотря на общий бардак, разруху и паутины. Здесь была жизнь. Древняя жизнь.

Я находился в весьма странном месте. Хотя находился — это громко сказано. Я попытался оглядеть самого себя, но оказалось, что я будто бы превратился во взгляд. У меня не было ни рук, ни ног. Но когда я мысленно представлял, что трогаю рукой стену, то чувствовал ладонью камень, а когда попытался убить севшее на камень насекомое, то с лёгкостью его раздавил. Выглядело это так, будто комар просто сам по себе расплющился о стену.

— Я убил ещё одного! — крикнул я в пространство, ожидая реакции хозяев, однако ответа не последовало.

Я осмотрелся и понял, что комариный гул неоднороден и в какой-то стороне он немного сильнее, чем во всех прочих. Тогда я стал двигаться к его источнику.

Просторное помещение сменилось узким коридором. Я двигался на звук, который становился всё сильнее и сильнее. Пройдя по коридору, я оказался в другом помещении, столь густо заполненном кровососущими паразитами, что не мог рассмотреть, что находится с другой стороны комнаты. В этот момент я обрадовался, что у меня нет тела в этом не то кошмаре, не то ужасе наяву.

Этот зал, кроме насекомых, был заполнен огромными, непонятными механизмами, раздавался треск сотен шестерёнок. Огромные прозрачные баки с зеленоватой жидкостью были облеплены комарами и плесенью. Шланги тянулись через всё пространство помещения, будто бесконечные змеи. А вдали, облепленное несколькими слоями насекомых, было нечто, что разглядеть я не мог. Приблизиться почему-то не хотелось. Я ощущал какую-то опасность, исходящую из непонятого объекта в противоположном конце зала.

Не знаю, откуда у меня в голове взялась подобная мысль, но я решил сотворить ещё одно заклинание, которое никогда раньше не делал. Видимо, нестерпимый гул крыльев заставил меня до этого додуматься.

Несуществующим посохом в несуществующей руке вычерчиваю в воздухе конструк,

треугольник, заполняю его рунами с помощью несуществующей руки: огонь, оттолкнуть, поглотить. По задумке должно получиться нечто вроде струи из огнемёта, направленной в центр комариного роя. Наполняю руны силой, отталкиваю заклинание. Вспышка огня, удаляющегося от меня, но спустя мгновение поток огня разворачивается и летит обратно в меня.

— Уничтожу!

Ага, похоже, проснулся Голос. Не нравится ему, что в его обители колдуют. Да и ладно — сам виноват. Нечего меня постоянно из спокойного сна выдёргивать...

Не успеваю закончить мысль — поток пламени опалает несуществующее лицо, руки, ноги. А вот боль вполне реальная.

Тут же просыпаюсь. Всё горит от нестерпимой боли, даже ноги, которые я чувствовать не должен. Пытаюсь сбить с себя пламя, но понимаю, что никакого пламени нет. А боль есть, но быстро сходит на нет.

Где-то неподалёку в темноте ночи сопит Бурый. Стрекочат ночные обитатели. В звёздном небе вижу Луну. Одну. Вторая сейчас скрыта от моих глаз. Пролежав так несколько минут, наконец смог успокоить дыхание, а боль полностью прошла. Я рискнул закрыть глаза и тут же провалился обратно в сон.

Больше приключений с Голосом этой ночью не было. Спокойно спал до утра. Хотя надеялся на ещё одну встречу с неизвестным. Раньше ведь благодарил меня за уничтожение одного единственного комара, а тут я настоящий геноцид кровососам устроил, а он даже молодцом не назвал. Жаль. А я надеялся кое-какие ответы получить. Не судьба.

Когда проснулся, то Бурого рядом не было. Очевидно, пошёл на разведку в поисках еды. Не беда, я пока никуда не тороплюсь. Доел остатки ягод, завёрнутые в крупный лист местного растения, напоминающего земной лопух.

К этому моменту как раз объявился Бурый. Я взгромоздился ему на спину. От зверя шёл сильный запах ягод.

— Тоже поел, бродяга? Молодец. Силы нам с тобой нужны. Ну что же, поехали в город. Может быть, найдём мне тряпки какие, да седло для эйхо сыщется. Думаю, мне удастся на тебе его закрепить. Ехать хоть буду как человек.

Спустя пару десятин добрались до города. На первый взгляд, ни одной живой души тут уже нет. Да и трупы, похоже, кто-то старательно не то подъял, не то утащил, даже косточек и тех нет.

Если честно, то городом это назвать было сложно, скорее это то, что от него осталось. Когда-то это поселение было окружено каменными стенами, сейчас же сейчас полностью разрушенными. Многочисленные дома, сложенные из вытесанных булыжников, были тоже не в лучшей форме. Некоторые покосились, а многие вовсе рухнули. На большинстве были видны следы пожаров. Деревянные постройки практически не уцелели.

А ведь совсем недавно тут бегали детишки ремесленников, в трактирах подвыпившие посетители спускали деньги на продукцию местных виноделов, глашатаи кричали о приближении роя...

Мне очень хотелось верить, что мы с Бурым — единственные живые здесь существа. Нет, я был не против, если в каком-нибудь подвале, спрятавшись, смог выжить кто-нибудь из местных, просто я больше верил в то, что за очередным разрушенным зданием скрывается скиталец или отродье.

Я всеми силами хотел обойти город, но вариантов осуществить это у меня было не так

много, и поскольку я уже оказался здесь, то нужно попытаться восполнить запасы одежды и найти еду.

Отправив химере мыслеобразы одежды и еды, я спустился с медведя и пополз в одно из неплохо сохранившихся зданий.

Похоже на хижину каких-то простолюдинов. На полу раскидана деревянная посуда, разорванная плетёная корзина, покрытая пылью, лежит посреди комнаты, с потолка свисают ключья паутины. Простая деревянная мебель стоит вдоль стен. Не похоже, что здесь мне удастся обзавестись чем-либо полезным.

Пополз дальше, а медведь тем временем тоже разгуливал по округе в поисках полезностей.

В следующем доме моё внимание сразу привлекли несколько деревянных бочек. Может быть, удастся разжиться какими-нибудь соленьями? Но нет. Неудача. Хотя из бочек и пахнет солью. Очевидно, твари или ещё кто-то здесь уже прошёлся и собрал все сливки.

Я обполз ещё несколько хижин и стал счастливым обладателем простых кожаных башмаков со шнурками из бечевы. Уже что-то.

Едва надев обнову, я почувствовал, как мой химер меня куда-то зовёт. Находился он неподалёку, и я быстро подполз к нему. Он шумно вдыхал воздух из узкого лаза промеж камней обвалившегося здания.

— Учуял что-то? — спросил я, не надеясь на ответ.

Ну что ж. Я сильно исхудал в последнее время, да и ползать привык. Я заполз в отверстие, которое нашёл косолапый. Обвалившиеся булыжники больно царапали живот. Ничего — потерплю. Зато найду что-нибудь полезное.

Лаз вёл куда-то вниз. Я полз какое-то время, а затем запах сырости и плесени просигнализировал мне о том, что я оказался в подвале. Круг, свет — простой конструкт и простая руна, и светляк готов.

Так. Так. Что тут у нас? А тут у нас самый настоящий, не разграбленный, погреб! Трупов нет, если не считать мумифицированную крысу в углу.

На полу слой гравия, стены покрыты мхом, сводчатый потолок, у одной из стен стоит стеллаж с бутылками вина, у другой — платяной шкаф. Рядом со мной несколько дубовых бочек.

Вот оно! Счастье идиота. Уж не знаю, как сюда не добрались ни чудовища, ни кто-либо ещё, но похоже, я нашёл то, что искал. Первым делом заглянул в платяной шкаф.

Ну наконец-то я перестану щеголять в набедренной повязке, которую побрезгует надеть даже самый вонючий местный бомж. Тут же снял с себя эту мерзость. Повозившись какое-то время, сумел одеться. Теперь я счастливый обладатель не только кожаных башмаков, но и простой тканой рубахи, шерстяных штанов, кожаной жилетки, милой кожаной шапки, ремня на поясе, кисета и потрёпанной кожаной сумки.

Неплохо прибрахлился. А проверив бочки, понял, что и обед с ужином сегодня будут сытными. Но для начала забил до отказа сумку солёной рыбой из бочки и выполз на поверхность с этими соленьями. Бурого надо кормить.

Сделал ещё несколько рейсов в обе стороны, прежде чем прожорливый химер насытился. Затем решил, что безопаснее будет хранить кое-какие вещи у Бурого. Для этого соорудил специальную перевязь, за которую зацепил кожаную сумку, куда спрятал кисет с кусочками маннита и немного еды.

Глава 8 Саян. Погреб.

Смерть всегда рядом. (Отрывок из сборника догматов драглицизма).

Шла уже вторая половина дня, и я решил не спешить никуда сегодня, ведь в городе, похоже, безопасно. Завтра с утра пораньше поедим с Бурым и двинемся в путь, а сегодня лучше будет переночевать в подвале, тем более что ничто крупное в него залезть не сможет.

Дал команду косолапому спрятаться в каком-нибудь доме неподалёку, в который он сможет протиснуться, а сам спустился вниз. Набил брюхо до отвала и заснул прямо на щебёнке за бочками.

В этот раз меня разбудил не Голос и не медведь.

— Копчёный, ползи давай быстрее, а то я тебе ножом в пятку ткну!

— Я тебе ткну, Сиплый! Щас как дам пяткой по носу, вмиг гонору поубавится!

— Хватит болтать, идиоты! Ползите оба внутрь, пока тут твари не объявились.

Я открыл глаза, разбуженный чьими-то голосами и шорохами, но лежал неподвижно. Похоже, моё логово кто-то нашёл и, возможно, захочет сейчас меня выселить. Я поудобнее перехватил посох и стал думать над тем, каким заклинанием могу ударить непрошенных гостей. Подвал озарил свет факела.

— Кажись, я что-то вижу! — раздалось где-то совсем близко

— Я рад, что ты не ослеп, Копчёный! Что видишь-то? — а обладатель этого голоса, похоже, стоит на поверхности. Очень уж приглушённый доходит звук.

— Братва, айда все сюда! Походу сегодня с голодухи не помрём. Я погреб надыбал, тут жратвой пахнет!

Я лежал за бочками, и спустившийся через не предусмотренный изначально конструкцией лаз человек не мог меня видеть. Я подумал, что в подобном помещении будет не очень умно использовать фаербол, ведь можно легко спалить себя самого. Других атакующих заклинаний я не знал, а проводить эксперименты сейчас желания не было. Кто бы ни лез сюда, лучше будет сперва припугнуть их, а потом уже выяснять, что да как. Поэтому я воткнул посох за пояс, взял в зубы кинжал и аккуратно стал подползать ближе к лазу.

— Слышь чё, Сиплый! Тут рыбы полно и крупы! Так что ногти грызть тебе сегодня не придётся — нормальная жрачка есть!

— Не шурши, — прошептал я на ухо Копчёному, прижав кинжал к его горлу.

Я не видел в этот момент выражение его лица, но думаю, что там была целая гамма эмоций, главной из которых была даже не эмоция, а мысль: «облом».

Сиплый едва хотел встать, ведь попасть в погреб можно только ползком, как увидел товарища, с приставленным к горлу ножом. И если у его товарища был кинжал у горла, и всё, что он делал это дрожал, то Сиплый даже дышать побоялся, но зато крикнул:

— Братва, тут попадос! Мы на чужую поляну влезли!

— Значит, так. Ты, упырь, лезь сюда. А остальным скажи, чтобы оставались снаружи, иначе я укорочу Копчёного.

— Я... Это... Агась!

— Что, у тебя там, Сиплый?

— Бугор, да тут это, проблемка нарисовалась. Короче, тут тип один хмурый, Копчёного подрезать хочет. А я на очереди. Говорит, чтобы вы не лезли сюда! — мужчина на мгновение

замолчал и перевёл взгляд на меня. — Слышь, братан, ты это... Не глупи. Не враги мы тебе. Ты попросил — я сказал.

— Сиплый, ты там сам разрулишь, или тебе помощь нужна? Ты давай быстрее там вопросы решай, лады? Патруль чудовищ в любой момент может заявиться. Надо прятаться скорее, а эта нора — самое подходящее для этого место.

— Братан. Ну ты сам всё слышал. А если чудики заявятся, то они не только тех, кто снаружи порешат, они и сюда докопаются. Так что ты это, может, в гости остальных пригласишь?

Можно было, а, наверное, даже следовало поразмыслить над тем, что дальше делать, но я не хотел показывать незваным гостям, что замешкался, а потому быстро и уверенно сказал:

— А я никуда не тороплюсь. Кто понял жизнь — тот не спешит. Поговорим, а потом я уже решу, что с вами делать. Кстати, Копчёный, дыши давай, а то задохнувшийся заложник мне нужен.

Похоже, мои слова заставили мужчину вспомнить, что у него существует потребность в кислороде. Он задышал.

— Начнём с того, гости дорогие, что вы мне скажете, кто вы и откуда, а самое главное, почему меня разбудили?

Сиплый выглядел страшно. Он был лысым. На вид ему было около сорока, лицо было в шрамах, рабских клейм не видно, половины зубов нет, взгляд дикий, в правой руке держит факел, на поясе висит короткий меч в ножнах.

— Мужик, ты это, не глупи давай! Ты один тут, а нас много. Мы тут с корешами пришли. Ну наглупишь ты, убьёшь этого засранца, а мы тебя потом того — в расход. Мы за своих горой. Так что опусти-ка ты свой ножик и поговорим. А харчи в погребе мы тебе оставим. Мы всё поняли. Лады?

— Нет, не лады. Или отвечай на вопросы, или корешей у тебя станет на одного меньше, а потом я и за тебя возьмусь.

— Ладно, ладно, не горячись. Солдаты мы. Беглые. Не согласны были с порядками в армии, вот и подались на вольные хлеба. А тут, оказывается, чудовища всякие бродят, вот мы и выживаем, как можем.

— Сиплый, ты чего там ляды точишь? Кончай фраера и дело с концами!

— Да погоди ты, бугор. Тут нормальный малый походу! Тоже, наверное, из наших! Слышь, хмурый, чё я всё о себе да о себе? Ты-то расскажи хоть про себя чего! Может, нам делить вовсе нечего, а? Ты тоже из армии сбежал?

— Из какой армии? Что ты несёшь? Нет тут никакой армии! Все эти земли уже несколько месяцев во власти роя. Тут нет никакой армии.

— Тут нет, ты прав. Но мы из Гарка пришли. Мы из освободительной армии, так нас старший называл. Короче, банда наша по большей части из Олода бежала. Вышло так, в общем, бунт подняли. Из тюрем многие бежали, а кто-то из рабства освободился. Мы, короче, на юг все вместе двинули, через реку переправились и в Гарке оказались. Там, короче, скучковались кто с кем. Мы вдесятером вот в одной камере ютились раньше, вот так всей хатой и двигались потом все вместе. А дальше кто на дно пошёл на переправе, кого порешили, вот у нас в банде пять человек и осталось. Короче, банда наша с бандой Грюнта столкнулась уже на этом берегу. Это огромный орк и банду он большую сколотил. Он предложил в Гарке грабить, ну и освободить их, так сказать, от лишнего богатства. Потому мы и освободительная армия, наверное. Вот так дело было.

— Хорошо, а дальше то что? — спросил я. — Где Гарк и где мы сейчас. Как вы тут оказались?

— Да как, как? Короче, нас, беглых очень много было, а Грюнт — командир толковый. Порешили мы армию Гарка, уж сам не знаю, как так вышло. Ну тут мы с бугром решили завязать пока, награбили-то мы немало, но тут с Грюнтом тёрки начались. Он останавливаться на достигнутом не хотел. Вот мы и сбежали. Мы же свободные всё-таки, а не солдаты какие. Куда хотим, туда и идём. Двинули в Эйлонию. Там бабки просадили быстро, ну, нас местные и решили в войско определить. Все сговорились будто! Ну какие вояки из нас? Мне бы вот главное выпить, да чтоб сиська горячая под рукой всегда была, да побольше. Короче, и в Эйлонии тёрки у нас случились с местными, пришлось и оттуда бежать. Прошли мы через ворота, через ущелье. Топали пару дней. Знаем ведь, что в этой стороне город должен быть. Пришли, а тут вон чё. Даже пожрать нечего. Вот и бродим теперь по городу, от тварей прячемся. Назад-то в Эйлонию нас не пускают, а дальше на Западе — только рой. Вот сегодня ночью лаз этот заприметили. Бугор сразу сказал, что, скорее всего, в погреб какой-нибудь попадём по нему. Вот и думали, что переночуем хоть без проблем.

Полученную информацию следовало намотать на ус.

Я хотел было ответить что-то бандиту, но в этот момент почувствовал непреодолимое желание закрыть глаза.

— Только не сейчас!

— Что?

Я провалился в сон. Проклятый Голос! У меня ведь всё было под контролем! Медведь, проморгавший приближение нежданных гостей, теперь был разбужен моей мысленной командой и при необходимости атакует тех, кто остался снаружи, а я займусь двумя бандитами внутри.

— Ты...

— А кого ты увидать собирался, папу римского? — спросил я у голоса во тьме. — Какого рожна ты творишь? Они же меня сейчас прирежут! Быстро верни меня обратно!

— Твоя воля.

— Что? Сработало?

Я проснулся. За это время обстановка успела кардинально перемениться. Меня не убили, но крепко связали. Открывать глаза я не спешил.

— Прирезать его, и дело с концом!

— Вот сам и режь! Больной он какой-то! Вдруг на меня его кровь попадёт, и я тоже вот так сознание терять стану ни с того ни с сего!

— Да с твоими привычками, Копчёный, ты и так долго не протянешь. Ты лучше скажи, ты чего обоссался, как кисейная барышня?

— Так не ожидал я! Про харчи думал, а мне нож к горлу!

— Тьфу на тебя! Эй, братва, смотрите-ка, похоже задохлик в себя приходит.

Хотел притвориться спящим, но не вышло. Как-то распознали мои недоброжелатели, что я пришёл в себя. Пришлось открывать глаза.

— Очнулся, говоришь? Получи, выкидыш завтра!

После этих слов Копчёный со всей силы пнул меня в бок, да так, что у меня аж рёбра затрещали, а из глаз посыпались искры. Не удовлетворившись результатом, он схватил меня одной рукой за грудь, а другой принялся бить изо всех сил по лицу. Я отключился.

— Тебя не прирезали.

— Да уж, но похоже, заколотили до смерти.

— Если бы ты умер, мы бы не разговаривали сейчас с тобой.

— И то верно. Значит, я просто без сознания?

— Да. Ты в плохом состоянии.

— Да уж, не новый. А что комара не просишь убить?

— В прошлый раз, пытаясь нас убить, ты уничтожил достаточно. Нам легче.

— Убить? Я не собирался тебя убивать! Я просто хотел, чтобы ты отвязался от меня

наконец, поэтому решил убить всех насекомых.

— Но ты убил не всех. Это невыносимо. Лишь малую часть. Ты отрицаешь, что пытался нас убить?

— Да я даже не знаю, что ты такое и где находишься!

— Отвечай, облезлая обезьяна! — вспыхнул Голос.

После этого я вновь ощутил давление на сознание и жуткий гул.

— Я собирался убить только насекомых! Если ты не насекомое, то я не собирался тебя убивать!

Во тьме повисла тишина. Я не собирался продолжать диалог. Моё тело, возможно, сейчас продолжают избивать, а я торчу здесь с непонятной целью и в непонятном состоянии.

— Плохо, — промолвил наконец Голос.

Давление на психику и гул стихли.

— Что плохо? Меня добили?

— Нет. Плохо. Ты должен убить нас.

— Вот те раз. Вот и приехали. С чего ради мне вас убивать, да и кто вы такие вообще? Я думал, что ты один, дух какой-то.

— Скорее. Подойди туда, где ты был в прошлый раз. Мы в конце той комнаты. Облеплены мерзкими насекомыми. Сотвори заклинание. Настолько мощное, насколько сможешь, а потом ещё одно и ещё. Разрушь здесь всё и не оставь камня на камне. Только быстрее.

— Хм. А к чему такая спешка? Я не буду ничего делать, пока ты не ответишь мне на все вопросы.

— Тебя сейчас убивают. Скоро ты не сможешь...

— Что? Да твою же мать! А ну быстро возвращай меня! Я должен разделаться с этими мерзавцами, спасти свою шкуру, а уже потом поговорим!

— Хорошо, но дай обещание, что выполнишь нашу просьбу.

— Выполню, но после того, как окажусь в относительной безопасности и получу ответы на мои вопросы.

— Иди. Мы заберём на время твою боль. Мы к ней привыкли.

Я проснулся. Открыв глаза, я увидел прямо перед собой рожу Копчёного, который держал в руках мой кинжал и, судя по выражению его лица, собирался меня прирезать.

Не раздумывая ни секунды, я коротким движением стукнул бандита своей головой. Мне при этом должно было быть не менее больно, чем ему, но похоже, Голос действительно как-то обезболит меня. Копчёный во время удара стоял согнувшись, а получив головой по голове, отпрянул назад и сел на пятую точку. Его товарищи заржали при этом.

Правый мой глаз почему-то не открывался, а левый заливала кровь. Да уж, неслабо меня

поколотили. Но нет времени на рефлексию. Пока меня били, верёвки, связывающие меня, ослабли, и я смог вытащить из-за пояса посох, который разбойники приняли за обычную палку, а потому не забрали. Ну не знакомы в большинстве своём жители континента с магией!

Быстрым движением окровавленной руки, сжимающей посох, создаю в воздухе конструктор — треугольник, можно было бы и звезду, но её дольше, а сейчас каждая доля секунды важна, нужно успеть сотворить заклинание до того, как упавший от удара Копчёрный поднимется и прекратит моё колдовство.

Так, теперь черёд рун: огонь, отталкивание, поглощение. Этим заклинанием я выжег во сне рой комаров. Им же выжгу разбойников. Но вложу в заклинание всю манну, которая вмещается в мою искру. Не самое разумное решение в столь малом и замкнутом помещении, но действовать надо наверняка.

Рука не дрогнула. Конструктор не рассыпался на части, а руны были выведены с точностью до микрона. Я был сосредоточен как никогда. В мгновение ока огонь заполнил всё помещение. Я быстро, насколько мог, упал из сидячего положения на пол и закинул на спину удачно подвернувшуюся под руку тряпку и задержал дыхание.

Раздались крики. Огонь не исчез через секунду или две, как я предполагал изначально. Похоже, я всё же напутал что-то в заклинании. Наверное, надо было заменить какую-нибудь одну руну, не зря ведь в заклинании фаербола используется руна ускорения.

Огонь продолжал полыхать, заполняя всё помещение. Меня спасало лишь то, что я валялся на полу, не чувствовал боли и был накрыт какой-то тряпкой, которая наверняка уже догорает. Нужно скорее выбираться.

Я быстро отправил Бурому мысль-команду двигаться мне навстречу, а сам пополз в направлении, где, по моему представлению, должен был быть лаз.

Что-то мягкое, липкое и ужасно горячее преградило мне путь. Похоже, это лежал опалённый труп одного из бандитов. Я прополз по нему.

Я был не в силах больше сдерживать дыхание и сделал короткий вдох. Тут же закашлялся, из глаз бежали слёзы, а горение всё не прекращалось.

Наконец мне удалось нащупать лаз в стене, который под углом вёл на поверхность. Я быстро стал перебирать руками, вытаскивая непослушное тело из горящего ада. Вдруг моё продвижение замедлилось. Похоже, я зацепился за что-то ногой.

Нельзя разворачиваться и искать причину. Нет времени. Я не чувствую боли от того, что сгораю заживо лишь потому, что Голос не даёт мне её чувствовать. Наверняка спина уже неслабо обгорела.

Я ещё сильнее стал перебирать руками, намертво вцепляясь в булыжники и вытаскивая своё тело. Я полз, как вдруг понял, что уже не ощущаю жара и ползу не вверх, а по горизонтальной поверхности.

Где-то у меня над головой раздался страшный крик, а затем что-то пролетело. Я перевернулся на спину и отважился открыть глаза.

Я выбрался. Это уже радует. Из лаза, с помощью которого я попал в погреб и выбрался обратно, сейчас полыхал настоящий фонтан пламени, уходящий ввысь на добрых два десятка метров. Это было похоже на настоящий гейзер из огня. Я явно что-то не так сделал при сотворении заклинания, ведь никогда не видел, чтобы пламя горело настолько сильно.

Подумав про магию, взглянул на посох. С ним всё было в порядке. Даже не обгорел. В отличие от меня. Обновки... В общем, их больше нет. Уцелели лишь кожаные ботинки, да и

то неприлично скукожились от жара пламени. Дымящиеся лоскуты одежды я стряхнул с себя небрежными движениями руки, на которой с удивлением обнаружил несколько ужасного вида волдырей.

Интересно, а как там спина? Жаль, зеркала нет. А может, наоборот хорошо, что его нет. Не увижу, во что она превратилась.

Бурый в это время расправлялся с выжившими разбойниками, которые в большинстве своём, едва увидев вспышку огня, выскочили через лаз, как пробка из бутылки шампанского.

Посмотрев на свои ноги, я от удивления даже воскликнул:

— О! Так вот за что я зацепился! Это не я зацепился оказывается, а за меня. Копчёный? Ты ли это? Теперь ты и вправду копчёный!

Не уверен, что это был именно он. Это мог быть любой из преступников. Бедняга, очевидно, не успел вовремя среагировать на вспышку огня и очень сильно обгорел. На нём абсолютно не было одежды, а кожа мерзко пузырилась волдырями. Волосы обгорели.

Я потрогал свою голову, лицо. Да. Как и думал, ни волос, ни бровей не осталось. А вот щетина на месте, хотя и знатно подпалилась. Надеюсь, что моя спина выглядит не так ужасно, как у это бедолаги.

— Помоги... мне, – едва шептал погорелец.

— Неа. Не хочу. И Бурому не дам тебя убить. Полежи тут. Помучайся. Заодно чудовищ роя удержишь на какое-то время. Ты что-то упоминал про их патрули. Наверняка они заметили столб огня, вздымающийся в небо, и заинтересовались. Так что мы с Бурым уходим прямо сейчас. А ты лежи, отдыхай.

— Тогда лучше убей... меня...

— Неа. Твои проблемы. Я не просил нападать на меня и избивать. Поведи вы себя нормально, я убрал бы кинжал, поговорил с вами и разошлись бы мирно. А так... Страдай, мучайся. Пусть тебя сожрут живьём. Это твои проблемы.

Пока я говорил с бедолагой, то одновременно дал мысленную команду Бурому не трогать моего собеседника. Затем дал моей химере полминуты на то, чтобы проглотить труп одного из незадачливых разбойников.

— Бурый, хватит жрать! Поехали.

Медведь послушно опустился на брюхо рядом со мной, позволив мне вскарабкаться.

— Поехали! Быстрее! Пока кавалерия не подросла.

Кавалерия подросла, когда мы уже выезжали из города. Я уж хотел обрадоваться, что мне удалось сохранить в своей искре немного манны, чтобы подлечить ожоги и переломанные рёбра, однако не тут-то было.

Когда-то в этих краях всё было покрыто лесом. Но потом сюда пришли люди и другие разумные существа, и основным строительным материалом стал этот самый лес. Со временем некоторые разумные богатели и у них хватало средств, чтобы построить себе дома каменные или даже кирпичные. Но лес от этого не вернулся. Деревья использовали в качестве перекрытий, рубили на дрова, строили из них лодки. Есть у местных такая мера длины — даль. Не могу сказать точно, какому расстоянию она равняется в километрах, но думаю, что около пяти. Так вот, на расстоянии, примерно равном одной дали, вокруг города была пустошь.

Поля на пустоши не засевали, так как почва в этих краях очень каменистая и неплодородная, и питались местные в основном рыбой и морепродуктами.

Так вот, если бы пустоши длиною в даль вокруг города не было бы, то возможно, я и не

столкнулся бы с чудовищами. Но так я был словно на ладони.

Отряд противника насчитывал примерно пятьдесят голов, причём все, если меня не подводит единственный на данный момент видящий глаз, были исчадиями.

В такой ситуации я мог себе позволить немного подумать. Если бы я хорошо знал город, то можно было бы спрятаться на какое-то время среди руин, а потом выскользнуть из города в подходящий момент. Но город я не знал. Можно было бы сквозь него выйти с другой стороны на дорогу и двигаться в сторону раскопок. Но я только что пришёл оттуда и не горю желанием возвращаться в сырое подземелье. Так что путь у меня один — вперёд.

Исчадия расположились на холме слева от дороги, неподалёку от леса. Бурый довольно быстро бегаёт, но противник перекроет дорогу и не пропустит нас, поэтому бой придётся принять. Но сражаться я решил на своих условиях. Неподалёку от руин города, справа от дороги, был другой холм, на котором возвышались пики скального выхода. Я решил принять бой там.

— Бурый, ходу!

Нужно успеть до него добраться, ведь враг уже всюду бежит мне навстречу.

Медведь помчался, и мне стало страшно не от приближения чудовищ, а от скорости, которую развил Бурый. Я изо всех сил вцепился в его шерсть, но удерживался всё равно с трудом. Если по воле случайности я сейчас выживу, то вопрос с седлом обязательно нужно будет решить.

Мы успели. Я быстро сполз с медведя, вытащил из сумки горошину маннита, положил её себе в рот, чтобы не мешалась, и стал карабкаться на кучку острых валунов, торчащих из земли. Подгоняемый адреналином, я вполне быстро взобрался наверх и приготовился к обороне. Хотя что тут готовиться, мой внутренний резервуар с магической энергией почти пуст, а оружия у меня нет. Кинжал так и остался в пылающем погребке.

Я достал изо рта кусочек маннита.

— Знаю, посох, знаю, дружище. Ты трансформатор, а не аккумулятор. Но сейчас придётся побыть и тем, и тем, иначе мы обречены. Обещаю, если уцелеем, то больше так делать не буду. В ближайшее время.

Я прислонил маннит к посоху. Чудовища тем временем уже взбирались на холм. Первым оплеуху врагу отвесил Бурый. Несмотря на то, что они с исчадием были практически одного роста, медведь был всё же чуть выше и гораздо увесистее и мясистее. Существа же роя даже обладали неким изяществом и были весьма стройны.

Поэтому от удара первый нападавший улетел в сторону и сбил второго врага. На косяка побросались ещё двое. Одному он перекусил шею, даже не заметив, что её защищали пластины брони. Второй в это время успел ударить медведя в бок.

Мишка заревел так, что у меня уши заложило. Тем временем отставшие враги всё набегали. Я, поскольку забрался на камень, на какое-то время оказался в безопасности. Здесь до меня не так просто добраться. Но это не повод оставить химеру на произвол судьбы. Он единственный мой земляк в этом мире. Буду защищать его изо всех своих скромных сил.

Простое заклинание — и вот уже фаербол летит во врага. Поджарился, а два стоявших рядом изрядно опалились. Второй фаербол в намеченную цель не попал, так как та на месте не стояла и успела отпрыгнуть, но стоящий за целью монстр получил сполна, так как отойти не успел.

На третьем фаерболе я почувствовал сильнейшую тошноту и закашлялся так, что заклинание едва не разрушилось ещё во время создания. Всё. Я пуст. Но снаряд всё же попал

в цель.

Бурый тем временем уложил ещё двоих противников, но оказался сильно ранен. Твари тем временем продолжали наступать, не считаясь с потерями.

Теперь вся надежда на посох. Горошина маннита уже крепко прилипла к нему. Я попытался прочувствовать состояние посоха, но переполняющей его энергии не было. Слишком мало времени прошло. Я чувствовал, что потянуть нужно ещё совсем немного, и посох сможет превратить кусок маннита в чистую энергию. Но как продержаться, если я потратил все имеющиеся ресурсы?

Я попытался вновь колдовать. Рисую посохом в воздухе треугольник, но он тут же рассыпается. Не выходит. Нужно что-то проще. Круг. Самый простой конструкт, предназначенный для одной единственной руны. Получилось! Теперь нужно истратить оставшиеся крохи энергии из внутреннего резервуара, чтобы создать одну единственную руну, но какую? Как атаковать с помощью одной руны? Думай же!

Есть мысль. Глупая. Наивная. Опасная. Но других вариантов не вижу. Создаю руну энергии: электричество, насыщаю заклинание даже не энергией, а пылью энергии, парами, остатками. И ударяю заклинанием... В медведя. Не потому, что промазал, а потому, что так задумано. Должна же себя как-то проявить руна, которую я использовал при создании химеры.

Раздаётся грохот. Вспышка. Будто молния ударила, причём эпицентром удара был именно медведь. От него во все стороны бьют разряды. В мёртвых тварей, в живых, в меня...

Я падаю с валуна. В глазах темнеет. В эту же секунду прихожу в себя. Тварям тоже досталось, причём сильнее, чем мне. Какое-то время они стоят и не двигаются, приходя в себя. Но больше всех похоже досталось медведю. Он пошатывается на лапах, едва не заваливаясь на землю.

Пытаюсь совершить психическую атаку, так как больше бить точно нечем:

— А ну пшли вон! Всех сейчас сожгу! А ну разошлись!

Твари стоят, не двигаются, не то после воздействия множественных молний, не то потрясённые смертью множества собратьев, не то моими криками. А скорее всего, всем сразу.

Но тут разогнанный до максимума адреналином организм замечает, что одна из тварей собирается сделать шаг вперёд. Я понимаю, что если шагнёт, то это всё — пиши пропало. Твари ринутся в атаку.

— Стоять! — кричу изо всех сил.

Не помогает. Робкий шаг чудовища сделан, а от нас с Бурым агрессии, кроме крика, нету. Тварь кидается вперёд. Медведь из последних сил отбивает выпад монстра.

И тут я чувствую, что посох полон энергии. Не раздумывая, направляю своё оружие на врага и даю мысленную команду посоху атаковать. Едва удерживаю своё оружие в руках — столь силён поток энергии. Направляю во врагов конус из чистой магии.

Уже плохо соображая, взбираюсь на спину медведю, удерживая посох одной рукой.

— Уходим, мишка! Давай, крепись! До дома недалеко! Давай, мой хороший! Дома рыбки поедим, отлежимся! А сейчас беги, миленький! Посох почти пуст...

Медведь, превращённый в химеру, понимает, что от него хотят, и, выбирая наиболее свободный от чудовищ путь, бежит в сторону леса по касательной, к дороге.

— Да!

Но несмотря на то, что в живых осталось не больше половины нападавших, это ничуть

не смущает выживших, и они бросаются вслед за нами.

Всё. Поток магии из посоха исчез. Можно покрепче, насколько позволяют искалеченные руки, вцепиться в шерсть зверя, а посох отложить.

Оборачиваюсь, оценивая расстояние до преследователей. И... Оно увеличивается. Быстро увеличивается!

— Да! Мы сделали это! — кричу я, обрадованный тем, что, похоже, смерти придётся подождать и получше наточить косу.

Но в этот момент ощущение боли возвращается. Голос перестал блокировать мою боль. Болит всё. Адски болит обгоревшая спина, болят сломанные разбойниками рёбра и отбитые внутренности. Болит разбитый нос и заплывший глаз, обгорелый череп и уши. Я сейчас похож на самого жуткого монстра из фильма ужасов, созданного кровожадным маньяком. Форменный урод и калека. А ведь был красавцем. Ну, надеюсь, что смогу вернуться на Землю. Земная медицина хоть и не всё, но многое может исправить. На местных же коновалов явно надежды нет. Но зато я жив! А это не может не радовать даже человека в моём состоянии. И это важнее всего. Главное — не потерять сейчас сознание и не свалиться с косолапого. До дома совсем немного. Уже сегодня к ночи я должен добраться до ущелья.

Глава 9 Каварл. Гости Тарлии.

Жил-был на свете бедняга Каварл.

Плакал ящер тот по ночам,

Ибо был ум его совсем мал,

А оттого всегда он молчал.

Гоблин друг был у него,

А женился он на коне.

Бросили в темницу за это его,

Сгинул в итоге ящер в дерьме. (Отрывок из трактирной песенки).

— Куда ты держишь путь, остроухий?

— Т-т-туда! — эльф показал пальцем на реку, через которую мы только что переправились.

— Прекрасно. Значит, пойдёшь обратно.

— Н-н-но м-м-не н-н-нужно т-т-туда!

Выглядел эльф жалко. Даже наш слепой проводник, оставшийся в лагере, и то вызывал какое-то уважение при взгляде на него, в отличие от этого пройдохи. Когда смотришь на этого зайку, то тут же возникает желание проверить, на месте ли твой кошелёк.

Одет он был в простую тканую рубаху, чуть зеленоватого цвета, которая доходила ему до колен, в такого же цвета штаны, которые были чуть длиннее, чем нужно, и стоптанные кожаные сандалии. Из ножен торчала простая деревянная рукоять кинжала, на поясе болталась кожаная фляжка, а на спине висел рюкзак, столь тощий, что, скорее всего, был пуст.

Эльф был худ даже для своего племени.

— Ты пойдёшь туда, куда скажу тебе я! Откуда ты пришёл и зачем собирался идти в горы?

— Ид-ду из столицы, в-в-ваше высочество. Х-хочу п-п-перейти эти г-горы и убраться из Тарлии п-п-подальше.

— Придётся тебе повременить с планами. Мне нужен проводник. Как раз до столицы, потому что наш приболел и отдыхает сейчас в горах. А я не высочество, я император.

Бледнокожий эльф, казалось, после моих слов стал ещё бледнее.

— Веди нас! Нам нужно в столицу.

— Но м-м-мне нельзя в с-с-столицу! Я ведь не п-п-просто так хочу уйти через г-г-горы! А ещё из-з-з меня н-не очень хороший п-п-проводник!

— Молчать! Императору перечишь!

— В-вы не м-мой им-м-п-п-пе-ператор!

— Теперь твой. Считаю, что сменил подданство, когда встретил меня. Так что веди, а не то вскрою тебе вены и заберу кровь.

— Б-боюсь, что её не так м-много, как вы д-думаете. Я ч-часто продаю её, и она не успевает вос-с-танавливаться.

— Тогда лучше веди.

Судя по гримасе эльфа, он был не просто не рад тому, что придётся идти с нами, а ужасно напуган. Очень уж он не желал возвращаться назад. Но у меня нет выбора, а у него — выхода. Придётся эксплуатировать это низшее существо, ведь с ним выйти из гор живыми

шансы гораздо выше. Дошёл ведь он как-то до этой треклятой реки, в которой мы потеряли все свои припасы, а значит, сможет пройти и в обратном направлении, проводив нас.

Мы продолжили наше шествие по тропе. Скорость нашего продвижения стала ещё меньше, чем была. У нас осталось всего лишь два эйхо и совсем не было припасов. Мою корону и ту унесло речным потоком вместе со вьючными животными. Я и Морт ехали верхом, а Джанг, Пад и Мэнди Ванди Мо — так звали эльфа, шли за нами пешком.

У эльфа, как я и предполагал, не оказалось запасов провизии. На что он рассчитывал, идя в горы, я не знаю.

До самого вечера мы шли, не делая привалов. Нужно как можно скорее покинуть холодные горы, чтобы найти провизию.

Несмотря на то, что мы торопились, преодолеть горы нам удалось лишь спустя двое суток. Мы были измотаны и голодны, и даже хотели забить одного эйхо, чтобы насытиться, но в один прекрасный момент увидели стадо пасущихся овец.

— Похоже, что рядом какая-то деревня! — сказал я. — Мэнди, что скажешь?

— Д-д-да! Она очень близко! И н-н-нам лучше там не показываться!

— Да что ты такое натворил, что так спешил скрыться в горах? Ты что, всех местных девок попортил? Или под видом собственной крови продавал свиную? В общем, мне без разницы. А сейчас иди и подстрели какую-нибудь овцу — нам нужно поесть. А крестьянам мы потом отплатим за порчу имущества.

— М-м-мне нечем с-с-стрелять.

— Да что же ты за эльф-то такой? Стрелять нечем! Первый раз вижу эльфа без лука! Хотя нет, второй. Но Старик хотя бы слеп, ему лук ни к чему, а вот тебя что заставило расстаться с оружием?

— Так я с-с-стрелять н-н-не умею...

— Завр тебя разорви...

Джангу говорить ничего не пришлось. Поняв, что от эльфа помощи ждать не стоит, он подбежал к одной из овец, схватил её за шерсть и зарезал. Наконец-то у нас будет отличный ужин. Хоть какой-то ужин.

Мы спешили. Морт и Пад разбили лагерь. Джанг готовил мясо на прутках. Эльф сидел и трясся от каждого шороха. Что-то с ним явно не так. Чувствую, что мы ещё получим от него проблемы.

Овцу мы умяли впятером без особых проблем, затем немного посидели у костра. Я с катариянцами тренировался, гоблин продолжал сидеть у костра и корчил гримасы.

— Что ты делаешь? — спросил я у него.

— Умнею! — ответил он.

— Хм... Ладно... Продолжай, тебе полезно.

Больше я вопросов не задавал. Через какое-то время мы легли спать. Первым дежурил Морт, затем Джанг, а ближе к утру должны были дежурить эльф с гоблином вдвоём. По одиночке на них надежды нет.

Мне снился какой-то приятный сон, но не помню какой, как вдруг что-то больно ударило меня по голове. Я попытался вскочить на ноги, но что-то не пускало меня.

— Попался, гадёныш! Ещё и шайку свою привёл с собой, разбойничье отродье! Вяжи их крепче, ребята! Их виселица уже заждалась!

Какое-то время я не мог понять, что происходит, но потом до меня дошло, что на меня набросили какую-то сеть и крепко прижали к земле. То же самое сделали с моими

товарищами. Вокруг носились обезьяноподобные крестьяне-тимурлины с вилами, факелами и деревянными копьями в руках. Один из них крепко схватил мои руки и связал за моей спиной.

Да неужели опять? Я ведь обещал себе, что никогда не расслаблюсь и не дам застать себя врасплох. Очевидно, обещать и делать — не одно и то же. Ну ничего, я выпутаюсь. Эти невежественные крестьяне обязаны меня послушаться:

— Эй, вы! Да как вы смеете? Я император...

Мне не дали договорить и вставили в рот кляп.

— Какой ты император, ящерица? Предводителей разбойников зовут атаманами, а не императорами!

Толпа крестьян заржала над этой убогой шуткой. Затем нас, связанных, подняли на ноги и грубыми толчками заставили куда-то идти.

Идти пришлось почти до самой деревни, что было не слишком удобно, ведь ноги были связаны и идти приходилось крошечными шажочками. Здесь нас ждала телега, в каких обычно перевозят преступников. На ней была сооружена клетка из крепких деревянных прутьев. Нас силой запихнули внутрь и закрыли дверь.

— Дэриэл, а может быть, мы их просто прирежем, да и всё? К чему эти сложности?

— Тебя потом король сам прирежет, за самоуправство! Их банда ведь не только у нас в деревне куролесила, их сама королевская стража ищет! Отправим экипаж в столицу с охраной. Там их осудят и повесят, а нам ещё и приплатят за поимку. Вот так вот.

Да что же такого натворил эльф? Вот дурак, зачем я с ним связался? Но по крайней мере, мы отправимся в столицу, а именно туда я и хотел попасть. Так что пока мои планы не особо нарушены. Разве что кляп во рту немного мешает.

Почему всё именно так? Когда я согрешил против Кодекса настолько сильно, что получаю всё это? Сперва убивают мою семью и лишают всего, что у меня было. Затем меня продают в рабство. Я становлюсь гладиатором и развлекаю зеленокожих. Затем мне чудом удаётся выжить, обрести свободу и даже стать правителем среди низших. Затем я решил не довольствоваться тем, что имею, а вернуть то, что моё по праву рождения. И что же в итоге? Меня останавливает горстка блохастых тимурлинов? Нет. Это никуда не годится.

Я не верю в справедливость местного правосудия, пусть и называют эту страну низшие существа центром мира. Я верю лишь в Кодекс и Первойцо. Наверняка все страдания посланы мне лишь для того, чтобы я стал сильнее и был достойным императором.

Я сбегу. Я обязательно сбегу. Как только подвернётся подходящий момент. А пока было бы неплохо избавиться от кляпа и поспать.

Мне удалось и одно и другое.

На следующий день я с помощью зубов помог товарищам освободиться от их кляпов, и мы обсудили наши дальнейшие планы. Я хотел бежать прямо сейчас, но от эльфа узнал, что в Тарли, столицу Тарлии, не так просто попасть.

Мимо стражи не так просто прошмыгнуть. Поэтому мы решили попасть в город, а уже там найти способ бежать и попасть на аудиенцию к королю. Кроме того, мы ведь практически ни в чём не виноваты, за исключением эльфа, конечно. Как оказалось, он откуда-то издалека пришёл в Тарлию без медяка в кармане. Залез в долги в столице, подрался с кем-то по пьяни и ему пришлось срочно покинуть Тарли. Он шёл по деревням, продавал свою кровь. На то и жил, пока не оказался в той деревне, в которой нас и схватили.

Кровь — это ресурс, который восстанавливается не слишком быстро, так что в какой-то

момент ему пришлось влезть в долги и в деревне. Его выгнали оттуда калёным железом. Тогда он поселился в пещере, неподалёку от деревни, и стал питаться овцами, которых воровал из крестьянских отар.

В какой-то момент на пещеру вышла банда разбойников, которая терроризировала многие деревни и дороги страны. Сам король объявил за них награду.

Обладая внешностью преступника и скверным характером, Мэнди Ванди Мо сошёл среди разбойников за своего, его не тронули и даже приняли к себе. По крайней мере, он так думал. Разбойники разграбили деревню, забрав всё самое ценное и ушли, а эльфа бросили, решив, что крестьяне, поймав его, забудут про разбойников. Будучи невеликого ума, он всё же каким-то образом сумел сообразить, что к чему, и решил скрыться в горах, где мы его и встретили.

Деревенщины прекрасно запомнили, как выглядит эльф, тем более, что их в округе не сказать, что много, и увидев его в нашей компании, решили, что все мы состоим в банде. Собравшись всем скопом, они напали на наш лагерь, повязали и отправили в столицу, надеясь получить награду. То, что мы были абсолютно непохожи на разбойников, среди которых не могло быть катарянцев, ибо наш народ в этих краях не живёт, крестьян волновало мало. Они жаждали мести и расправы.

Ехали мы до столицы шесть дней. За это время нас ни разу не соизволили покормить, не желая тратить провизию на тех, кого скоро должны повесить, но хотя бы поили, что уже неплохо. Не знаю, как эльф и гоблин, но мы, катаряне, способны довольно долгое время без ущерба здоровью терпеть голод.

Возница показал стражам на въезде какие-то документы, после чего два разумных примата подошли к нам и внимательно осмотрели. Что-то пробубнив, они запустили внутрь наш экипаж.

В городе кипела жизнь. Тут и там бегали маленькие лохматые ребяташки. Облокотившись на стену, вычёсывал блох какой-то бездомный. Улицы подметали многочисленные дворники, а в воздухе не витал запах дерьма. Пахло фруктами и шерстью. Двухэтажные дома-мастерские, сложенные из камня, возвышались серыми коробками по обе стороны от дороги.

Теперь нужно постараться сбежать до того, как нас довезут в местную каталажку. У меня нет времени, чтобы сидеть без дела и дожидаться решения суда, в результате которого нас, возможно, казнят.

Оружия у нас не было, его забрали напавшие на нас крестьяне. Поэтому будем импровизировать. К счастью, несмотря на приближающуюся зиму, погода стоит довольно тёплая и голова моя соображает, как надо.

Но, несмотря на бурную мыслительную деятельность, придумать мне ничего так и не удалось. Когда нас посадили в тюрьму, удобного момента, чтобы сбежать, тоже не случилось.

Но, к моему превеликому удовольствию, нас посадили в камеру, в которой было сразу два десятка заключённых. Они оказались вполне подходящим источником информации.

Судебная система в Тарлии немного отличается от таковых в других государствах. Здесь по мелким вопросам тебя просто избьют на месте. По вопросам более серьёзным собираются городские советы из уважаемых граждан и выносят приговор. Это, как правило, либо смертная казнь, либо исправительные работы на рудниках или подобных им местах, где требуется грубая сила. В тюрьмы сажают лишь в очень редких случаях и чаще всего

ненадолго — до суда или казни. Но вот вопросы максимально серьёзные, будь то вопрос о серийных убийцах, о продолжительном разбое и все подобные рассматривает единственный суд в стране, что находится в столице. А ожидают суда заключённые в одной из немногих в стране тюрьм. Ожидают, как правило, не слишком долго. Обычно все дела уже расследованы в какой-то мере до того, как разумный попадает в тюрьму.

Ежедневно рассматриваются дела заключённых одной из камер, коих здесь десять, причём неважно, по одному преступлению вас обвиняют или по совершенно разным. Так что ждать своей участи преступникам нужно не более недели. Нам повезло, если так можно выразиться, судить нас будут уже завтра.

На ужин принесли жидкую баланду, которая была такой же мерзкой на вкус, как и выглядела. Но мы не ели несколько дней, поэтому были рады даже ей. После ужина мы легли спать. Завтра предстоит тяжёлый день, и перед ним нужно как следует набраться сил.

Осеннее светило не собиралось подниматься высоко в небо. Оно шествовало плавно, не слишком высоко поднявшись над горизонтом, и к полудню едва набирало достаточную высоту, чтобы согреть нас вопреки плотной городской застройке из двухэтажных каменных зданий.

Суд проходил прямо на площади, рядом с виселицей, на специальном деревянном помосте. Весьма символично, на мой взгляд. Всех гостей тюремной камеры вывели на площадь и запихнули в отдельные клетки. Напротив, в десятке ростов от нас, за трибуной, стояли трое лохматых судей-тимурлинов в тёмных одеяниях. Слева от них сидел секретарь с кипой бумаг на столе. Справа стояло несколько свидетелей и обвинителей. По периметру, за пределами помоста, процессию охраняли многочисленные стражники, за стройными рядами которых собралась толпа городских зевак, желающих посмотреть на то, как повесят очередных татей.

Судья сделал кивок секретарю, после чего тот затараторил:

— Блум Крумли! Тимурлин. Обвиняется в лишении чести дочери главы городской гильдии торговцев Авлии Бумбы! Свидетели, выйти вперёд!

Вперёд вышел полный, пожилой лохматый тимурлин, с мерзкими складками кожи на лице, в дорогом халате с золотым узором. С собой он силой тянул зарёванную молодую тимурлинку с блестящей лоснящейся шерстью, в столь же пышном и солидном одеянии, как у отца.

— Ваше слово!

— Уважаемые, достопочтенные, великолепные судьи! Я уважаемый гражданин не только города Тарли, но и всей Тарлии! Меня знают тимурлины от мала до велика! Плём Бумба — это имя у всех на слуху! И вот! Неделю назад моя непорочная дочь, прогуливавшаяся по нашему замечательному городу вечером, была застигнута врасплох этим мерзким, отвратительным, ужасным пройдохой Крумли! И нашу семью постигло страшное горе! Теперь моя дочура не сможет найти себе достойного жениха! Это позор на весь наш род! Смыть его сможет лишь кровь! Кровь этого насильника! Я верю, что многоуважаемые, почтеннейшие и отменные судьи вынесут верный приговор этому мерзавцу!

От его пафосной и лестной речи меня затошнило. А его зарёванная дочь всхлипывала и пыталась что-то ему сказать, но из-за расстояния, разделявшего нас, я не слышал, что именно. Затем купец грубо подтолкнул дочь вперёд и что-то требовательно ей сказал. Хныкая и обливаясь слезами, она произнесла, запинаясь на каждом слове:

— Пожа...Пожалуйста... Вы... Вынесите... Справедливый. Приговор.

После этих слов она окончательно разревелась. Судьи шептались друг с другом какое-то время, после чего судья, что стоял в центре сказал:

— Обвиняемый! Твоё слово!

Сидящий в клетке тощий тимурлин, который вчера и стал главным нашим источником информации, после этих слов прочистил горло и сказал:

— Это всё ложь! Я не сделал ничего плохого этой барышне! Всё было по обоюдному желанию! Это всё её отец! Просто я обычный бондарь, а он хочет выдать её за знатного вельможу или купца!

— А ну закрой свой грязный рот, свинья! — прокричал купец.

— Тишина! — заревел судья. — Плём Бумба, сейчас не ваша очередь говорить. Так что помолчите или будете наказаны! Блум Крумли, продолжайте!

— Я, как и сказал, не виноват. Я не насильник. Я люблю Авлию и хочу, чтобы она стала моей женой. Я закончил.

Судьи вновь стали шептаться друг с другом, на этот раз их совещание продлилось значительно дольше, чем в прошлый. Наконец они вновь встали к трибунам, после чего судья в центре произнёс:

— Суд готов вынести свой приговор!

После этой фразы, прежде чем продолжить, судья выдержал театральную паузу. Ну, цирк ведь, чистой воды! На публику работает. Судить должно быстро и прямолинейно – так велит Кодекс. Ох и любят развлечения эти разумные обезьяны. Наконец судья продолжил:

— Блум Крумли – оправдан! Но с одним условием! Ты женишься на Авлии до конца этой недели! Ты согласен с этими условиями?

Тимурлин в клетке заметно повеселел и сказал:

— Конечно, я согласен, если согласна Авлия! Авлия, ты выйдешь за меня?

— Конечно! Конечно! Я согласна! – кричала зарёванная тимурлинка, шерсть которой на шее даже побелела от высохших слёз.

— Стража, отпустите его сейчас же! А вот господин Плём Бумба обвиняется в клевете! Взять его под стражу сейчас же! Господин Плём, вы будете ожидать решения суда в тюрьме.

После этих слов Авлия заметно расстроилась. Похоже, отца она любит не меньше, чем Блума. А вот толпа ликовала. Судилище им было явно по нраву.

А вообще, похоже, что судьи разыгрывают настоящий спектакль для публики. Не зря ведь вокруг собралась такая толпа, а суд проходит на специальном помосте, чтобы всем было хорошо видно и слышно происходящее. Что ж. Обладая данным знанием, будет проще добиться желаемого, то есть освобождения меня и моих друзей.

Но рассмотрения нашего дела пришлось дожидаться ещё целую десятину. Нас судили последними. До нас ещё троих подсудимых помиловали, а вот двоих повесили, обвинив в воровстве государственных средств. Наконец, настал наш черёд.

— Обвиняются Каварл, Джанг, Морт, Пад — фамилии называть отказались, Мэнди Ванди Мо. Обвинители, выйдете вперёд! Ваше слово! — прокричал секретарь, уставившись в документ на столе.

Вперёд вышел крестьянин, что привёз нас в столицу, и городской стражник. Начал крестьянин:

— Ваша честь! Мы всей деревней ловили этих разбойников! Вот уже много лет они грабят деревни, в том числе нашу! Они нападают на путников на дороге, убивают невинных, крадут наши припасы! Вот они, перед вами! Вздёрните их, ваша честь!

Толпа зашумела. Многие слышали про банду разбойников, промышленяющих в лесах Тарлии, и желали им всего плохого.

— Слово предоставляется обвиняемым. Кто из вас будет говорить?

— Я буду.

— Мы вас слушаем.

Я решил использовать своё ораторское мастерство, ибо по такому искусству у меня были учителя, чтобы склонить толпу на свою сторону. Тогда судьи, которые по сути являются в то же время своего рода шутами, не посмеют вынести нам обвинительный приговор. Я поклонился настолько низко, насколько позволяла тесная клетка и начал свою речь:

— Уважаемый суд, почтенные граждане Тарлии, выслушайте меня, прежде чем вынести свой вердикт! Это ужасно, когда в стране творится беззаконие, когда правительство неспособно защитить своих граждан от преступников! А одним из самых подлых преступлений является грабёж! Я считаю, что наказание за такое может быть лишь одно: смерть!

Толпа, которая совсем недавно жаждала нашей смерти, сейчас уже смотрела на меня несколько иначе и внимательно прислушивалась. Похоже, я на верном пути.

— Но хуже преступлений может быть лишь ситуация, когда обвиняют ни в чём неповинных разумных или даже гоблина! Вот скажите мне, обвинители, если разбойники много лет нападали на вас, вы наверняка видели их лица, так неужели среди них был хотя бы один катарянец?

— Обвиняемый передаёт слово обвинителям. Суд не возражает. Обвинители, ваше слово!

В этот раз говорил стражник:

— Мы не знаем точного состава банды. Периодически они набирают к себе новых участников, иногда кто-то гибнет. Но в целом обвиняемый прав. Ни катарянцев, ни гоблинов среди разыскиваемой банды, ни разу замечено не было, а вот этот эльф точно был среди нападавших в одном из последних грабежей. По приметам он очень похож на разыскиваемого преступника.

— Слово передаётся обвиняемым.

— Вот видите, добрые жители города! Этот лживый крестьянин решил обвинить нас, чтобы получить вознаграждение! Он жаждет лишь наживы! Он выкрал у нас оружие и деньги, пока мы спали, утомлённые дорогой! Ему плевать на жизни других, в том числе и на ваши! Сегодня он обвиняет нас, а завтра и вы попадёте под его обвинение! Давайте же положим этому конец!

Толпа одобрительно закивала. Я преднамеренно игнорировал то, что обвиняли эльфа, так как доказать то, что он не имеет к нам никакого отношения, увы, не выйдет. Он — наше слабое место. А сейчас нужно использовать наши сильные стороны.

— Нужно предать этого клеветника суду! Кто за?

— Клеветник! Клеветник! — то и дело стали раздаваться крики в толпе.

— У обвинителей есть возражения? — спросил секретарь.

Крестьянин, обвинявший нас, стушевался, но всё же решил не отмалчиваться:

— Так может эти ящерицы недавно вступили в банду! Поэтому их никто и не видел! Почему, например, вот ты, говорящая ящерица, скрываешь свою фамилию? Может быть, ты слишком известный бандит, поэтому ты её не называешь? Что ты скажешь на это?

— Обвиняемый, ваше слово!

Ну что же. Не слишком сильный аргумент. Да и куда уж тягаться низшему существу с катаринцем, к тому же прекрасно образованным, к тому же в такую тёплую погоду.

— Да, я действительно не хотел называть своего полного имени! Действительно, оно слишком известно! Но не как преступное, а как великое! А я не хотел пользоваться своим знатым происхождением, чтобы победить на суде! Но воля твоя, крестьянин! Я скажу, как меня зовут! Я — Каварл Бертолиус! Законный наследник престола великой Катаринской Империи! Я лишь по воле недругов и несчастного случая сейчас не у власти! И я пришёл к вам в страну, чтобы просить помощи в возвращении трона! Ведь эти земли называют центром мира! И как же встретил меня центр мира? Меня хотят убить и называют разбойником, вместо того чтобы помочь встретиться с вашим королём!

В воздухе на какое-то время повисла тишина. Что, неужели никто не слышал здесь про империю ужасных ящеров? Да нами ведь, равно как и империей орков, маленьких детей пугают!

— Я слышал про это! — выкрикнул кто-то в толпе. — Слышал! Действительно, у ящеров был переворот, а династия, которую свергли, звалась Бертолиусами!

— Точно! Это их император! А они ведь никогда нам ничего плохого не делали, мы торговали с ними когда-то! А мы его казнить решили? Так нельзя! — кричал ещё кто-то в толпе.

Сперва нестройно, несогласованно, но затем всё более уверенно и чётко толпа начала скандировать:

— Отпустить! Отпустить! Отпустить!

Судьи, вместо того чтобы посоветаться, просто обменялись взглядами, после чего судья посередине объявил:

— Тишина! Суд посоветался и решил...

В этот раз пауза была самой длинной среди всех вынесений приговоров за сегодняшний день.

— Стража, освободите обвиняемых!

Толпа радостно загудела, а стражники направились к нам, чтобы открыть замки и выпустить нас из клеток.

— Что же касается обвинителя... Господин Каварл Бертолиус, чтобы вы не думали ничего дурного о нашем государстве, мы хотим дать вам возможность самому решить участь крестьянина, оклеветавшего вас. Как с ним поступить, как вы считаете?

Что ж. Я бы с радостью вздёрнул этого истязателя, который за всю дорогу даже не покормил нас ни разу. Но для толпы это будет выглядеть слишком скучно и сведёт на нет всё былое одобрение. Поэтому я поступил иначе.

— Значит, я сам могу вынести приговор?

— Да.

— Эй ты, растяпа! — обратился я к крестьянину. — Повернись ко мне спиной и наклонись!

— Но... — неуверенно попытался он.

— Живо!

Землепашец наклонился и повернулся ко мне спиной. После этого я подошёл к нему и не слишком сильно пнул его ногой. Бедолага улетел за пределы помоста в толпу. Толпа довольно загудела, а я едва заметно поклонился толпе головой.

В этот момент один из судей осторожно позвал меня к себе жестом. Я подошёл к нему поближе.

— Никуда не уходи. Так будет лучше для всех.

Я кивнул.

— Суд окончен! Идите по домам, бездельники! — прокричал центральный судья.

Толпа стала медленно расходиться. Спустя какое-то время на площади остались лишь судьи, стражники, я со своим отрядом и безмолвные осуждённые, болтающиеся на виселице.

— Что-то случилось, господин судья? — спросил я.

— Больно остёр ты на язык, — ответил он. — У нас таких не любят.

— Да, но я думал, что тимурлины обожают разного рода развлечения.

— Всё верно. Толпу нужно развлекать, а вот преступников — наказывать.

— Так может, я с друзьями уйду с остатками толпы?

— Не думаю. Ты пойдёшь с нами.

— А если откажусь?

— Это не в твоих интересах. Если ты сказал правду и тебе нужны ресурсы и войско, то тебе нужно встретиться с королём. Если ты солгал, то всё равно тебе нужно с ним встретиться. Он справляется с теми, у кого язык без костей. Вас проводят.

Ну что же, результат неплох. Остаётся заинтересовать короля, собрать войско, запастись провиантом и можно двигаться в обратный путь.

Глава 10 Елена. Вся в делах и заботах.

Драгл из леса — завры в пляс. (Тарлийская поговорка).

Говорят, что труд превратил обезьяну в человека. Я же сейчас тружусь столько, что стала похожа на лохматого бабуина, а чувствую себя как старая и больная горилла. Очевидно, в моём случае труд повернул процесс эволюции вспять.

Когда я просила у Мелисанды и Рикса, чтобы они взяли меня работать над укреплениями, я и не думала, что на меня свалится столько работы. Да я и не жалуясь, честно говоря. Просто констатирую факт. Мне нравится, что я теперь при деле, а не болтаюсь, как дерьмо в проруби. Да и никто из местных меня сумасшедшей не считает, разве что немного странноватой. Я предусмотрительно помалкиваю по поводу голоса во сне. Да и что-то не слышно его в последнее время.

Назначили меня не простым рабочим и даже не руководить возведением стен. Назначили меня кем-то вроде главного зодчего. Жаль, что языковой барьер мешает мне в полной мере развернуться, но камень за камнем он всё же тает. Скоро камня на камне не останется. Ни от укреплений, надеюсь, а от языкового барьера. У меня даже жалование есть. Платят каждую неделю. Неделя здесь, правда, из десяти дней состоит, но да это неважно. Получаю я по три серебрушки еженедельно, что по местным меркам хоть и немного, но вполне солидно. Сопоставимо с зарплатой рядового солдата-наёмника, к примеру, и гораздо больше, чем зарабатывают крестьяне или рыбаки. Те вообще, кроме мозолей да грыж, ничего особо не зарабатывают. Да и жильё служебное мне выделили. Второй этаж небольшого, но уютного домика прямо в центре городка. Город, кстати, именуется Чивуаком.

Первым делом после назначения на должность я попросила выдать мне карту города и все имеющиеся документы. Оказалось, что таковых тут то ли никогда не было и город застраивался стихийно и хаотично, то ли документы куда-то пропали. Я так и не поняла причину, но я и особо не старалась, ведь она была неважна. А важно было как можно быстрее составить план города, переписать население и узнать, когда, в каком количестве и откуда мы ждём врага. Как выглядит враг, я уже знала, к счастью или к сожалению. И меня этот враг напугал до появления мурашек там, где их быть не должно. Так что нужно торопиться успеть сделать как можно больше до его прихода.

Вариант отплытия на галерах на другой континент, чтобы пробраться к воротам, я не рассматриваю как способ спасения. Полагаю, что это глупая затея. Нужно будет переговорить об этом с Андреем, как только у меня и у него будет свободная минута. Скорее всего, нам придётся остаться здесь если не навсегда, то очень надолго.

Мелисанда выделила мне двух помощниц, что пришлось очень кстати. Хотя я бы не отказалась и од двух десятков помощниц и помощников. К сожалению, весь местный люд был занят, а мои землячки не спешили впрягаться в упряжь местной строительной промышленности, надеясь на скорое возвращение домой.

Помощниц я заставила сделать перепись населения. Перепись хоть и была у Мелисанды, но люди настолько бесконтрольно прибывали и убывали из Чивуака, что за ними было проблематично уследить, да никто, в общем-то, и не пытался. Эта информация была нужна мне, чтобы понять, на какое количество людей рассчитывать укрепления. Кроме того, мне необходимо было знать число защитников.

Также мне поручили усовершенствовать укрепления в двух горных ущельях, которые

разделял узкий хребет. Находились укрепления в крайне плачевном состоянии. По словам местных, жуки-переростки недавно пытались их разобрать. Вполне удачно, кстати.

Сама я занялась составлением чертежей улиц и домов города, чтобы было от чего отталкиваться. Каждый день в город прибывало огромное количество людей. Ой! Нет. Не так. Разумных. Ведь среди пребывающих было много и нелюди, в числе которых были гномы, эльфы, тигролюди, а однажды я даже видела пару орков.

Приходили они по разным причинам. Кто-то бежал от войны, что шла сейчас к северу от Эйлонии, кто-то шёл добровольцем, чтобы защитить земли своей страны от чудовищ, у кого-то были иные причины. Весь этот люд селился пока за городскими стенами в палатках, шалашах и землянках.

Но местная зима, уже не стесняясь, поглядывает из-за угла, и скоро помашет осени на прощание ручкой. Периодически пролетают снежинки. А скоро и вовсе ударит мороз. Поэтому нужно как можно скорее построить для беженцев временное, но тёплое жильё. Подойдёт что-то вроде казарм.

И если я с составлением чертежей, работая на износ, справилась за пару дней, то с переписью населения возникли кое-какие проблемы. Как оказалось, писать умела только одна из моих помощниц, да и то делала это очень с большим трудом. Оттого польза от второй неграмотной помощницы была весьма скромной. Кроме того, бумага была здесь буквально на вес золота. Поэтому пришлось проводить перепись на тонких деревянных табличках, покрытых тонким слоем воска. Стоили подобные таблички тоже немало, а вот места занимали достаточно. Спасал ноутбук, который мне удалось вырвать с боем из цепких лап учёных. Помощницы вели перепись на таблички, а я оцифровывала данные. Зарядное устройство на солнечной батарее мне тоже удалось отвоевать, хоть и с трудом. А ещё я с боем заполучила принтер, два блокнота, три ручки и пачку бумаги, которые чудом спасли во время бегства прижимистые научники.

Я приступила к составлению плана будущих укреплений. Посмотреть на чудовищ мне было недостаточно, и я постоянно отвлекала Рикса от ежедневных дел, чтобы он выделил людей мне на помощь. Мы проводили эксперименты над пленёнными чудовищами, которые назывались скитальцами. Мы выкапывали ямы и проверяли, смогут ли существа из них выбраться, с каждым разом делая ямы всё глубже. Это поможет мне выстроить укрепления необходимой высоты и подготовить ловушки, из которых твари не смогут выбраться. К моему счастью, во время опытов ни один боец не пострадал. А вот твари пострадали, но таких страхолюдин мне не жалко.

Я набросала схему будущих укреплений. Бастионные укрепления нам не пригодятся, ведь пороха у врага, насколько я могу судить, нет. Да и более поздние варианты фортификационных сооружений тоже не нужны в грядущей обороне. Поэтому я ограничилась простыми средневековыми сооружениями. Получилось неплохо. На чертежах... А в реальности нужно было ещё провести немалые работы, прежде чем получится что-то, хотя бы отдалённо похожее на чертёж.

У Мелисанды с Риксом тоже было дел невпроворот, поэтому в моё распоряжение, кроме двух помощниц, отдали три строительные бригады. Две я направила на строительство укреплений в ущельях, а одна, по совету Мелисанды, должна была заниматься укреплением городских стен, но я решила, что пока важнее построить общинные дома, в которых мы разместим новоприбывших.

Строительство закипело. Но нам не хватало рабочих рук. Порывшись в ноутбуках у

учёных, я обнаружила там несколько занятных чертежей приспособлений, что могут нам пригодиться. Всю имеющуюся информацию я перекинула на своё устройство, а пару чертежей распечатала, показала наиболее сообразительным работникам и велела воплотить в жизнь.

Одной из машин был подъёмный кран, в качестве силовой установки в котором использовалось огромное колесо с двумя людьми внутри, которые подобно белкам должны были его раскручивать во время работы. Вместо подобного приспособления местные использовали «журавль» — подобные конструкции ещё сохранились в некоторых глухих деревнях моего прежнего мира. С их помощью поднимали воду из колодцев.

Устройство, предложенное мною, хотя и требовало определённых ресурсов и времени на изготовление, но зато немного ускоряло процесс строительства. Да и не такое уж оно было и сложное. Подобные подъёмные краны использовали в средневековье и в Древнем Риме. Думаю, и здесь, на Триале, в некоторых государствах до подобной технологии уже давным-давно додумались, просто до Чивуака оно по какой-то причине не добралось.

Вторым моим новшеством был самый обычный кривошип. До водяных и ветряных мельниц аборигены давно додумались, а вот как превратить вращательное движение в поступательное, ещё почему-то не решили. Я им помогла.

Крохотная речушка, что снабжала водой город, несмотря на скромные размеры, обладала буйным нравом. Это позволило нам построить рядом с кузницей ещё три мельницы, которые мы использовали, чтобы пилить доски и камни.

Но всё, как всегда. Гладко было на бумаге, да... Как там дальше? В общем, неважно. У нас возникла проблема. Нам нужны были огромные, длинные лезвия, чтобы распиливать каменные блоки и брёвна.

Я долго пыталась объяснить местному кузнецу Гравиусу, что был лишь ниже моего плеча, что от него требуется. Удалось мне это лишь спустя пару дней. Все эти два дня гном лишь задумчиво чесал бороду и говорил, что придётся пробовать новую рецептуру. Наверное, он имел ввиду, что придётся улучшить качество стали, которую производил кузнечный цех.

Ещё через пару дней у нас были шесть превосходных металлических полотен. Три с разведёнными острыми зубьями, для распиловки брёвен и три гладкие, для пилки камней.

К сожалению, по одному лезвию каждого типа мы сломали, когда пытались достичь нужного уровня натяжения лезвий. Но зато после этого всё пошло настолько гладко, насколько это вообще возможно. Уже к концу дня у нас были первые доски, и рабочие начали распилку каменной глыбы.

Как ускорить процесс добычи камня, я пока не знала. Единственное, что могла предложить, был отбойный молоток, но на текущем уровне развития мы не сможем изготовить ничего подобного.

Тогда я решила увеличить количество изготавливаемого кирпича, с производством которого здесь хоть и был порядок, но делали его почему-то слишком мало. Очевидно, не хватало пинка под зад для ускорения.

Думаю, стоит упомянуть то, как здесь решались вопросы собственности и оплаты труда. У всех людей, занятых в строительстве укреплений, зданий, сборе налогов, перевозках и иных общественно полезных делах было небольшое, но жалование. Рыбаки же, ремесленники, за исключением кузнеца, охотники и немногочисленные скотоводы были кем-то вроде частных предпринимателей и продавали свою продукцию на рынке. Никто без

дела не сидел, и даже малые дети, научившись ходить и говорить, сразу же становились помощниками своим родителям. Дети в этом мире — это те же взрослые, только маленькие. Здесь к ним относятся без лишних сюсюканий и воспитывают достаточно сурово.

Что же касается собственности, то здесь было что-то вроде коммунизма, хоть и вынужденного. Большинство коренных жителей города, которые были истинными собственниками городских домов и мастерских, сейчас были либо убиты тварями, либо бежали в поисках лучшей доли. Те же, кто сейчас жил здесь, были либо настоящими патриотами, желающими защитить страну от грядущей напасти, либо искателями приключений, для которых спокойная жизнь подобна смерти, а в большинстве теми, кому по определённым причинам больше некуда было пойти. А в последнее время всё больше и больше прибывало беглых рабов, освободившихся из рабства в стране на севере и ищущих здесь убежища. Собственность в виде кузницы, пилорамы, причала и укреплений принадлежала королю.

Денег в казне постоянно не хватало на выплаты рабочим, их постоянно задерживали. Но это не сказывалось негативно на трудолюбии разумных. Большинство из них видели, на что способны чудовища роя, и работали не покладая рук, чтобы обезопасить себя и свои семьи. Как только опасность минует, то сразу же всё изменится. Все начнут требовать невыплаченное жалование за оказанные в долг услуги. Начнётся грызня и развал. Но пока все работают как единый и слаженный часовой механизм.

Вчера мы закончили первый общинный дом, рассчитанный на сотню жильцов. Комфорта там было по минимуму — за водой приходилось ходить к речушке, а туалет был на улице, к тому же было очень тесно. Зато дом получился тёплым, занимал мало места, был двухэтажным и позволял безопасно перезимовать части беженцев.

Число палаток сразу же снизилось, но лишь ненадолго.

На следующий день пришла огромная толпа вооружённых беженцев, и мне посчастливилось присутствовать при разговоре их главы и нашего руководства.

Возглавлял делегацию огромный, под два с половиной метра, орк. Он с ног до головы был покрыт татуировками и многочисленными шрамами, из-под нижней губы торчали два жёлтых клыка, один из которых был раскрошен. Одет он был в шкуры животных и выглядел, как самый настоящий дикарь. Ему было явно некомфортно находиться в помещении, рассчитанном на менее рослых существ. Его сопровождал крепкий тигролюд и закованный в доспехи человек.

Встречали делегацию Мелисанда, Рикс, стражники, ну и меня до кучи тоже пригласили.

— Где король? — пробасил орк, в присутствии которого все прочие участники события казались маленькими и незначительными.

— Для начала представьтесь, — спокойно парировал Рикс, которого орк, похоже, не впечатлил.

Орк оценивающе посмотрел на капитана городской стражи и немного помедлив произнёс:

— Хорошо, я представлюсь и заодно расскажу всю свою историю, чтобы не было больше никаких вопросов. Меня раздражают вопросы. Меня зовут Грюнт! Я вождь того сброда, что пришёл сюда сегодня. Мы беглые. Недавно в Олоде случилось крупное восстание. Восстало множество рабов, сбежало много преступников из тюрем. Нам удалось добраться до Глади и переправиться через неё. Кто-то на лодках, кто-то на плотках. На этом берегу нас встретили не слишком приветливо. Войска Гарка хотели сломить нас и сделать

своими рабами. Но мы смогли объединиться. У них была обученная регулярная армия, а мы представляли собой плохо организованное, разрозненное и трусливое стадо. Но на нашей стороне было численное преимущество. Я смог объединить под своим руководством большую часть беглых. Мы задали трёпку воинам Гарка, а потом и вовсе взяли штурмом столицу и разграбили это логово. Какое-то время мы праздновали победу. Но награбленное золото постепенно растворялось и куда-то исчезало, а городские запасы вина шли на нет.

Народ разбрехался кто куда, а войска олодцев не спешили показываться по эту сторону от Глади, чтобы наказать сбежавших рабов и преступников. Тогда я решил собрать тех, кто остался, и двигаться сюда, так как слышал, что вам нужны воины. Вот я пришёл к вашему королю, чтобы он нанял меня и моих ребят. Мы не умеем сражаться на турнирах со всеми этими глупыми правилами и прочими ненужными причиндалами, но мы умеем убивать, а это самое главное. Так я считаю. Так что, где ваш король?

Мелисанда и Рикс переглянулись, затем Рикс сказал:

— Его величество изволил искать поддержки в войне с роем у наших восточных соседей. Для этого он отправился в дальний путь через горы. Пока никаких вестей от него не было. В его отсутствие подобными вопросами занимаюсь я и леди Мелисанда. Воины нам действительно нужны, но сейчас нам недостаёт золота и провизии. Мы наймём вас в том случае, если вы согласитесь не только сражаться, но и заниматься строительством укреплений, а плату получите чуть позже, когда у нас появятся средства, чтобы оплатить ваши услуги.

Рикс замолчал, Грюнт не произносил ни слова и лишь буравил взглядом нашего капитана. Тут в разговор включилась Мелисанда:

— Я прекрасно слышала, господин Грюнт, что вас раздражают вопросы, но прежде, чем принять окончательное решение насчёт вас, я всё же вынуждена вас кое о чём спросить. Какова сейчас обстановка в Гарке? Вы разграбили всю страну или только столицу? Полностью ли уничтожены войска короля? Есть ли у вас какие-то вести об Олоде?

— Как много вопросов, женщина! Ладно. Я отвечу на этот раз. Начну по порядку. Мы разграбили лишь несколько небольших городов и деревень и столицу. Остальная часть страны не тронута. А вот войск у них, похоже, или вовсе не осталось, или остались единичные воины, а правитель их червей кормит. Убит не только король, но и большинство его родственников недомерков. Обстановка — хаос! Никто ничего не понимает и не знает, что делать. Нет руководства. Про Олод слышал, что у них сейчас война со всеми, с кем только можно, так что им сейчас не до нас, да и вам они ничего не сделают, если примете нас в свои ряды. У них сейчас забот полон рот.

— Прекрасно. А сейчас покиньте нас ненадолго. Нам нужно посоветоваться.

Орк с сопровождавшими его воинами вышел из комнаты и спустился по лестнице.

— Он нам нужен, — сказала Мелисанда.

— Нужен, но у нас не хватает золота, чтобы содержать даже тех воинов, что уже есть у нас, — ответил Рикс. — Это при том, что жители Эйлонии сейчас платят налог в двойном размере. А наши рыбаки не способны наловить достаточно рыбы, чтобы прокормить столько ртов, а рыба — основа нашего рациона. Где мы возьмём пищу и золото, чтобы содержать этого Грюнта, который один, наверняка, ест за десятерых, да еще его воинов?

— Боюсь, это сейчас он заявился к нам с добрыми намерениями. Если не нанять его сегодня, то завтра он будет грабить уже наши земли. А что насчёт ресурсов... Думаю, у нас есть прекрасная возможность позаимствовать их у нашего северного соседа...

— То есть?

— То есть война, Рикс. Я понимаю, что это нарушение не только закона, но и банального этикета. Мы, являясь советниками Каварла, не можем объявлять войны налево и направо, только король вправе это сделать. Но это ведь даже не война будет. Мы просто возьмём то, что плохо лежит, и присоединим земли Гарка к Эйлонии. Это даст нам дополнительный источник дохода, а также провизию. Земли нашего северного соседа славятся своей плодородностью.

— Это звучит настолько безумно, что я, пожалуй, даже соглашусь.

— Вот и отлично. Тогда подготовь всех всадников, что у нас есть. Завтра с утра мы двинемся в атаку. А я пока сообщу нашему гостю, что он принят.

— Хорошо.

— Что касается тебя, Елена...

Я немного занервничала от того, с каким тоном сказала это Мелисанда.

— Ты в наше отсутствие остаёшься за главную...

— ЧТО? Я? Вы же знаете меня всего лишь месяц, я ведь здесь недавно, да и вообще...

Мелисанда заливисто рассмеялась.

— Видела бы ты сейчас своё лицо. Не переживай. Я вижу, что ты не из черни и что тебе привычно командовать. Думаю, что ты справишься. Мы ненадолго. Кстати, с сегодняшнего дня ты назначена мэром Чивуака. Городом ты и так уже занимаешься, так что серьёзных проблем возникнуть не должно. А если припрутся какие-нибудь родственники покойного короля или какой дворянчик примчится из далёких уголков Эйлонии, можешь посылать их завру в зад. Скажешь, что король, будь он неладен, как только вернётся, то сразу же займётся их вопросами. В общем, мне пора собираться. Прощай. Думаю, что управимся максимум за месяц. Приведём с собой работников, привезём золото и провиант. Так что всё будет хорошо.

Мелисанда покинула помещение. Я до сих пор не могла поверить в происходящее. Я даже не понимаю части того, что говорят местные, а в реалиях местного мира и вовсе теряюсь. Хотя меня почему-то до сих пор не считают сумасшедшей.

На следующий день Мелисанда и Рикс во главе крупного отряда всадников, захватив с собой Грюнта и ещё нескольких наёмников, отправились на север. И тут понеслось... Неприятности и события стали сыпаться на меня, так будто бы кто-то стоял надо мной и вытряхивал их из рога изобилия.

Стоило им уехать, как взорвалась мельница. Ничего необычного здесь нет, мука взрывается, причём достаточно легко. Стоит лишь получить определённое соотношение в воздухе муки и кислорода, как тут же будет «бах!»

К счастью, никто не погиб — мельник вышел справить нужду как раз в момент взрыва. Но теперь возникнут проблемы с мукой, которой в наших краях и так практически нет. Придётся часть рабочих перенаправлять на строительство новой мельницы. Не успела я успокоиться, как меня срочно позвали на побережье. Там аборигены затеяли драку с землянами. Как оказалось, причиной стало зеркало, которое местная модница стащила у прижимистой землянки. А та, вместо того чтобы замять столь незначительное происшествие, позвала на помощь. До перестрелки не дошло, но у пары землян оказались сломаны рёбра, а трое местных не досчитались зубов.

Во второй половине дня галера с упражняющимися землянами протаранила причал, повредив несколько рыбацких лодок, а одного рыбака лишь чудом удалось спасти. Он много

времени провёл в воде, но его удалось откачать совместными усилиями местного знахаря по имени Марон и земных врачей. Этот самый Марон, кстати, постоянно бегал за нашим хирургом и терапевтом после того, как узнал, что они врачи, и допытывался у них о известных им способах лечения. Хорошо хоть, что он языка нашего не знал, а то и вовсе не было бы врачам покоя. Но мне от этого легче не было. Ведь единственный человек, кто мог переводить, это я...

Но это всё были лишь цветочки. Ягодка появилась уже в темноте, когда снег стал валить крупными хлопьями. Скачущая верхом на огромном медведе изуродованная голая ягодка. Один из стражников опознал этого мужчину. Что меня удивило, так это то, что как оказалось этот мужчина был мужем Мелисанды. Я бы не хотела, чтобы мой муж голышом рассекал на медведе по городу. Это слишком. Особенно учитывая то, что медведей я боюсь. Но, нужно сказать, что они стоящая друг друга парочка. Бой-баба, что готова ввязаться в войну и навалить соседнему государству, а всю остальную работу спихнуть на малознакомую женщину, и варвар, скачущий голышом на огромном медведе.

В общем, мужчину увели в дом советницы, а Марон и земные врачи отправились его осматривать. Они сказали, что он очень слаб и состояние его тяжёлое. Он лишь чудом смог добраться до города. Ещё одно чудо на сегодня. Надеюсь, что последнее. Я уже надеялась лечь отдыхать, но в этот момент ко мне подошёл человек Андрея и сказал, что тот хочет меня видеть. Настроение у меня уже было ужасное, так что я ответила, что если хочет меня видеть, то пусть придёт и смотрит, после чего отправилась к себе в комнату.

Когда я только начала засыпать, то услышала стук в дверь. Когда уже закончится этот день?

Я накинула халат, зажгла лампу и отворила дверь. На пороге стоял Андрей.

— Нам нужно поговорить. Ты занята?

— Андрей, ты видел, сколько времени? Я вообще-то спала.

— Неважно. Ты всё равно целыми днями ничего не делаешь, пока мы учимся навигации и управлять этой чёртовой галерой!

— Что? Да как ты...

— Помолчи. Говорить буду я. Думаю, мы готовы. У нас уже получается ориентироваться по звёздам и Солнцу, слаженно грести, мы комфортно чувствуем себя на море.

Тут я хихикнула.

— А то, что мы сегодня поцарапали корпус галеры, так это оттого, что решили узнать максимальные возможности этого судна. Ничего смешного здесь нет. В общем, так. Я знаю, что ты втёрлась в доверие к местным. Пока мы тренировались... У нас туго с припасами. Хватит, чтобы добраться до другого континента, но впритык. В общем, ты должна развести местных на еду. У них тут рыбы навалом, так что, думаю, проблем не должно возникнуть. Припасы нужны завтра. Я планирую свалить отсюда как можно быстрее.

— Андрей, я... Я даже не знаю, с чего начать...

— Только давай без распускания нюней, пожалуйста! Ты и так знатно накосячила в тот раз. Я уж не знаю, какими веществами баловалась генеральская дочка, что стала слышать какие-то голоса, но в подобной жопе мы оказались лишь благодаря тебе. Так что будь любезна: подними свою задницу с тёплого места и сделай доброе дело!

— Андрей... Во-первых: не смей говорить со мной подобным тоном — я этого не заслужила; во-вторых, если ты вдруг ещё не понял, то я с вами никуда не плыву; а в-третьих,

я прошу: останьтесь. Этим людям грозит опасность. Скоро на них нападут жуткие существа, а ваше, то есть наше земное оружие способно им помочь. То есть не нужно отдавать его, просто останьтесь и помогите отразить нападение. Мы строим укрепления и...

— Да чтоб тебя, заткнись! Хватит нести эту чушь! Ты же больная на всю голову! Какого хрена ты несёшь? Плевать я хотел на местных и тебе советую это сделать! У них здесь средневековье, они по-любому должны здесьдохнуть как мухи. А нам домой нужно возвращаться! Тебя папа-генерал дома заждался! Или ты забыла про папашу, что пристроил тебя на тёплое местечко? Что, кому-то местному уже подмахиваешь и про дом родной забыла?

— Я не буду опускаться до оскорблений, Андрей. Но... У них не средневековье, скорее, их уровень развития сравним с бронзовым веком на земле, а сейчас идёт переход в железный...

— Да мне похер, что у них тут идёт! Пусть хоть на динозавров влезают и верхом скачут. Не про то сейчас базар!

Андрей быстрым коротким движением ударил меня по лицу. Пощёчина едва не оглушила меня.

— Приди уже в себя, дура! Завтра мне нужны припасы. Если я не получу их, то можешь распрощаться со своей никчёмной жизнью! Поняла?

— Стража!

Спустя пару мгновений наверх взбежали четверо экипированных стражников, что дежурили у входа в мой дом. Андрей испуганно посмотрел на меня.

— Схватить его!

Охранники мастерски заломили ему руки за спину.

— А теперь, послушай меня, урод! Благодаря мне мы выжили в той битве! Да, нам пришлось бежать из лагеря, но это было лучшим решением. Враг был многочисленным и непонятным. Я ничего не употребляю, а голос не моя выдумка, он действительно есть! Это какое-то местное существо, и оно связывается со мной, говорит, помогает. Хочешь припасы получить? Так заработай! Я пащу с утра до вечера, наравне с местными каждый день, чтобы заслужить свой хлеб! А что сделал ты и остальные земляне? Плавали на галере вдоль берега? Ели пищу, которую мы забрали у пиратов и хозяев галер? Я никуда не плыву. И вам не советую. Никому. Те маги, они напали из-за врат. Сейчас либо врат уже нет на месте, либо на месте нашего лагеря находится целое войско местных, которое малому отряду не по зубам. Ты поведёшь людей на убой, либо в пустоту. Единственным верным решением сейчас будет остаться и жить здесь. У нас есть учёные, инженеры, работающие ноутбуки с кучей полезной и не очень информации. После того, как мы отобьём атаку, мы сможем открыть здесь школы, толкнуть местную науку на сотни лет вперёд! Да, у нас не получится воссоздать земной уровень технологий, комфорта и безопасности, но мы сумеем сделать существенный рывок. Я остаюсь, Андрей. Оставайтесь и вы.

— Иди на хрен, тупая сука! Пустите меня!

— Уведите его и больше не пускайте.

— Да, ваша светлость! Простите! Мы думали, что... Он в такое время... И... В общем думали, что вы близко знакомы, поэтому пустили его...

— Ладно, забыли.

Стража увела Андрея. Я легла спать. Но до самого утра так и не сомкнула глаз.

Глава 11 Саян. Спасение шкуры.

Весной веселит, летом холодит, осенью питает, зимой согревает. (Народная загадка).

Погоня. Кто-то догоняет меня. Я пытаюсь закричать, но не могу открыть рта. Смотрю на свои руки, а их нет. Меня тошнит. Чешется кожа на плече. Тянусь чтобы почесаться, но ощущаю жуткую боль, от которой тут же просыпаюсь.

Осматриваюсь по сторонам и не могу понять, где же нахожусь. Приличных размеров комната, с окнами, затянутыми бычьими пузырями, посреди стоит стол, заваленный бумагами. Я лежу на широкой кровати в углу помещения. Так. Я дома. Дома, к сожалению, в Чивуаке, а не на Земле. Не помню, как я тут оказался.

Последнее, что осталось в памяти, это как вцепившись мертвецкой хваткой в загривок медведя, улепётываю от разъярённой толпы чудовищ, да и то помню как-то смутно, будто во сне.

Пытаюсь пошевелить пальцами ног, но тщетно. Чувствительность не вернулась — чуда не случилось. Ощущаю, что бок уже затёк оттого, что я на нём лежу, переворачиваюсь на спину и вскрикиваю от боли. Я совсем забыл, что спина обгорела.

В глубине души надеюсь, что крик услышит Мелисанда и войдёт в комнату, но надежда напрасна — похоже, в доме никого нет. Эх, беда, а я ведь соскучился. Ну да ладно, нечего смотреть ей на меня, когда я нахожусь в таком отвратительном состоянии. Хотя она наверняка уже видела меня, пока я валялся в бреду. Кстати, интересно, сколько времени я так провалялся, прежде чем прийти в себя?

Пока кто-нибудь не придёт, ответа я не узнаю. А кто может прийти? Судя по запаху, это будет Марон. Я чувствую запах его целебной мази. Скоро от неё заживут волдыри от ожогов. Интересно, а сломанную спину она вылечит? Боюсь, что нет. Для этого нужна магия, либо современная операционная палата и квалифицированный хирург. К сожалению, ни того, ни другого у меня сейчас нет и в ближайшем будущем вряд ли появится. Вот отобьём атаку тварей, и я отправлюсь на Халион к злополучной арке, с помощью которой смогу вернуться в родной мир. На время. Вооружусь до зубов, подлечусь и обратно. У меня тут теперь семья и друзья. Вот бы увидеть сейчас кого-нибудь из них, а то на душе так паршиво!

Стоило мне подумать об этом, как я услышал грохот чьих-то ног, поднимающихся по лестнице. Это явно не Мелисанда, она ходит едва слышно, и не Марон, он тоже аккуратен. Тогда кто?

Дверь отворилась и позволила мне самому увидеть вошедшего. Неожиданно.

— Гравиус, — прошептал я одними губами.

Бородатый гном, отправившись ко мне, даже не соизволил снять грязного фартука. Наверное, он к нему уже прирос, как шляпа к Боярскому.

— Очнулся, болезный! Как тебя угораздило?

— Да вот так, сам не знаю, как. Ты лучше скажи мне, откуда ты знал, что я очнулся? Ни за что не поверю, что ты меня каждую десятину ходил проведывать!

— Так а с чего ты взял, что я к тебе шёл? Я, между прочим, к Мелисанде шёл, у нас с ней тут любовь и всё такое, так что я частенько захаживал к ней, пока ты шлялся завр знает где!

— Не смейся, Гравиус.

— Неужто не веришь?

— Нет, конечно!

— Так, а что? Я мужчина видный, а Мелисанда горячая женщина!

— Ну, во-первых, Гравиус, видным ты становишься только если подпрыгнешь или на табуретку встанешь, а во-вторых, любовь у тебя может быть только к двум вещам: деньгам и работе.

Мы с гномом засмеялись. Я был очень рад его приходу.

— Ты по делу или как, Гравиус?

— Тык, я к барышне этой шёл по делу, не к Мелисанде, другой. Твоя-то барышня в отъезде, если ты не в курсах ещё. Они с Риксом Гарк покорять поехали.

— О, как. Ясно, что ничего не ясно.

— Ай, потом тебе расскажут всё. Я так, мимо шёл и вот заскочить решил, глянуть, жив ты или нет. Ну и енто... Спросить хотел совета у тебя, если ты жив, а если нет, то уж к барышне этой идтить...

— Какого совета? Какой барышне?

— В общем, мне необходимо выплавить лезвия. Очень тонкие и длинные, для пилорамы... — как только речь зашла про работу, гном сразу же стал говорить быстро и чётко. — Я уже изготовил несколько, но они ломаются, как бутылки от рома об голову пьяного орка! Я что только не перепробовал, но зашёл в тупик! Может быть, из него есть выход?

— Хм. Возможно, дело в примесях. В руде, кроме железа, содержится много всего ненужного. Пусть рабочие тщательнее отбирают нужные камни, а перед тем, как закладывать их в печь, калят на огне вдвое дольше, чем раньше. Так будет дольше, но примесей так выгорит больше, ещё до закладки в печь. Ещё, чтобы металл был менее ломким, попробуй делать его более мягким, для этого можно переплавлять его несколько раз, так из металла уйдёт лишний углерод. Ну и долгаяковка тоже способствует удалению примесей. Ещё, как вариант, попробуйте сделать небольшое окошко в блауофене, которое можно будет открывать во время плавки и вычерпывать через него плавающий в расплаве шлак. Других способов, которые мы сможем применить в наших условиях, я не знаю.

— Мудрёно сильно. Но я тебя понял. Ладно, бывай!

— Ага, спасибо что зашёл справиться о моём здоровье! — крикнул я вслед убегающему гному.

Ну вот как это называется? Я думал, что хоть кто-то переживает за моё здоровье, а тут нате, пожалуйста! Выяснил, что ему было нужно, и убежал, маленький бородатый проныра!

Ну, ничего, я ему ещё весточку отправлю, пусть поработает немного на моё здоровье, благо рядом с кроватью есть вощёная дощечка и стилус. Нужно кое-что вспомнить, продумать, начертить, а потом передать гному.

Пока я сидел за чертежом, в комнату ко мне вошёл ещё один посетитель, которого я заметил, лишь когда он поздоровался со мной.

— Привет, друг.

— Марон! Дружище! Как же я рад тебя видеть!

Марон подошёл ко мне и крепко обнял.

— Совсем не шевелятся? — спросил он.

— Совсем.

— И ничего не чувствуют?

— Ничего. Сможешь что-то сделать?

— Я тут кое-какие эксперименты проводил с тварями, с маннитом, у земляков твоих кое-чему поучился, но... Пока нет. Мне нужно ещё время, ещё ресурсы из чудовищ, ещё маннит, провести кое-какие эксперименты, и тогда, я уверен, что всё получится.

— Я и не надеялся на положительный ответ, но... Стоп! Что? Какие земляки?

— А, ну да, ты же не в курсе. Тебя не было всё это время, пока они были здесь, а как только они отплыли, ты сразу же пришёл в себя. Очень уж ты невезучий, Саян! В одном тебе повезло — меня встретил. Если бы не я, ты бы помер уже.

— Я не понимаю, друг, о каких земляках ты говоришь?

— О твоих, конечно же! Пока тебя не было, приплыли галеры, на которых были пленённые пираты, освобождённые рабы и толпа твоих земляков. Они были странно одеты, говорили так, что их никто не понимал, у них были всякие интересные штуки. Они пробыли здесь какое-то время, большую часть из которого учились управляться с галерой, а сегодня рано утром уплыли. Среди них было два хороших лекаря, у которых я многому научился! Мы с ними тебя вчера осмотрели, но похоже, они тоже не знали, как тебя лечить. Но мне удалось выпросить у них одну волшебную штуку, на которой я сейчас могу смотреть картинки, на которых изображено, как устроен человек. Там и читать можно. Но я не умею читать на вашем языке, Саян. Ты же меня научишь?

Я был немного шокирован. Мои земляки были здесь? С чего вообще Марон взял, что они были моими земляками? Лекарь будто бы вспомнил что-то, его глаза широко распахнулись, он вскочил, сказал:

— Я сейчас!

После этого он убежал, оставив меня наедине со своими мыслями. Пока его не было, я попытался сложить картинку в единое целое, но она не складывалась, распадалась, кусочки пазла не подходили друг к другу. Возможно, я бы и собрал что-то спустя какое-то время, но в этот момент в комнату вновь вбежал Марон, а в руках у него был... Ноутбук.

— Завр тебя дери!

— Я точно также выругался, Саян, когда увидел эту штуку впервые! Стой, так ты что, не знаешь, что это, не умеешь ею пользоваться?

— Я... Да... Знаю, умею. Но я не могу поверить, что здесь были мои земляки. А давн они уплыли? Может быть, кто-то остался?

— Осталась одна. Зовут её Елена. Остальные сегодня рано утром уплыли. Как я понял, возвращаться они не собираются.

— Мне надо поговорить с этой Еленой, Марон. И чем быстрее, тем лучше. Приведи её ко мне!

— Боюсь, что не выйдет. Она пока что старшая у нас, птица не нашего полёта, так что это тебе к ней нужно будет идти. Так что лучше ты скажи, что вот здесь написано?

Марон протянул мне включённый ноутбук, на котором был открыт какой-то текст по медицинской тематике, а затем с нетерпением произнёс:

— Ну же, скорее читай! Интересно ведь!

— По средней линии живота под мечевидным отростком выслушивается шум с чревного ствола при его стенозе...

— Ты половину слов сказал на другом языке! Читай на общем!

— В общем нет половины написанных слов, Марон! Да и я не в том состоянии, чтобы тебе сейчас помогать.

— Ах, да, прости... Просто я думал, что знаю уже почти всё в знахарстве, а оказалось,

что я не знаю и сотой доли того, что известно другим! Я хочу изучить все способы лечения, я хочу знать всё!

Порой Марон напоминал мне одержимого маньяка, готового ради своих идей и задумок пойти на что угодно. С одной стороны, я был рад, что человек чем-то увлечён, а с другой, меня это пугало.

Наконец мой первый друг в этом мире успокоился и принялся за лечение моих волдырей. Пока он мазал мои раны, мне удалось кое-что от него выяснить.

Как оказалось, барышня, которую упомянул Гравиус, и Елена, которая была моей землячкой, это один и тот же человек, с которым мне очень нужно поговорить. В городе в моё отсутствие произошли кое-какие изменения, от Каварла по-прежнему нет никаких вестей, а Мелисанда с Риксом сейчас захватывают разорённый Гарк.

Бурый каким-то чудом дотащил меня, абсолютно нагого, до города. При этом я как-то умудрился не потерять посох, а вот маннит не дотащил. Сумки и перевязи у косолапого не обнаружилось.

Сейчас косолапый занимался тем, что объедал бедных рыбаков, а посох Марон почему-то отнёс к себе. Очевидно, хотел научиться магическим искусствам, но, когда я попросил принести посох, возражать не стал. Ещё я попросил его отнести Гравиусу чертёж, сходить к плотнику с просьбой изготовить нестандартную телегу, и к шорнику, чтобы тот сделал необычное седло. Ну и просил передать Елене, что смертельно хочу с ней встретиться и прошу выделить мне совсем немного времени, но сам прийти не могу. Все мои просьбы друг согласился выполнить.

В течение дня ко мне пришёл ещё один человек — милостивая девочка с голубыми глазами, в платке и замаранной одежде. Она принесла мне обед и ужин. Это была одна из сестёр Марона, которую я не сразу узнал.

Прошло два дня. Марон навещал меня, мазал мои раны. Мне приносили еду трижды в день, а всё своё свободное время я тратил, чтобы упражняться в магии. Ещё я пытался переговорить с Голосом, но пока мои попытки не увенчались успехом.

Я упражнялся в магическом искусстве и прокручивал в голове комбинацию рун, которую собирался использовать в заклинании. Рефлекторно выводил в воздухе посохом очертания конструкта. В этот момент ко мне в комнату в сопровождении двух стражников вошла милостивая блондинка с умными глазами, которые смотрели на меня настороженным взглядом.

До моего слуха донеслось, как она шёпотом спросила у одного из стражников, лицо которого было мне знакомым:

— А он точно не сумасшедший?

— Был нормальным, — также шёпотом ответил ей стражник.

Посмотрев на меня, она поняла по моему взгляду, что я всё слышал, а потому сказала, будто оправдываясь:

— Должна же я удостовериться, что я в безопасности, когда нахожусь в одном помещении с мужчиной, который то голышом катается на медведе по городу, то размахивает какой-то кривой палкой, лёжа в постели.

— Прошу прощения за тот инцидент, тогда я спасал свою жизнь, был в беспамятстве, поэтому мне было не до моего внешнего вида, — сказал я на родном языке.

— Так вы из наших? Но почему я не помню вашего лица? Я не помню всех наших поимённо, но в лицо узнаю любого. Откуда вы?

— Меня зовут Александр. Я, как и вы, не из этого мира. Возможно, вы обо мне слышали. Я давно здесь и хочу домой.

Какое-то время мы молчали. Затем блондинка попросила стражников выйти, а сама села на кресло рядом с моей постелью.

— Я слышала о вас. Это по вашим следам нашли проход в этот мир. Так что в каком-то смысле я здесь из-за вас. Но я даже представить не могла, что вы это вы, и что вы ещё живы.

— Как там родители? Вы случайно не в курсе?

— В курсе. Ваш отец даже побывал в этом мире. Уж очень настойчив он был. Но потом его вывезли. Про мать знаю только, что она жива.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Гора с плеч. Я слышал, что остальные земляне уплыли. Они ведь поплыли к арке? Когда будет следующий рейс? Я хочу домой.

— Боюсь, что никогда.

— Но... Почему тогда вы остались? Как тогда...

— Я осталась насовсем. Больше никто не пожелал. В общем, если кратко, то мы организовали лагерь в этом мире, затем на нас напали маги, мы бегством спаслись на галерах. Пробыли здесь некоторое время, а затем мои коллеги отправились назад к воротам, в надежде, что маги уже ушли, а если и нет, то надеясь их победить и с помощью врат вернуться домой. В том, что врата находятся в целостности и сохранности, я сомневаюсь. И я не верю, что у нас есть шансы вернуться на Землю. Наш дом отныне и навсегда здесь.

— Но...

Я не нашёлся, что сказать. В горле встал ком, а на глаза навернулись слёзы. А я очень надеялся, что удастся вернуться домой на время, чтобы закончить начатые дела, подлечиться. Я впал в ступор.

— Простите, Александр, я правда хотела бы ещё с вами поговорить, вы ведь единственный человек, который знает достаточно много и о Земле, и о Триале одновременно. Но так вышло, что я сейчас подменяю вашу супругу Мелисанду и капитана Рикса, так что у меня дел невпроворот и...

— Да, конечно... Но уделите мне ещё минуту, пожалуйста! Здесь неподалёку, наверное, в неделю пути на восток, чудовища похитили моих друзей. Мне нужно как можно скорее собрать отряд и отправиться им на выручку. Прошу вас!

— Не хочу вас расстраивать, Александр, но на востоке, насколько мне известно, всё захвачено роем. А значит, ваших друзей уже нет в живых...

— Есть! Я чувствую это!

— Извините, но мне правда нужно идти.

Елена встала и пошла к выходу, но я окрикнул её:

— Подождите!

Она обернулась. Я сосредоточился и сотворил простейшее заклинание. Светляка я прикрепил прямо над своей постелью. Елена заворожённо уставилась на него.

— Я не сошёл с ума, Елена. И то, что я чувствую, что мои друзья живы, это не пустая надежда, я действительно могу это чувствовать, так как приобрёл в этом мире некоторые таланты взамен утраченному здоровью, которым обладал на Земле. Мне нужно небольшое войско, чтобы их спасти. Да, я сейчас не в лучшей форме, но скоро для меня изготовят специальное седло, чтобы я мог спокойно передвигаться на медведе...

— Дело не в вас, Александр... Просто я не могу решать такие вопросы...

— Не можете? А мне кажется, просто боитесь!

— Меня хоть и оставили за старшую, но я, по сути, руковожу лишь строительством. Возможно, стоит подождать возвращения отряда Рикса и Мелисанды, или Каварла...

— Нет! Нельзя ждать, я чувствую это! Дорога каждая минута! Нужно поторопиться, тогда, возможно, удастся повернуть всё без потерь.

— Я не знаю... Пожалуйста, не заставляйте меня это делать, ведь враг может атаковать в любой момент, а если вы уведёте остаток армии, то...

— Я не заставляю, я прошу вас, как временную главу государства, выделить мне солдат, чтобы спасти людей, которые мне очень дороги. Чудовища не нападут во время нашего отсутствия, до их прихода есть ещё несколько месяцев. Мы успеем, я обещаю!

— Хорошо, Александр, я велю готовить солдат. Когда планируете отбыть?

— Послезавтра. Нужно ещё уладить кое-какие дела, прежде чем уехать.

Послезавтра уехать не удалось. К обеду этого самого «послезавтра» только было готово седло на Бурого и инвалидное кресло, которое Гравиус сделал по моему чертежу. Получилось оно гораздо более габаритным, тяжёлым и неповоротливым, чем его земной аналог, который я и пытался воспроизвести на чертеже.

Теперь я мог почти полноценно передвигаться по городу. Моим извозчиком был Марон, которого во время передвижения я обучал моему родному языку. Так что мы получали обоюдную выгоду от совместного времяпрепровождения.

К моему превеликому удивлению, удалось набрать целую сотню воинов. Однако! Чивуак растёт как на дрожжах. Собранный с помощью Елены отряд получился слишком уж разношёрстным. В нём были люди, эльфы, гномы, тигролюды. Но видовое разнообразие было далеко не главной проблемой. Оружие и доспехи практически у всех были разными. Большую часть бойцов составляли остатки отряда наёмников некого Грюнта, который сейчас с половиной своих наёмников был в отъезде вместе с Риксом и Мелисандой; также в отряде было несколько городских стражников и дюжина новобранцев. Ещё одной проблемой было отсутствие опытного командира, на роль которого я абсолютно не годился. Но, куда деваться, придётся командовать.

Хотя я и спешил, но пришлось ещё задержаться почти на неделю. Елена уже косо поглядывала на меня и шепнула на ухо, что наёмникам после возвращения нужно будет заплатить, а платить было особо нечем. Так что лучше всё повернуть как можно скорее.

Я и сам это понимал, но выехать раньше никак не мог. В течение недели я выпотрошил закрома Гравиуса. Как оказалось, в них было достаточно арбалетов и клевцов, чтобы вооружить мой отряд. По словам гнома, он держал эти запасы, чтобы отправить их на продажу к оркам или в Олод. Ох, мой милый бородатый коротышка, боюсь тебя разочаровать, но нам сейчас не до торговли.

Вооружив отряд клевцами и арбалетами, я немного потренировался вместе с моими воинами. Мы учились пользоваться арбалетами, действовать слаженно и понимать друг друга. Я, конечно, понимал, что местной недели, пусть она и состояла из десяти дней, было недостаточно, чтобы обучиться до удовлетворительного уровня, и что как только начнётся бой с чудовищами, моё войско может запаниковать и разбежаться в разные стороны. Но медлить больше было нельзя.

Кстати, седло для Бурого было готово. Я, со своей травмой спины прекрасно мог в нём ехать. Мне было достаточно комфортно. На седле были специальные крепления, и я мог, к примеру, быстро выхватить из крепления посох, затем вернуть его на место, сделать выстрел из арбалета, затем выхватить клевец и действовать уже в ближнем бою.

Кроме того, для мишки изготовили специальную телегу, на которой можно было везти достаточно солидный груз, а в случае опасности телегу можно было отцепить как с помощью одного движения руки, так и с помощью взмаха лапы.

Косолапый к моменту отъезда успел ещё немного подрасти. По моим прикидкам, весил он уже тонну с четвертью. Когда же это прекратится? По словам Оло, полноценное заклинание для превращения существа в химеру должно быть гораздо сложнее, чем использовал я. В конструкт в форме пятиконечной звезды должны вплетаться не просто руны, а целые конструкты с рунами. Каждый дополнительный конструкт при этом будет задавать характеристики изменению существа. Если существо должно вырасти, то насколько, если должно стать быстрее, то насколько и так далее. В моём же заклинании никаких ограничителей не было. Надеюсь, что это не приведёт к печальным последствиям и медведь скоро прекратит свой рост.

Утром следующего дня, едва взошло светило, мы выдвинулись в путь. Под ногами хрустел снег.

Глава 12 Олод. Бойня.

Если нам всё же удастся рано или поздно сбежать в другой мир, нам придётся изменить свои привычки и обычаи. Мы уничтожили свой родной мир, пусть это послужит для нас ценным опытом, который мы используем в будущем, и впредь будем более осторожны с применением и распространением магии. (из уцелевших страниц дневника Эквилиона).

Олод ожил. Так можно было описать то, что сейчас происходило в столице государства магов. В каждом прохожем, в каждом выкрике и в каждом взгляде чувствовалась суеда и ощущалось волнение. На улицах было столь многолюдно, что создавались целые заторы из людей. Оживились и воры с карманниками всех мастей, ведь при таком столпотворении было очень просто воровать чужие кошельки.

Несмотря на тревожные события последних месяцев, увеселительные заведения, будь то зоопарки или арены с гладиаторскими боями, были заполнены до отказа. Складывалось впечатление, что люди желали хотя бы на краткое время закрыться от тревожного реального мира.

В условиях войны у верховного магистра Айна и вовсе не было свободного времени. В данный момент он заседал в штабе с малым советом, в который входили два генерала, магистр Феодус, магистр Арзамар и глава разведки Джереми, более известный среди магов как Неназываемый.

Члены малого совета стояли перед крепким дубовым столом, на котором лежала карта местности с отметками.

На карте простирался Олод, раскинувшийся меж двух огромных рек — Глади и Изумрудной. Все центральные земли страны занимали величественные, непреодолимые горы, в предгорьях которых олодцы добывали медь и олово — составные части бронзы, из которой и ковалось оружие.

Кроме двух гигантских рек и величественного горного хребта, на территории государства магов было множество рек меньшего размера и небольших гор, которые терялись на фоне своих более величавых собратьев.

На севере от Олода располагались территории разрозненных государств тимурлинов и гоблинов. На северо-востоке была граница с более крупными, но всё же ничтожными на фоне Олода государствами эльфов, за землями которых жили гномы. На востоке была небольшая граница с достаточно крупным государством гоблинов и непреодолимый горный хребет, за которым находилось государство людей. На юге, за пределами Глади, по большей части были всё те же непреодолимые горы, а в небольшом промежутке была граница с Гарком. На западе, за Изумрудной, простирались земли орков, а на северо-западе находилась могущественная Катаринская Империя.

Генерал, который не был магом, а всего лишь простым человеком с выдающимися талантами в области военного дела, указывал на карту и докладывал:

— Атака тимурлинов была внезапной, их войска дошли до самой реки, отрезав от нас северную провинцию. Войска эльфов и гоблинов совместными усилиями смогли добраться до Центральных гор, а ящеры, переправившись через Изумрудную, также смогли проложить себе путь до самых гор. Таким образом врагу удалось отрезать от нас северо-восточную провинцию, в которой располагается большая часть наших войск. Мы пытались отвести

часть войск с востока, но гоблины тут же пошли в наступление. А теперь ещё и орки стали повсеместно высаживаться на западном побережье. Они разоряют города, уводят людей в плен, а продвигаются быстро, будто раскалённый нож сквозь масло. От их атаки страдает центральная провинция и южная, и если в центральной их продвижение сдерживают маги, то в южной для них нет существенной преграды. Возможно, нам стоит перенаправить часть магов на юг, тогда...

— Нет! — вступил в разговор второй генерал, который сам являлся боевым магом и руководил отрядами себе подобных. — Маги уже истощены постоянными сражениями с орками, и скоро от них не будет проку даже здесь. Так что мы не можем себе позволить расплыть силы. Нужно, наоборот, собрать все оставшиеся войска на защиту центральной провинции!

— Но это же приведёт к поражению! Каждый день мы теряем огромные участки наших земель, отступая всё дальше и дальше, и если ничего не изменится, то не за горами будет тот день, когда нам придётся капитулировать.

— Нам в любом случае придётся капитулировать, — голос магистра Айна звучал подобно грому среди ясного неба. — Эту войну мы проиграли. Вопрос лишь в том, сколько ещё мы сможем продержаться. Неназываемый, что насчёт твоего агента Грюнта? Получится подрядить его вернуться обратно на север и бороться с сородичами?

— Исключено. Сразу по множеству причин. Даже не буду перечислять их.

— Понятно. Что насчёт Корто? Твои шпионы смогли подобраться к нему?

— К сожалению, нет. Было две попытки покушения, но обе провалились. А затем связной перестал выходить на связь. Боюсь, что больше у меня агентов в империи нет.

— Жаль. Но другого я и не ожидал. В последнее время ты стал всё чаще меня подводить, Джереми. Феодус, может быть, хотя бы ты меня порадуешь? Как успехи на дипломатическом поприще? Столь же успешно, как и в разведке?

— Нет. Нет. Всё не так. У меня успехов нет. Но всё хорошо! Работаем, господин верховный магистр.

— Феодус, да завр тебя подери! У меня даже сил нет ругаться с тобой... С союзниками нашими что? Что хорошо?

— А! Так вот вы о чём! Так нет у нас союзников, господин верховный магистр. Гномы отказались вступить в войну на нашей стороне, а хорошо то, что они против нас не выступили. Соблюдают нейтралитет! Блюдут!

— Ясно... Арзамар, что ты скажешь о вратах?

— Мы больше не держим в тайне запасной план?

— Нет. Можешь всё говорить начистоту.

— Хорошо. Врата работают. Они ведут в достаточно большое число миров, я не знаю точного их числа. Мы побывали в нескольких и нам удалось найти подходящую планету. Разумной жизни мы на ней не нашли, хотя и использовали для этого самые сильные заклинания и лучших людей. Огромных чудовищ, уничтожающих всё на своём пути, тоже не обнаружили. Конечно, чтобы быть полностью уверенными в безопасности планеты, нам нужно значительно больше времени, но его нет. Поэтому мы разбили лагерь и сейчас строим сразу несколько посёлков для беженцев. После того, как разведчики найдут подходящие земли, начнём строить ещё. Пока всё.

— Поторопись, Арзамар! Работать нужно днём и ночью! Мы не сможем держаться долго, так что эвакуацию я предлагаю начать уже завтра.

— Подождите, о какой эвакуации идёт речь? — задал вопрос генерал, что не был магом.

— Мы уходим. В первую очередь уйдут маги, а затем мы заберём с собой столько крестьян и ремесленников, сколько успеем.

— Но ведь логичнее будет сперва увести мирных жителей, а воины и маги пусть прикрывают их отход!

— Нет, генерал, я не могу рисковать магами. Смерть каждого из них — огромная потеря для нашего народа...

— Я не допущу, чтобы мирные гра...

Договорить генералу верховный магистр не позволил. С его посоха сорвалось заклинание и ударило в грудь генерала. Мужчина захрипел, его глаза закатились, и он упал на пол.

— У кого-то ещё есть возражения? Нет? Тогда, Джереми, ты берёшь на себя командование остатками армии. Будете прикрывать наш отход. Но, как поймёшь, что стало слишком опасно, то бросай всё и уходи.

— Я беру командование войсками на себя, и мы будем прикрывать ваш отход столько, сколько сможем сдерживать натиск врага, но я никуда не уйду. Моё место здесь. Я родился в этом мире и умру в нём же.

— Глупец! Впрочем... Дело твоё. Надеюсь, хотя бы с прикрытием отхода ты не подведёшь... Есть ещё один вопрос, требующий вмешательства. После нашего ухода врата нужно будет уничтожить, чтобы никто не отправился за нами по пятам. Уничтожить их можно только с этой стороны, а это значит, что кто-то должен будет остаться...

— Я могу, всё равно ведь остаюсь.

— Я рад, что ты готов помочь, Джереми, но боюсь, что ты на эту роль не подходишь. Врата прочны и с ними не так просто совладать.

— Я останусь, — сказал Арзамар. — Я в своё время остановил врата, затем перевёз их, затем сумел вновь запустить. Думаю, что мне хватит способностей, чтобы их уничтожить.

— Но тогда ты навсегда останешься в этом мире! Арзамар, ты ведь понимаешь это?

— Понимаю, и... Просто... Я не могу уйти, пока в этом мире у меня остались незаконченные дела. Мне нужно кое-кому отомстить для начала.

— Не буду отговаривать. В таком случае, сперва сделаешь дело, а потом займёшься мезтью. А после, если ещё будешь жив, то займись оставшимися в этом мире следами магии. Мне известно, что кое-кому удалось утащить из роши три стебля сицилиуса. Кроме того, где-то в землях роя, возможно, остались достаточно могущественные посохи. Да и магов, что остались в отрезанных от нас провинциях, мы не сможем взять с собой в другой мир. А поскольку мы не можем рисковать и оставить в этом мире конкурентов, то тебе нужно будет уничтожить и посохи, и их владельцев. Свой же посох тебе придётся сдать. Он отправится через врата и даст начало новой роше, так что обходись здесь без него. Джереми, проконтролируешь!

— Сделаю! — откликнулся Неназываемый.

— Хорошо, — согласился Арзамар. — Верховный магистр, будет сделано. Ещё что-то?

— После выполнения задачи и мести... Если сможешь всё сделать и останешься жив, то найди и уничтожь источник голоса, что донимал нас в первые дни пребывания в этом мире, пока мы не смогли подобрать должную защиту от него. Кем бы ни был хозяин голоса, он весьма могуществен, а значит, нельзя оставлять его живым. Нельзя, чтобы по нашим следам в новый мир отправились враги.

— Будет сделано.

— Хорошо, думаю, можем расходиться, если не у кого нет вопросов.

— Есть! Есть!

— Опали тебя дракон! Да, Феодус?

— А химеры? Вы в прошлый раз поручили... Попросили... Приказали химерологам создать существ из этих, как они... Собак?

— И что?

— Ну, может быть, они помогут нам в войне?

— Нет, Феодус, не помогут. Химеры готовы. Они вышли разумными, преданными и сильными, но их слишком мало, чтобы они могли оказать хоть какое-то влияние на ход войны. Кроме того, потребуется ещё несколько лет, чтобы их обучить до приемлемого уровня. Но поскольку из них выйдут прекрасные слуги и стражники, мы возьмём их с собой в другой мир. А там займёмся тихой и спокойной жизнью, будем любоваться пасторальными пейзажами и разводить эйхо и этих химер. Ещё вопросы?

— Нет, нет. Всё. Нету. А нет, есть вопрос! Да!

— Аргх! Ты... Спрашивай, Феодус?

— А можно будет мне возглавить их? Что-то с дипломатией у меня как-то так себе вышло. Может, я лучше с химерами буду работать? Взаимодействовать?

— Хочешь потеснить магистра химерологии, Феодус?

— Нет! Нет. Просто у него буду работать. Под его началом. Под руководством. Буду обучать этих химер, разводить...

— Эх, Феодус, Феодус. Если у тебя больше нет вопросов, то я согласен.

— Нету. Нет. А хотя! А? А... А, нет. Нету.

Глава 13 Каварл. Горячие переговоры.

Встреча с Первоййцом подобна ласкам тысяч самок, неге в самый жаркий день, воскуриванию благовоний и распитию самого вкусного вина, но при этом в тысячу раз приятнее всего вышеперечисленного! Поэтому, соблюдайте Кодекс и будете вознаграждены. (отрывок из Кодекса Катарианцев).

Меня с моей командой силой вынудили явиться на переговоры с королём. Но я ничуть не огорчился. Я и так жаждал встречи с ним. Так что завуалированные угрозы были излишни. Ради этого я и прибыл в эти земли. Ради этого я нахожусь в самом влиятельном государстве в округе, хотя ничего особенного пока в нём не нахожу. В сравнении с великой Катарианской империей это захолустье словно зубат в сравнении с завром.

Дворец короля был неплох. Весьма неплох для представителя низшей расы. Но в сравнении со дворцом в Бертоле он словно яйцо в сравнении со взрослым катарянцем. Что-то я размечтался сегодня. Нужно довольствоваться тем, что есть.

Король Гомбло Плублумс, как и полагается монарху, восседал на троне, расположенном в просторном зале. Трон был изготовлен из костей какого-то крупного животного. Сверху на них лежали многочисленные мягкие подушки, обшитые первосортным шёлком и золотом.

С обеих сторон от короля стояло по двое стражников. Нас сопровождали ещё два. Может показаться, что это недостаточно для охраны столь важной особы, но охранники были одними из лучших бойцов в государстве, к тому же прекрасно вооружены, а всех гостей в обязательном порядке досматривали и разоружали, прежде чем пустить в тронный зал. Мою команду даже разоружать не пришлось — за стражу это сделали пронырливые крестьяне, взявшие нас в плен. Нужно будет на обратном пути заскочить к ним в гости и вернуть своё имущество. А ещё нужно не забыть про товарищей, ожидающих моего возвращения и помощи в горах.

Сопровождающие нас сказали остановиться, когда мы оказались в пяти ротах от короля. Нас было пятеро: я, Джанг, Морт, Пад и заикающийся эльф, по неясным мне причинам увязавшийся за нами, хотя сперва всеми силами старался нашего общества избегать. Явиться пред ясные очи короля я бы хотел без эльфа и без гоблина, чтобы не порочить честь катарянца. Но вышло так, как вышло.

Насколько мне известно, продолжительность жизни у тимурлинов достаточно коротка, даже меньше, чем у людей, и умирают они от старости уже годам к шестидесяти, а то и пятидесяти. Судя по движениям, внешности и настроению короля, он был сейчас в самом расцвете сил, скорее всего, ему было лет тридцать. Он был в хорошей физической форме, крепко сложен и похоже, что под его одеждами и шкурой не было ни капли жира. Рельефные мышцы топорщились буграми на его теле. Он внимательно нас рассмотрел и заговорил громким, бархатистым голосом:

— Надо же, сколь необычные гости соизволили посетить моё скромное жилище! Давненько я не видывал в своих землях катарянцев. А ведь когда-то, когда я был ещё малым ребёнком наши народы, дружили и вели торговлю! А с вами в компании, как я вижу, гоблин и эльф. Очевидно, вы не чураетесь якшаться с представителями других видов. Это достойно уважения, ведь, насколько мне известно, катарянцы славятся своей чванливостью и презрением к другим народам. Что же, очевидно, я много болтаю, скажите же и вы теперь, кто вы такие и с чем пожаловали? Но прошу вас: не томите. Время короля дорого стоит.

Он не мог не знать, что мы пожаловали сюда напрямик после суда, не по своей воле, но я решил подыграть ему и не вдаваться в детали.

— Достопочтимый Гомбло Плублумс! — после этих слов я поклонился настолько низко, насколько позволяла мне катаринская гордость. — Я прибыл к вам в поисках помощи и поддержки. Меня зовут Каварл Бертолиус, а это мои верные спутники, — я указал рукой на товарищей и гоблина с эльфом. — Вы правы, ваше величество, когда-то наши народы вели торговлю. Это мои предки проложили торговый путь и объявили дружбу с вашим народом, но из-за взявшейся из ниоткуда язвы на землях, разделяющих наши народы, из-за Олода, торговлю пришлось прекратить.

— Так, так. Вот это уже интересно! Так вы — особа императорских кровей? А мне сообщили, что вы разбойник и грабили моих ни в чём неповинных крестьян. Так кому же мне верить, моим верноподданным или столь необычному незнакомцу?

— Что за глупый вопрос? Конечно же, мне! Я законный наследник великой Катаринской империи, незаконно лишённый власти предателем — Корто Грульдосом! Моё слово выше слова кого угодно!

— Хм. Думаю, мне стоило бы, учитывая обстоятельства вашего появления в столице, ваши сведённые рабские клейма и ваш потрёпанный внешний вид, поступить с вами как с разбойниками, но ваша манера держаться... Ваша речь, взгляд, амбиции... Они достойны настоящего императора! Так что, несмотря на ваше столь абсурдное здесь появление, я вам верю. К тому же казнить вас было бы слишком скучно!

— Что ж, отлично. Я очень на это надеялся. Позвольте задать вопрос, а что, посчитай вы нас разбойниками, вы действительно бы велели нас убить? Ведь ваш суд оправдал нас.

— Ох, Каварл, ну что вы как маленький? Неужели вы и вправду думаете, что наш суд хоть что-то решает? Так уж вышло, что моим гражданам зрелища даже важнее хлеба. Оттого наш суд — это всего-навсего цирк. Он оправдывает тех, кому симпатизирует толпа, и казнит тех, кого толпа презирает. Но толпе нужны зрелища, а государству — порядок. Поэтому, если судьи решат, что преступник виновен, но толпа будет на его стороне, то заключённому вынесут оправдательный приговор, но позже оправданным займётся тайная служба. И оправданный случайно упадёт со стены или захлебнётся пивом, а то и вовсе пропадёт без вести. Надеюсь, теперь вы понимаете, как работает наше правосудие?

— Весьма занимательно. К сожалению, у меня не было учителей в своё время, которые были бы родом из вашей страны, поэтому мне неизвестны подобные тонкости.

— Отлично, теперь, когда вы вернётесь домой, вам будет что вспомнить о моей стране! Ну а сейчас, чтобы не тратить попусту время короля и императора на болтовню, предлагаю перейти к обсуждению дел. За какой помощью вы пришли ко мне?

— Армия. Мне нужна армия. А значит, нужны и снабженцы, а также провиант.

— Ха! Смелое заявление! Обожаю смелых собеседников. И о каком войске идёт речь? Зачем оно вам?

— Так уж вышло, что по воле обстоятельств я лишился трона империи, но благодаря моим талантам я сумел стать правителем Эйлонии. Страна эта бедна и мала. Даже если я вооружу всех боеспособных мужчин этой страны, то не смогу вернуть себе трон. Но являясь её правителем, я имею некоторые обязательства перед моими подданными. И так вышло, что Эйлонии угрожает рой. Через несколько месяцев на неё нападут бесчисленные полчища этих тварей. Мне нужно войско, чтобы защитить страну, а затем с помощью этого же войска вернуть себе трон.

— Хотите пронзить двух зайцев одной стрелой? Как амбициозно! И вы думаете, что я смогу выделить вам столь великое войско, что вы сможете с его помощью достичь своих целей? Моя армия, несмотря на отличную подготовку, не сравнится в количестве и умении с армией Катарианской империи. Думаю, что вы должны это понимать.

— Мне прекрасно это известно, мой венценосный брат. Но я пришёл сюда не только за помощью вашей армии. Вашу страну не просто так называют центром мира. Её называют так, потому что она окружена другими достаточно сильными государствами, и со всеми ними у вас достаточно хорошие связи и отношения. Эльфийский Белмор, людские Валм и Мельдус, гномий Грон, кентаврийский Ясль, нажий Эльг и страна, в которой нет доминирующей расы — Гродир. Все эти государства связаны с вашим королевством узами торговли и дипломатии. Стоит вам дать клич, и они откликнутся на него. Кроме того, у вас в стране множество наёмников, которые сидят сейчас без дела. Да, и кстати, я готов забрать с собой всех заключённых не только из вашего государства, но и соседних, которые по какой-то причине ещё не используются в качестве рабов.

— Что ж, у вас поистине императорские замашки! Но позвольте поинтересоваться, и не сочтите за скупость, но если собрать столь великое войско, то его необходимо будет содержать, платить ему деньги, да и сам факт того, что я дам такой клич, стоит немало. А я что-то не вижу, что позади вас стоят телеги с золотом. Так как же нам решить это неувязку?

— Мы шли сюда отрядом, достойным короля, захватив с собой несколько обозов с прекрасным оружием и доспехами, в качестве скромного дара, но, к сожалению, дорога оказалась более трудна, чем я предполагал. Обвалы, лавины, встреча с завром... Много чего произошло, и у вас мы оказались, действительно, с пустыми руками. Но я Каварл Бертолиус, так что моё слово чего-то, но стоит. К тому же... Рой...

— Рой?

— Да, рой.

— А что с ним не так?

— Он угрожает всему живому. Я был в бою. Я противостоял им. И должен сказать, что это была не драка соседских королевств за клочок плодородной земли. Это была смертельная битва, в которой может быть лишь один победитель. И я очень надеюсь, что это будет не рой. А выйти победителем из такой бойни будет очень непросто. Они воюют. Воюют постоянно, сражаются много лет подряд. В боях они изучают противника, набираются опыта, придумывают новые тактики. Чтобы противостоять столь опытному и могучему войску, нужно обладать не менее могучим, обученным и многоопытным войском, которое не раз бывало в жерле войны, иначе нас ждёт поражение.

— И вы желаете стать вишенкой на торте, которым является войско, не так ли?

— Именно. Я стану той печью, в которой будет выпечен хлеб объединённого войска! Это станет моей платой за вашу помощь. А пока, в качестве весьма скромного дара я готов передать вам или вашим слугам секрет нескольких игр, которые в Тарлии неизвестны на сегодняшний день. Думаю, что такой подарок для правителя государства, жители которого ценят развлечения превыше пищи, будет нелишним.

— Игры? — глаза тимурлина удивлённо раскрылись. — Игры — это хороший дар. Если, конечно, нам они и вправду неизвестны. Показывайте, рассказывайте, что это за неведомые развлечения?

Должен признаться, но даже меня — представителя высшей расы, образованного наследника империи, немного смутила подобная просьба короля. Очевидно, и в самом деле

развлечения заменяют этим разумным обезьянам рассудок. Ну, что ж, в таком случае приступим. Саян поведал мне секреты некоторых развлечений, так что передам эти секреты королю обезьян.

В тронный зал слуги вынесли деревянный столик с чернильницей, наполненной чёрными, как сама пустота, выделениями морских гадов, самым обычным пером и дюжиной листов бумаги.

Король не соизволил сам подойти к столу, но вместо этого показал жестом, чтобы мы всё объяснили слугам. Было более достойным для меня, если бы и я остался в стороне, а за меня всё сделал бы Морт или Джанг, но я решил в этот раз всё сделать самостоятельно, чтобы не произошло никакой путаницы, а мой дар показался бы королю более значимым.

Я приступил к обучению первой игре. Я начертил на бумаге клетчатое поле размером восемь на восемь клеток, а затем подробно объяснил правила.

— Как называется эта игра?

— Шашки.

— Хм. Недурно. И правила весьма просты. Странно, что до этого раньше никто не догадался. Но на мой вкус правила слишком просты. Есть ещё что-то?

— Конечно.

После я показал и рассказал, как играть в шахматы. Слуги короля внимательно всё записывали и задавали уточняющие вопросы.

— Хм. А вот это мне уже более по нраву. Это игра для настоящих полководцев! Только я не понимаю, почему королева гораздо манёвреннее короля, а завр ходит только по диагонали. Но думаю, если немного подправить... Хотя нет, и так сойдёт. Ещё что-то?

— Да. Но для этого понадобится пятьдесят четыре небольших равных куска бумаги или деревянные таблички. А в идеале нужен художник, чтобы нанести рисунки на эти таблички, но объяснить я смогу и так.

Объяснять правила предыдущих игр было довольно просто. Король и слуги быстро улавливали суть. Но эта игра, хотя и показалась мне глупой, потребовала от меня максимум красноречия и терпения. Мои собеседники никак не могли понять, что же такое блеф и почему нельзя открывать все пять карт сразу. Хотя должен признать, что я, когда Саян объяснял правила мне, тоже не сразу всё понял, но в памяти они отложились достаточно чётко.

— Покер. Странное слово. И опасная игра. Я подумаю над тем, стоит ли распространить её на всю мою страну. Ведь благодаря ей богачи могут потерять всё в один день, а нищие обрести богатство, которого не заслуживают. На этом у тебя всё, Каварл?

— Да. Боюсь, что это все дары, которые я сумел довести до вашего величества. Но, когда я верну свой трон, обещаю, что плата не заставит себя ждать. Предлагаю подписать договор и оговорить сумму.

— погоди, погоди, мой венценосный брат. Мы уже довольно долго беседуем и боюсь, что ты и твои слуги уже устали стоять на ногах. Когда я только увидел тебя, уж прости, но я не ведал, что ты Каварл Бертолиус. Я полагал, что ты мошенник, жаждущий избежать казни на суде, и разбойник. Но когда ты предстал предо мной, когда мы поговорили... В общем, теперь у меня нет сомнений, что ты — это именно ты. И я хочу попросить прощения за столь грубый приём. Я предлагаю закончить дела на сегодня, а поговорить позже, в более подходящей обстановке. Мои слуги проводят тебя и твоих людей в апартаменты, достойные императора, где вы сможете отдохнуть после всех злоключений и набраться сил. А я пока

подумаю над твоим предложением и отправлю за тобой, как только приму решение. Я выделю несколько стражников, чтобы они обеспечили достойную охрану достойному разумному.

Король замолчал, давая понять, что разговор окончен.

— Прощайте, Гомбло Плублумс, я буду ждать приглашения на разговор.

— Прощай, Каварл. Я постараюсь принять решение как можно скорее.

Слуги вели нас через бесконечные коридоры дворца. Должен признать, дворец впечатлял. И, возможно, даже был сопоставим по красоте и убранству с дворцом в империи, хотя изначально он мне показался более скромным. Как только я стану править катарянами, велю построить новый дворец, с которым эта жалкая подделка тимурлинов не сравнится.

Нас разместили в соседних комнатах. У моей постоянно дежурили четверо стражников, двое из которых ходили вместе со мной, если я соизволял куда-либо отправиться, а двое продолжали сторожить комнату. Мои спутники подобной чести не удостоились, но я брал их с собой, когда прогуливался во внутреннем дворе дворца или по городу. Нам оказали честь, предоставив подобную свободу, а значит, можно надеяться на благополучный исход моей просьбы — просто так задабривать меня никто бы не стал.

Теперь нужно дождаться решения короля. Не хотелось бы ждать его слишком долго, ведь рой не дремлет, зима уже вступает в свои права, а ненавистный моему сердцу Корто Грульдос лишь укрепляет свою власть.

Тем не менее, прежде чем события сдвинулись с мёртвой точки и обезьяний король соизволил пригласить меня на беседу, прошло больше недели. За это время мы набирались сил, исследовали город, тренировались. Нам привезли отобранные у нас крестьянами вещи. Я снова был при оружии и чувствовал теперь себя гораздо более уверенно.

В этот раз наша встреча с монархом проходила в менее официальной обстановке. Король решил закатить пир и совместить приятное с полезным. Мы расположились за огромным обеденным столом, уставленным яствами. От тёмных бутылок исходил аромат крепкого вина, на украшенных блюдах лежали запечённые поросята, окорока эйхо, дивные спелые фрукты, копчёные морские гады и многое другое. Я хотя и не большой любитель сибаритских наслаждений, да к тому же сыт, но даже у меня потекли слюнки при виде столь богато заставленного стола.

На переговорах были не только мы. Этого следовало ожидать. На это я очень надеялся. За столом собрались послы всех соседних государств.

— Итак! — встав со своего места, воскликнул король. — Веселитесь, ешьте и пейте! Неважно, чем закончится сегодняшней вечер, главное — получите от него максимум удовольствия!

Это было очень похоже на тост, поэтому все присутствующие осушили свои кубки. Слуги тут же поспешили наполнить их.

Моих товарищей на вечер за столом не позвали. Но и нечего им здесь делать. Они — мои сторонники, разумные, которые прикроют мой тыл в случае опасности, а я — острие копья, которое сейчас должно пробить броню бюрократии и взаимной ненависти. Ведь лишь малые дети, едва вылупившиеся из яйца, могут полагать, что в центре мира всё ладно да гладко и все любят друг друга. Здесь нужно держать ухо в остро и выбрать правильную сторону. Не получится подружиться со всеми сразу. Чтобы склонить кого-то одного на свою сторону, кому-то другому придётся насолить. Поэтому я внимательно разглядывал

собранных и составлял план действий.

Король сидел во главе стола. Меня, как важного гостя, посадили ближе всех, по правую руку от хозяина мероприятия. По левую руку от него сидел эльф, что говорило о многом, если умеешь читать между строк. Он занимал почётное место среди собравшихся. С таким лучше не ссориться. Посол Беллмора, судя по всему.

Справа от меня место занимала шестирукая красавица нага со змеиным хвостом. Об этом чудном народе мне мало что известно. Не так много представителей этого вида разумных населяет Триал. Одно их государство находится в центре мира. Говорят, что где-то далеко за Великим поясом существуют и другие. Но, возможно, что это лишь слухи. Насколько мне известно, они не слишком любят чужаков, и потому лишь избранные удостоиваются чести посетить их земли, а ещё они прекрасные фехтовальщики. Не так просто победить в бою на мечях существо, у которого шесть рук, в каждой из которых находится меч. Больше о них мне неизвестно ничего.

Напротив наги стоит усмирённый кентавр, втиснув свою огромную тушу между эльфом и бородатым гномом, которые явно были не в ладах. С моей стороны стола за нагой сидят два посла от двух государств людей. Напротив них занимают свои места вышеупомянутый гном и рослый для своего народа гоблин, которому, по-хорошему, не место за столом, однако эти животные ухитрились каким-то образом создать своё достаточно сильное государство и вступить в дипломатические отношения с Тарлией.

С торца, на месте, противоположном королю, восседает тигролюд — посол от Гродира, государства, в котором живут все без исключения разумные виды, кроме наг, разумеется. Кому-то может показаться, что место напротив короля наиболее почётное за столом, но меня этим не обманешь. Это не первые переговоры за этим столом. Просто в этот раз на них присутствую я. Но как правило, за столом сидят лишь восемь дипломатов. И с противоположного от короля края обычно не сидит никто. Но сегодня из-за меня пришлось сдвинуть на незанятое ранее место одного из дипломатов. Поскольку я уверен, что рассаживаются они всегда в одном и том же порядке, то сдвинуть могли гоблина или тигролюда. Поскольку сдвинули последнего, а не мерзкого гоблина, то это явный признак того, что Гродир и его дипломата здесь не слишком уважают.

Это я тоже взял на заметку. Можно будет это использовать в своих целях. Можно будет пообещать дипломату помощь в случае моего успеха, можно его припугнуть, а можно унижить, чтобы улучшить отношение с кем-то другим. Думаю, переговоры пройдут успешно. Я вырос в Бертоле, во дворце. Я убил своего брата ради власти. Так что подковёрные игры для меня не являются чем-то сложным или новым.

— Ваше величество, позвольте полюбопытствовать! — прервав трапезу вопросом, начал человеческий посол из Валма и, не дождавсь одобрения, продолжил. — С чем связана сегодняшняя перестановка? И почему сей разумный занимает место за столом?

— Думаю, что это очевидно, Григуа, — ответил король. — А если бы вы внимательно читали мои послания, то не задавали бы сейчас столь глупых вопросов.

Человек смутился и даже, как мне показалось, слегка покраснел. Что за письма получили дипломаты, я, к сожалению, не знал. В разговор включился тигролюд:

— Григуа, очевидно, был слишком занят употреблением вина всю неделю, отчего не удосужился прочесть ваше послание, многоуважаемый Гомбло Плублумс.

Присутствующие тихо захихикали, а посол Валма побагровел от гнева и прошипел сквозь зубы:

— Заткнись, маленькое лохматое чудище, иначе я оторву твою вонючую голову и скормлю её стае мерзких кворков!

— Прекратите, оба! — заговорила нага. — Мы не ругаться здесь собрались, а развлекаться и решать вопросы.

Она начинала мне нравиться.

На какое-то время за столом повисла тишина. Если, конечно, не считать звуков употребления пищи. Всё было действительно очень вкусным, и собравшиеся с радостью уплетали яства. Разговор продолжился лишь когда все немного уголили свои низменные инстинкты. Глубоким, бархатистым голосом заговорил усмирённый кентавр:

— Что, ж, если их величество не возражает, думаю, нам стоит обсудить дела. Думаю, все, кроме многоуважаемого представителя Валма, в курсе, зачем мы здесь собрались.

— Я тоже в курсе, зачем мы здесь и кто эта ящерица, просто я в толк не возьму, почему нас из-за неё потеснили, — прошептал сам себе Григуа, но я его услышал.

Кентавр тем временем продолжал:

— Перед нами две проблемы: всеобщая и личная. Всеобщей проблемой является рой, и если бы не стада моих диких и не усмирённых собратьев с побережья, то чудовища уже достигли бы цивилизованных земель, и мы столкнулись бы с ними лицом к лицу.

— А что, твои похотливые, неусмирённые братья с побережья способны сражаться? Или они побеждают тварей иным способом?

Признаюсь, пошутил гоблин смешно. Посол гномов даже хохотнул, но остальные смех сдержали. Вопрос серьёзный, кентавр прав, а гоблинов многие присутствующие недолюбливают.

— К сведению многоуважаемого посла маленького зеленокожего народа, они способны воевать, добывать себе пищу и организовываться в небольшие государства. Просто... Они зачастую не в силах совладать с зовом плоти. К тому же им в обороне помогает многоуважаемое государство Гродир.

Тигролюд кивнул.

— Но натиск этих существ на побережье постоянно усиливается, а кроме того, они нашли тропу через горы Кергу и их разведчики уже показали в Тарлии...

Эти слова удивили меня, но судя по лицам собравшихся, не только меня. Похоже, никто, кроме короля Тарлии, не был в курсе того, что чудовища уже столь близко. Это дурные вести не только для меня, но и для всех собравшихся. В таких условиях будет сложнее получить желаемое. Войска вскоре понадобятся обитателям центра мира. После этих слов кентавр обратился ко мне.

— Уважаемый Каварл Бертолиус, вы не против такого обращения к вам или мне обращаться к вам как к императору...

— Я не возражаю. Я пока не император.

— Отлично. Тогда я хочу задать вам вопрос. Вы недавно переправились через горы Кергу. Вам встречались на пути представители роя?

— В пути много чего произошло, мы даже встретили завра, хотя они считались вымершими долгое время. Однако чудовищ не заметили. Мы шли старой северной торговой тропой, а они, очевидно, переправляются где-то на юге.

— Всё верно. Просто мне было необходимо знать, не нашли ли они пути на север. Раз нет, то это, пожалуй, благие вести. В таком случае, моё предложение следующее: Тарлия концентрирует войска вдоль гор Кергу, не давая врагу приблизиться; Валм отправляет

войска и ресурсы на юг, дабы помочь Гродиру и моим разрозненным собратьям оборонять побережье, так как атаки становятся всё свирепее и вскоре своими силами они не смогут обороняться. У кого-то есть вопросы?

Вопрос был у посла Валма:

— Отправить войска на помощь Гродиру? А почему именно мы? Чем займется остальные участники содружества?

— Не переживайте, Григуа. До остальных мы тоже дойдём. Обещаю, без дела никто сидеть не будет. Что ж. Если вопросов нет, то предлагаю проголосовать. Кто за?

Все присутствующие, кроме меня, подняли руки.

— Девять за, один воздержался.

— А я тоже могу голосовать?

— Конечно, коль уж оказались за этим столом.

— Тогда я тоже за.

— Отлично. Принимается. Единогласно. Теперь вопрос по поводу нашего многоуважаемого гостя. Как известно присутствующим, господин Каварл Бертолиус просит у нас войско, чтобы остановить продвижение роя по то сторону гор. Господин Бертолиус, известна ли вам тактика этих существ?

— Если вы имеете ввиду частоту, с которой они нападают, то да. После первой атаки они появляются в следующий раз через два месяца, после которой придут через четыре, а затем через восемь. С каждым разом атаки становятся в несколько раз сильнее. Следующую их атаку мы ждём весной. Будет ли после неё затишье на шестнадцать месяцев или что-то иное, мне неизвестно. Ещё мне удалось повидать и множество разновидностей этих существ. В наших краях мы договорились называть рабочих особей отродьями, военных — исчадиями, разведчиков и копателей — скитальцами. А однажды во время последней обороны мы столкнулись с исполинским чудовищем, высотой в пять ростов с огромными рогами на бронированной голове. Оно разнесло половину города, прежде чем мы сумели с ним справиться. Его один наш человек назвал трицератопсом. Слово странное, но у нас прижилось.

— Мать драглов? — спросил посол Мельдуса. Присутствующие косо на него посмотрели, после чего он поспешил объясниться. — Были такие разговоры после битвы или во время неё среди простых людей?

— Во время битвы не знаю, так как был занят уничтожением этой твари, а после были. Терпеть не могу эти поверья во всякую ерунду.

— А сам наверняка верит в Первойяцо, — вновь едва слышно прошептал себе под нос Григуа.

Я предпочёл не обращать внимания на его болтовню и не преподавать ему урок хороших манер. Это могло показаться мелочностью и даже слабостью и выставить меня в плохом свете. Похоже, его и так за этим столом недолюбливают даже сильнее, чем гоблина, так что нет смысла третировать его.

— Как боролись с этим? Не вызвало ли это паники?

— Особых волнений не было. Глава стражи провёл воспитательную работу с парой наиболее опасных крикунов. После этого остальные успокоились.

— Замечательно. Какое количество солдат нужно вам для обороны и сколько у вас есть?

— Во время моего ухода мы вряд ли могли бы собрать отряд численностью в триста человек. Но у меня хороший глава стражи, и я велел ему набирать добровольцев, а если

понадобится, то и принудительно отправлять мужчин в армию. Так что, думаю, к моменту нападения у нас будет отряд из тысячи хорошо вооружённых, но плохо подготовленных солдат. А также будут готовы новые укрепления, для обороны которых не требуется большая армия. Если враг не нападёт со стороны моря, то думаю, ещё четырёх тысяч воинов будет достаточно. Будет большой резерв, которому не хватит места на стенах в ущельях. Они будут менять уставших и раненых бойцов, так как битва продлится несколько дней, а то и недель. В этом я уверен.

— Кто какое количество войск сможет выделить? Гродир, Валм и Тарлия выделять войско нашему союзнику не должны, ведь их армии будут задействованы на других направлениях.

— А почему должны остальные? И давно ли он стал нашим союзником? — вновь встрял в разговор уже ненавистный мне Григуа.

Но посол кентавров был грамотным дипломатом и умел вести подобные диспуты:

— А потому, многоуважаемый господин Григуа, что если вдруг чудовища захватят Эйлонию, то смогут воспользоваться старой горной торговой тропой, а вскоре даже смогут на кораблях переправлять войска по глади до Беллмора, к примеру. Мы рассматривали такой вариант до прибытия нашего гостя, и он нам не слишком понравился. Это повлечёт за собой необходимость растянуть огромное войско вдоль реки и вдоль северной части гор. Нам придётся стягивать силы в Беллмор, в то время когда твари будут нападать на содружество на юге и юго-западе с гор и побережья. В такой ситуации нас мог бы здорово выручить Олод с его могучим флотом, подобного которому нет ни у кого. Перекрыв место слияния Глади и Изумрудной, мы могли бы здорово упростить себе задачу, но, к сожалению, Олода скоро не станет.

У меня хвост мурашками покрылся от речи кентавра. Столько информации, что сразу же захотелось уточнить, но тогда бы я выказал свою неосведомлённость. К счастью, моё положение спас король Тарлии:

— Я перебую тебя, мой друг. Я бы хотел внести кое-какую ясность в твою речь. Ведь в силу уважительных причин наш дорогой гость не осведомлён на данный момент о флоте тварей и войне в Олоде. Да и Григуа будет полезно услышать важные новости, — король Гомбло Плублумс многозначительно посмотрел на посла Валма. — На данный момент Олод воюет с великой Катаринской империей, северными соседями, орками и Королом.

Посол гоблинов кивнул после этих слов. Вот это новости. Это очень неожиданно и многое меняет. Возможно, нужно изменить свою стратегию... И совершенно нет времени на это. Почему король не поведал мне об этом раньше?

— И Олод, несмотря на все свои достижения, проигрывает. Слишком много противников одновременно объявили ему войну. Что же касается роя... Да, они плавают. У них есть корабли. Да, они гораздо хуже, чем творения олодских корабелов, но ведь главное то, что они плавают, не так ли? Так что наш враг способен перевозить полчища своих воинов с Мариона и высаживать там, где ему вздумается. Как они управляют своими судами, нам, к сожалению, пока неизвестно. Возможно, это делают рабочие особи... Эм... Отродья! А возможно, какая-то специальная разновидность тварей. Близко подобраться к кораблю нам пока не удалось.

В общем, учитывая то, что я сейчас сказал... Мы выделим войска. И не четыре тысячи воинов. Больше. Ещё мы поделимся провизией и золотом. Дадим всё, что нужно. Но у нас есть условия. К завтра Эйлонию! Так считаю я, так думаем все мы, но есть два государства,

точнее, было: Великая Катарианская Империя и Олод — вот два достойных союзника, которые способны спасти нас и весь Триал от роя. К сожалению, Олода скоро не станет. Это лишь вопрос времени. Что на счёт империи, то Корто Грульдос — нынешний её правитель, на мой призыв о помощи ответил, отправив мне в мешке голову посла. Не думаю, что так он выражает своё согласие и готовность помочь.

Поэтому, уважаемый Каварл Бертолиус, мы просим вас об одной услуге: пока идёт война, выступите против империи. Эйлония подождёт. Если действовать быстро, то вы успеете вернуться туда с войском и защитить её. Если нет... Эта страна — лишь пешка на глобальной карте приближающегося геноцида. Возможно, её стоит отдать на время, чтобы получить в своё распоряжение ферзя и захватить империю. Победив, вы получите контроль над землями не только империи, но и того, что осталось от Олода. А затем поможете нам бороться с роем, используя многоопытное и закалённое в боях войско, построите флот, используя знания и опыт олодцев, и перекроете не только реки, но и море, убивая врага ещё на подступах к нашему континенту. Тогда мы окажемся в безопасности. Что скажете? Времени на раздумья нет. Враг не дремлет, и нам нужно действовать как можно быстрее. Если вы согласитесь, то я сейчас же велю собирать войска, а если нет... Тогда... Мы будем веселиться, пировать, затем разойдёмся и всё пойдёт своим чередом. Мои граждане будут радоваться жизни, изучать новые игры, пользоваться старыми, ходить на суды и концерты. А потом придёт рой и всех нас сотрёт с лица Триала. Что скажете?

Что я скажу? Я был немного шокирован. Как тем, что весёлый и расслабленный король превратился в расчётливого и думающего на несколько шагов вперёд правителя, так и тем, что он избрал меня на роль командующего объединёнными войсками. Суждения его были правильными. Да и разве не для драки с Корто я сюда отправился? Решено! Соглашаюсь!

— Я согласен на ваши условия, и если честно, то я даже надеялся на подобный результат, но... Сколько войск вы можете мне выделить?

— Тарлия, несмотря на угрозу у своих границ, выделит на общее дело тысячу гвардейцев и две тысячи обычных воинов.

— Гномы могут выделить две тысячи.

— Эльфы в таком случае дадут три. Кроме того, все наши корабли, лодки и плоты в вашем распоряжении. Мы поможем доставить войско по реке до центральной провинции Олода. Это будет самый быстрый и безопасный способ. Там вы сможете взять под контроль остатки Олода, а затем двинуться в Катарианскую империю.

Гном злобно посмотрел на эльфа.

— Кентавры выделяют пять тысяч воинов.

— Мельдус даёт тысячу. Больше, к сожалению, мы пока не сможем дать.

— Эльг выделит четыре тысячи лучших мечников!

— Гоблины сейчас воюют. Поэтому мы не даём много. Но тысячу даём!

— Вы могли бы и не лезть в войну с Олодом! Вы не согласовали своих действий с нами!

— Ящерицы платить. Мы воевать. Золота много не бывает. Можно много теперь на золото пить да гулять. Земли тоже больше будет.

— Если придёт рой, а вы не будете к этому готовы, то земли у вас будет много. Целая могила. В общем, дело ваше.

— А длинноухие могли выращивать больше себе подобных и запасаться кровью! Она нам пригодится!

— Мы не скот, бородатый коротышка, чтобы нас можно было выращивать! А запасы

крови мы и так пополняем. Можешь не переживать на этот счёт.

— Довольно! Успокойтесь все. Итак, кроме того, все мы обязуемся снабжать наших бойцов. И если провести подсчёты, то выходит, что у вас будет девятнадцать тысяч солдат. Если забрать ваших воинов из Эйлонии, то получится двадцатитысячное войско. Вполне солидная армия, хотя и значительно уступает войску, что сейчас сражается под знамёнами Корто Грульдоса. По нашим оценкам, ему удалось поставить в строй восемьдесят тысяч бойцов. Но, насколько мне известно, Бертолиусы — потомственные военачальники. Думаю, что вам удастся с минимальными потерями его одолеть, используя свои таланты полководца и дипломата. К тому же на вашей стороне будут остатки Олода, а возможно, ещё кто-то к вам примкнёт. И... У нас есть ещё одна просьба...

— Да?

— Мои люди изучили оружие, что крестьяне отобрали у вас. Оно... Весьма необычно. Нет, его форма вполне понятна и проста, но вот металл... Это не бронза. Однажды в наших землях упал камень с неба. Поковырявшись в том, что от камня осталось, один из моих земляков додумался изготовить из него оружие. Получилось не хуже, чем из бронзы. Но, к сожалению, камни не падают с неба каждый день. Откуда у вас оружие из такого металла, Каварл? Мы бы хотели знать этот секрет. Если он будет нам известен, то мы сможем вооружить больше воинов. Гораздо больше, чем сейчас. Ведь рудники...

— Иссякают. Скоро вообще ничего не останется, — вмешался в разговор гном.

— Именно.

— Да, вы правы. Моим людям известен секрет выплавки этого необычного металла. Он называется сталь. Но, к сожалению, он неизвестен мне. Я был слишком занят, чтобы узнать все тонкости. Но при первой возможности я обещаю, что отправлю к вам своего человека и он поделится знанием с вами.

— Это печально, что вы не можете передать нам секрет прямо сейчас, но мы будем ждать. Ещё что-то?

— Да. Боюсь, что у вас не самые достоверные сведения относительно войск Корто. И я искренне и безмерно благодарен вам за помощь, которую вы хотите мне оказать, но я надеялся на большее. Поэтому я прошу отдать мне всех заключённых преступников, которые есть у вас, что по каким-то причинам не стали рабами или не погибли на эшафоте. Пусть они не воины, но я сделаю из них воинов. Это будет небольшим усилением для моего войска.

— Хорошо. Пусть будет так. В таком случае вот договор. Подписываем его, и за дело!

— Согласен, но прежде у меня есть один вопрос. Здесь в основном лишь дипломаты. Уполномочены ли они принимать подобные решения и как они известят о них передадут информацию на родину?

— О, на этот счёт не переживайте! Во-первых, многие годы назад наши археологи раскопали несколько особых устройств древних, которыми мы в последствии научились пользоваться. Устройства эти работают по сей день. Они позволяют нам без проблем мгновенно связываться друг с другом на любом расстоянии. К тому же, что касается дипломатов, то здесь вы не правы. За столом собрались исключительно короли...

Глава 14 Елена. Своя среди чужих, чужая среди СВОИХ.

Причина подобного видового разнообразия среди местного населения нам до конца не известна. Мы лишь предполагаем, что виной тому Древние, что населяли этот мир раньше. Возможно, они проводили опыты по созданию новых разумных видов, и обитающие ныне на Триале существа являются потомками искусственно выведенных существ. Однако ни одно из существующих верований на Триале не несёт в себе следов такой информации, а значит, либо Древние исчезли настолько давно, что обитатели Триала позабыли о своём сотворении, либо наша теория ошибочна. (отрывок из трактата, подаренного Саяну магистром Айном).

Андрей уплыл без скандалов. Я переживала, что он решит устроить на прощанье что-то нехорошее, к примеру, украсть припасы, или что-то в этом роде, но обошлось. Он всего лишь уплыл недовольным. На этом его недовольство закончилось. Мы даже остались с прибылью. У нас остались пара ноутбуков с загруженными на них энциклопедиями, зарядные устройства к ним на солнечных батареях, бумага, что была достаточно ценной в этом мире, но недостаточно ценной, чтобы при её продаже земли, в которых мы живём, стали богатым краем. Так, на пару месяцев безбедной жизни хватит, если что.

Надеюсь, хотя и не верю, что у него всё же всё получится, и все мои земляки благополучно вернутся домой и передадут родителям, что я жива. Но стоило уплыть одной головной боли, как прискакала другая. Кто бы мог подумать, что он ещё жив? Александр, или как его теперь зовут все — Саян. Сперва он щеголял голым задом верхом на медведе, затем чуть не умер и спасся лишь благодаря своевременному вмешательству земных врачей и местного знахаря, а затем затребовал у меня войско. Будто без этого мне головных болей не достаёт! Рикс и Мелисанда ещё не вернулись, так что пока вся ответственность за город и страну лежит на мне. Страну! Стоит мне только подумать об этом, как у меня ноги подкашиваются. Пусть страна эта достаточно маленькая и бедная, но это же целое государство! В основном здесь живут люди, хотя есть и тигролюди, и эльфы с гномами, и даже есть гоблины. И у каждого жителя страны свои проблемы и заботы. А разгрести всё должна я?

Как мне удалось выяснить, местные в большинстве своём исповедуют нечто среднее между религией и философией — драглицизм. Так вот, наиболее ярые его приверженцы доставляют немало хлопот. Они то и дело вопят на площади о том, что грядут драглы, а их мать скоро соберёт жатву, уничтожив всех ныне живущих. Такое ощущение, что в местном дурдоме был день открытых дверей! А он, вероятнее всего, и был, ведь дурдомов в стране нет. У капитана Рикса неплохо получалось успокаивать наиболее буйных. Дело это полезное — если их вовремя не затыкать, то они подначивают толпу ничего не делать и довериться фатуму. А поскольку бездельники мне не нужны — у нас тут как никак стройка века, мне тоже приходится находить на них управу. С помощью стражи, разумеется. Выписываю, так сказать, целебные звездюля.

Кстати, стражники, да и вообще жители Чивуака потихоньку начинают надо мной посмеиваться. Слишком странно я говорю, слишком странно одета, странно выгляжу, делаю странные вещи, владею странными предметами. Не такая я, как они, а значит, нужно надо мной смеяться. Люди всегда смеются над теми, кто не такой, как они. Не будь меня, наши

бы ещё кого-нибудь необычного и смеялись над ним. Но я не расстраиваюсь. Мне некогда. С утра и до самой ночи я вся в делах.

Вернёмся к нашим баранам. Точнее, барану. Этот недотёпа, оказывается, ко всему прочему ещё и маг. Размахивал посохом у меня перед носом, выёживался как мог, творил какие-то заклинания. У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло от таких дел. Потом он надоедал мне с армией. Я не хотела давать ему бойцов, так как не знала, как на такое отреагирует Мелисанда или Рикс, когда вернутся, к тому же я переживаю за воинов. Вдруг кто-то из них погибнет? Да и боюсь я немного этого Саяна. Он так ужасно выглядит! Сомневаюсь, что в этот мир он попал уже таким. Я лишь вскользь слышала историю его попадания сюда, но насколько мне известно, раньше он был здоровым. А теперь превратился в уродливого калеку. А если его отпустить? Может быть, и вовсе сгинет. Бедный. Если честно, то даже жалко его немного. Нелогично? Возможно. Но я же девушка — я должна быть нелогичной. Боюсь его и боюсь за него.

В конце концов решила поговорить с ним ещё раз и пошла к нему домой, не захватив с собой охрану — не такая я важная персона, чтобы на меня нападали.

— Я не могу дать тебе войско! Ты что, сумасшедший? Ради пары друзей ты хочешь, чтобы я отправила на почти верную гибель сотню солдат?

— Во-первых, почти верную, а не верную. Во-вторых, мне худо-бедно удавалось всё время как-то выживать, так что, думаю, и в этот раз не подведу. А поход этот я затеял не только ради пары друзей, как ты выразилась. Это ещё и разведка территории врага, проверка их обороноспособности. Да и кто сказал, что мои друзья единственные пленные? Возможно, у них ещё кто-то есть пленённый. А своих бросать не хорошо, даже если это чревато потерями. Да если что, я и сам готов за них погибнуть, если придётся.

— Ты-то ладно, от тебя остались одни рожки да ножки, в калеку превратился, а вот людей давать тебе жалко. Ты же колдун? Вот и садись на своего медведя и езжай восвояси. С медведем на пару порешаете свои дела.

— Могли бы вдвоём — уже сделали бы. Боюсь, не получится. Потому и прошу отряд воинов. Желательно верховых, чтобы быстро смотаться туда и обратно. Сотни должно хватить.

— Аарргх! Где я возьму тебе сотню верховых бойцов? У нас не только каждый разумный на счету, но и каждый эйхо! Стену нужно полностью переделать до грядущего нашествия. Тут тягловая сила нужна. А вот даже захудалый паровой двигатель тут ещё не изобрели!

— Ну так изобрети сама. У тебя наверняка в ноутбуке есть полезные чертежи и информация.

— Ага, вагон! Да даже если есть, что толку то? Чтобы паровой двигатель изготовить, нужно все предыдущие научные открытия сделать, стандартизировать все размеры, качество выплавки стали повысить, логистику улучшить... По таким дорогам много угля не натаскать! Кстати, ты ведь металлург? Вот бы и занимался выплавкой стали с тем гномом, у которого имя на «Г» начинается, всё время забываю, как его. Всё больше проку было бы, чем от твоих вылазок.

— Сталью займусь сразу по возвращении. Да и ещё пара мыслей есть по части изобретательства. Так что в твоих интересах отправить со мной отряд посильнее, чтобы моя металлургическая голова вернулась в целости и сохранности, поэтому отряд давай хороший.

— Я ещё ничего не обещала тебе дать!

— А я и не просил мне давать. Отряд мне выдели!

— Нахал! Посмотрим, что можно сделать. Но насчёт кавалерии даже не мечтай. Пеших вот постараюсь...

— И на том спасибо.

На этом наша увлекательная беседа с единственным оставшимся рядом земляком была окончена. Почему-то ладить с местными, несмотря на языковой барьер, у меня получается гораздо лучше, чем с соотечественниками. Может быть, это судьбой было предопределено, чтобы я попала сюда и осталась? Или просто я нашла своё место? В судьбу я никогда не верила, так что второй вариант более вероятен.

После разговора с Саяном я отправилась делать другие дела, которых было настолько много, что можно век делать и не сделать половины.

Спустя какое-то время мне всё же удалось собрать требуемое число бойцов и отдать их под руководство этого мужлана. Хотя бы сотня жилых мест освободится после их ухода. Хоть какой-то плюс. Что не радовало, так это то, что уходить они вовсе не спешили. Тренировались, ходили строем ещё неделю, прежде чем отправились в путь.

На следующий день после их отбытия в город вернулись Мелисанда и Рикс с войском. Вернулись не на щите, но со щитом. И с победой. Как и обещали, привели с собой ещё работников, воинов, привезли припасы. Удачным оказался поход.

Мелисанда, узнав, что в её отсутствие в городе появлялся её благоверный, сперва обрадовалась, а потом расстроилась из-за того, что не успела застать его. Я, несмотря на мои опасения, втык от неё не получила. Она сказала, что я сделала всё правильно, выделив ему воинов. Сперва она хотела собрать ещё отряд и отправиться за ним, но, посоветовавшись с Риксом, передумала, решив, что она сейчас как никогда нужна в городе. С этим было трудно не согласиться. Одна я с управлением не справлялась. Теперь же груз с моих плеч по большей части перешёл на плечи Рикса и Мелисанды, и я смогла больше времени уделять зодчеству.

Кстати, в этот день мы закончили второй общинный дом. В него удалось поселить ещё сотню жильцов, но это не спасло положения. Прибывал народ в город значительно быстрее, чем удавалось возводить жильё. Но теперь в моё распоряжение поступили ещё три бригады строителей, две из которых я задействовала в строительстве жилья, а одна занялась строительством ловушек для противника.

Теперь людей у меня, в принципе, хватало. Но возник дефицит материалов. Не хватало камней, несмотря на то что рядом были горы, не хватало досок, несмотря на то, что рядом рос лес. Мельницы работали в две смены, но не успевали выдать нужное количество материалов, а строить другие мельницы было особо негде. К тому же сейчас была хоть и мягкая, но всё же зима, и небольшая горная речушка, на которой и находились мельницы, еле бежала, а ветра в этих краях практически нет, так что ветровой двигатель нам не грозит, равно как и паровой.

Как выход из положения, мы впрягали эйхо в специальную установку, которая передавала вращение на мельницы. Частично это спасало нас, но всё же сил у животных было меньше, чем у норовистой горной речушки. Но ничего, зима здесь не слишком продолжительная — а с наступлением весны река потечёт с удвоенной силой.

Надо отметить и положительные моменты. Удалось наладить массовое производство кирпича, благо ничему новому учить местных не пришлось — кирпичи они делать умели. Просто пришлось набрать побольше работников для увеличения производства.

Теперь стену в северном ущелье я решила делать полностью из кирпича, а в южном из камня, чтобы недостаток материалов не был столь критичен.

Эх. Вот бы сейчас сюда земную технику и земное оружие! Никаких проблем у нас не было бы. На земле кризис перепроизводства как начался в девятнадцатом веке, так и не закончился по сей день. Потому проблем ни с камнем, ни с досками у нас не было бы. А оружия на земле столько, что хватит уничтожить целиком не только мой родной мир, но и этот, причём не один раз. Или даже не один десяток раз.

Эх, мечты-мечты. Помечтала я пару минут и пошла дальше работать. Слабым местом нашей обороны я считала побережье. Местные твердят, что твари не атакуют с моря, якобы боятся воды. А ярые приверженцы драглицизма им поддакивают, говоря, что Мать драглов жатву проводит только на суше и по морю передвигаться не должна, да и благословенные земли, которых не коснётся жатва, должны находиться за морем. Но вот у меня есть серьёзные сомнения на этот счёт, поэтому я хочу как-то укрепить побережье, так как понимаю, что к моменту атаки тварей мы успеем построить лишь линейные укрепления в ущельях. Но вот окружить новыми стенами весь город, который разбухает каждый день, будто собирается родить царю Салтану сыночка-богатыря, мы не успеем. Старую стену мы восстановим, но она защитит лишь старый город.

Поэтому я отправилась на побережье, чтобы немного отдохнуть от суеты и поразмышлять о том, что можно сделать на каменистом побережье для его защиты.

Хлопьями валил снег, напомнив мне о родном городе и доме. Хотелось бы сейчас предаться воспоминаниям, помечтать о возвращении домой, но инженер-фортификатор, что сидел во мне, требовал изучить местность. Этим я и занялась.

Выглядит как море. Пахнет морем. Звучит как море. Значит, это море. Значит, по нему может приплыть противник и напасть.

Побережье. Засыпано снегом, но если подойти поближе, туда, куда дотягиваются ленивые волны, то станет видна крупная галька. Скалы начинаются лишь ближе к ущелью, а перед ним на много километров тянется пологий склон, скорее даже пляж, на который очень удобно высаживать войска. Нет. Такую территорию с нашими силами не укрепить.

Если бы знать, какими плавсредствами обладает враг, то можно было бы придумать, как не подпустить их к берегу, затруднив высадку, но такой информации у меня нет. Возможно, они самым тупым образом просто переплывают через воду. Кто знает, какие особи у них есть? Может быть, встречаются земноводные арахниды? Или они умеют строить корабли? А может, забить на дурные мысли и надеяться, что с моря атаки не будет? Нет. Этот вариант не для меня. Я пока не знала, что делать, но решила немного погулять вдоль берега, надеясь, что придёт дельная мысль.

Обувь у меня была не слишком удобна для подобных прогулок — я купила простые местные кожаные сапоги, в которых ходили другие работяги и рыбаки, так как мои изнасились, и чувствовала ступнями каждый камешек, поэтому старалась идти по снегу. Просто он был мягче. Местами на снегу я стала замечать проплешины, размером с крупную тарелку, где не было снега.

Интересно, от чего они? Будто бы лежал какой-то валун, а потом взял и исчез. Я шла дальше, и таких проплешин становилось всё больше. Я заинтересовалась, что могло их оставить и в один прекрасный момент увидела возвышающийся над рельефом камень в форме полусферы, покрытый слоем снега. Если убрать такой, то как раз получится проплешина глубиной в половину метра и диаметром сантиметров тридцать.

Интересно, и кто же это такие камни с побережья утащил и зачем? На строительство окатанные камни не слишком годятся. Угловатые подходят значительно лучше.

Я подошла к камню поближе, чтобы рассмотреть его, а камень встал и пошёл. На какое-то время я потеряла дар речи. То, что изначально показалось мне камнем, оказалось сильно приплюснутой головой существа, под которой скрывалось худощавое серое тельце, с набедренной повязкой из водорослей на поясе и небольшой острогой в руке. У него на шее были жабры, а между тонкими пальцами — перепонки.

Существо, не обращая на меня внимания, отправилось в сторону моря и спустя какое-то время скрылось в воде. Я до сих пор была в состоянии шока. Интересно, что это за существа? Не опасны ли они? Я была без сопровождения стражников и на всякий случай поспешила убраться с побережья, чтобы не возникло проблем.

Но я человек любопытный и решила выяснить, кто же такой мне повстречался. Больше всего он походил на гоблина, коих мне пришлось встретить в городе, однако голова у тех была не похожа на две сведённые глубокие тарелки, а на конечностях не было перепонок, да и спокойно погружаться в ледяную воду гоблины не могли. По-моему, они вообще держались подальше от воды, так как не любили мыться.

За ответом я решила пойти к рыбакам, ведь кто, если не они, должны разбираться в морских гадах? Причал был неподалёку, и я быстро добралась. Здесь мне повезло увидеть пожилого рыбака, что латал на берегу сеть. Опытный дядя. Должен знать.

— Здравствуй! — окликнула я его, так как он, увлечшись сетью, не замечал меня.

Он обернулся. Лицо его было изрезано морщинами, а сам он оказался очень худым и со скудной седой бородой.

— Здравствуй, коль не шутишь!

— А чего шутить-то, старче? Вопрос тебе задать хочу. Сильно занят?

— Сильно! Работа у меня такая! Но ты спрашивай, красавица, чай не ртом работаю!

Я помолчала несколько мгновений, подбирая подходящие слова на местном языке, чтобы задать вопрос.

— Эм... Я тут видела существо на берегу. У него голова была такая плоская, перепонки на лапах, а потом он встал и ушёл в воду. Пока он не встал, я думала, что это камень. Не знаете, кто это был?

— Как не знать? Знаю! Паразиты это заявили опять! Я в Чивуаке уже старожил, последний, наверное! Остальные или перемёрли все, или сбежали. Помню, лет пять назад травили мы захребетников этих. Отраву купили в городе у знахаря да берег ею посыпали, чтоб избавиться от них. А нынче они вот опять, видишь, заявили, проказники! Опять отраву, значит, сыпать надо.

— А зачем отраву, дядя? Они что, опасны, что ли?

— Кто? Побережники? Та не! Ты не бойсь, девка! Не тронут тебя, хоть и симпатишная ты! Они ж как крысы, тока морские! Кочуют они с берега на берег. То там живут, то здесь. Где им лучше, туда и лезут.

— А зачем тогда ты их травить собрался, дедушка?

— Так знамо зачем! Они же рыбу бьют! Распугают всю, а у нас улова потом не будет! А в городе сейчас орава такая, что без рыбы никак. Попередохнем все, если этих нахлебников не вытравить! А они ведь, если их не трогать, то ещё приводят с собой таких же. Так глядишь, всё побережье ими через несколько месяцев будет усыпано!

— Понятно. А я видела у этих побережников одежду и острогу. Они что, разумны?

Может быть, с ними договориться можно?

— Кто? Побережники? Та не! Ты на одёжку не смотри. Они ж как гоблины — тоже ума нет совсем! Да даже хуже гоблинов, те пусть плохо, но говорить могут, а те только булькают что-то! Так что травить их надо без вариантов!

— Понятно. В общем, меня они не тронут?

— Не-а! Ты тока сама не лезь к ним! Это нападать они не нападут, а вот защищаться горазды!

— Поняла. Спасибо. Удачи вам в вашем нелёгком ремесле! Только вот травить их не спешите. Я сама с этим разберусь.

— Хорошо, девка! И тебе удачи! А травить я и не буду нынче — денег на отраву нет...

После того, как в Чивуак вернулась Мелисанда с Риксом, большая часть моих обязанностей вернулась к ним, так что у меня стало чуть больше свободного времени. Вернее, оно у меня теперь появилось. Поэтому, распределив с утра задания между помощницами, я какое-то время была свободна. И решила посвятить это время изучению необычных существ, которые по какой-то причине очень меня заинтересовали.

Побережники, как их назвал старый рыбак, нашлись быстро. Сперва я дошла до места с проплешинами на снегу, а затем увидела, как из воды вышла целая группа этих существ. Они всё также не обращали на меня внимания и спешили вернуться к вытаянным в снегу лункам, в которых они просто приседали и становились вновь похожими на приплюснутые камни. Если пройдёт небольшой снегопад, то понять, где они находятся, станет невозможно. Я решила окрикнуть одного из них, который ещё не успел занять свою лунку в сугробе.

— Эй, малыш! Ты и вправду не умеешь разговаривать? — спросила я как можно более приветливо.

Существо повернулось ко мне, посмотрело мне в лицо чёрными глазами-бусинами, а затем издало звуки, больше всего похожие на звук кипения воды. Но эти звуки были прерывистыми и членораздельными. Пусть я не могла их воспроизвести с помощью голоса, но это явно были не просто бездумные звуки. Это была речь! А значит, твари действительно разумны, как я и предположила изначально. А местные просто не понимают их, а потому предпочитают считать неразумными животными, подобными крысам. Хотя крысы тоже, кстати, умные зверьки и наверняка между собой общаются.

Побережник тем временем продолжал смотреть на меня, будто ожидая ответа. Я развела руки в стороны и сказала:

— Прости, я не понимаю тебя. Думаю, что ты меня тоже. Но я кое-что сделаю и вернусь попозже и думаю, что мы с тобой сможем пообщаться, пусть и не словами.

Существо булькнуло на прощание и проводило меня взглядом, когда я ушла с берега. Вернувшись к себе в комнату, я взяла несколько листов бумаги, карандаши, захватила несколько вяленых рыбин и не забыла взять свой смартфон, который в этом мире хоть и не мог звонить из-за отсутствия вышек связи, но все остальные функции прекрасно выполнял благодаря имеющемуся у меня устройству подзарядки, что работало от солнечных батарей. Затем я зашла в гости к гному-кузнецу и выпросила у него несколько стальных наконечников для стрел и заточенную заготовку для ножа, у которой пока не была готова рукоять, пообещав расплатиться с ним по бартеру чуть позже.

Со всем этим барахлом я отправилась обратно на пляж, где без особого труда нашла место сна моего знакомого побережника. Немного подумав, я самым незамысловатым способом решила привлечь его внимание и костяшками пальцев постучала по

припорошённой снегом приплюснутой голове.

Представив, что кто-то будит меня, постучав мне по голове рукой, я хихикнула, осознав нелепость своего действия, но было уже поздно. Голова-тарелка поднялась, из-под неё показалось худощавое тельце. Существо смотрело на меня сонными мигающими глазами-бусинами.

Дождавшись, когда оно немного оклемается ото сна, я достала из сумки одну из вяленых рыбин, уложила её на чистый снег перед существом и сказала:

— Хочешь есть? Бери. Это тебе.

Побережник недоверчиво смотрел то на меня, то на рыбу. Затем что-то булькнул в ответ. Я ответила, как можно доброжелательнее:

— Бери и кушай. Не стесняйся!

Затем немного подтолкнула рыбину в его сторону.

Тарелкоголовый аккуратно протянул худую руку за рыбой. Поднял её, обнюхал, вновь что-то булькнул и уложил обратно на снег. Не доверяет? Возможно. Особенно учитывая то, что их род несколько лет назад пытались вытравить какой-то гадостью. Чтобы развеять сомнения, я отломала от рыбы кусочек и положила себе в рот.

— Вот видишь? Съедобно. Никакой отравы. Можно кушать.

Зверолюдь опять недоверчиво посмотрел на рыбу, затем на меня. Потом протянул лапку к пище, взял в руки, вновь обнюхал и откусил небольшой кусочек. Прожевав, откусил кусок побольше уже более уверенно. Опять булькнул что-то в ответ.

— Так. Молодец. А теперь давай ещё кое-что попробуем, — предложила я.

Я достала из сумки заготовку для ножа и ещё одну рыбу. На рыбе я продемонстрировала режущие свойства лезвия.

— Видишь? Хорошо режет. Если сделать из такого материала острогу, то она будет острее и надёжнее, чем та, что у тебя. Хочешь себе эту штуку? Забирай!

Я положила на снег лезвие. Побережник смотрел заинтересованно и едва не выхватил заготовку у меня из рук, внимательно осмотрел, повертел в ладошках и благополучно порезался. Охнул, осмотрел рану и что-то булькнул, вновь устремив любопытный взгляд на меня.

— Я, пожалуй, так и буду тебя называть. Ты теперь Бульк. Я — Лена, — сказала я, протянув руку к груди. — Ну что же, Бульк, давай попробуем теперь немного пообщаться?

Я достала лист бумаги и нарисовала карандашом рыбу, а рядом лезвие и стрелочки ведущие от рыбы к лезвию и назад. Не знаю, насколько будет понятна подобная картинка для столь непривычного для меня существа, но я исходила из того, что её должен был понять человек, который не понимал бы моей речи. Что насчёт побережника, так он вообще мог, к примеру, не различать цвета, которыми были изображены картинки, или у него было тепловое или ультрафиолетовое зрение. Поэтому для усиления картинки я ткнула пальцем на себя, затем на лезвие и сделала дарящий жест, а затем показала на Булька, затем на рыбу и изобразила притягивающий жест. При этом я дала возможность существу видеть картинку.

Антропоид, судя по виду, пытался понять, что от него хотят. Затем развернулся и сделал несколько шагов в сторону моря. Я подумала, что все мои выкрутасы, с помощью которых я пыталась изобразить и объяснить, были напрасны, и существо собралось по своим делам в море, но оно через какое-то время остановилось и необычайно громко пробулькало, изрядно меня напугав.

После чего то тут, то там стали появляться побережники. Они выходили из воды,

вылезали из-под снега и направлялись в сторону меня и Булька. Несмотря на общую схожесть все они немного отличались, также, как и люди. Кто-то был выше, кто-то толще, кто-то старше. Были среди них и женщины, которых я признала даже несмотря на отсутствие молочных желёз. Было что-то в них такое. Женственное.

Через какое-то время они собрались вокруг Булька и бурно стали что-то обсуждать на своём странном языке. При этом мой новый друг тыкал тощим пальцем то на листок с рисунком, то на меня. Спустя какое-то время после споров Бульк подошёл ко мне и указал пальцем на карандаш. Я дала ему карандаш и лист бумаги.

В стане земноводных жителей вновь разгорелся спор, после которого лист и карандаш дали какому-то мальцу, после чего он стал что-то рисовать на листе. Я внимательно смотрела за его работой. Он изображал что-то... Не слишком понятное. Но похоже, рисовал он непонятно не только для меня, но и для остальных побережников, так как вскоре один из них что-то пробурчал и стукнул художника кулачком по голове и отобрал лист. После ещё нескольких минут споров лист и карандаш отдали другому представителю подводного мира. Тот стал рисовать уже свои каракули, но они, к моему счастью, оказались более разборчивыми.

Когда морской народ отдал мне листок, то я и обрадовалась, и огорчилась одновременно. Обрадовалась, потому что меня поняли. Они были не прочь поторговать. Расстроилась, потому что поняла, что придётся поторговаться. Маленькие человечки нарисовали семь рыбок напротив ножа. Учитывая острейший дефицит металла в этом мире, цена на рыбу была слишком завышена. Но, возможно, под изображением рыбы понимается ни одна рыба, а, к примеру, какая-то единица измерений? Допустим, подводный аналог килограмма или рыбина имеется ввиду не маленькая, а огромная?

Чтобы выяснить этот вопрос, мне пришлось потратить не меньше пары десятин, использовать несколько листов бумаги, смартфон и сжечь несколько миллионов нервных клеток. За это время меня и побережников заметили рыбаки, среди которых был тот старец, с которым я недавно разговаривала. Я слышала, как он сказал кому-то:

— Ты глянь! Девка совсем из ума выжила! С побережниками якшается!

На что неведомый собеседник ответил:

— А может, она их так уничтожать собирается? Подманит поближе, а потом как прихлопнет всех разом!

— А может! Что-то я сам не сообразил! Такая приманить может. Есть чем. Не будь мне столько лет, я бы и сам приманился да приударил за ней!

Дальше к их разговору присоединились и другие рыбаки. Суть разговора сводилась то к насмешкам надо мной, то к желанию за мной приударить. Однако дальше смешков дело не зашло. Я не обращала на них внимания. У меня же тут сделка горит!

Как выяснилось в ходе торгов, предлагали морские аборигены рыбу действительно не пошгучно. Одна нарисованная рыбка значила что-то вроде корзины. Семь корзин рыбы за нож. Корзины побережники плели из прочных водорослей, а размером те были с небольшой таз. Мне удалось сторговаться на десять корзин за один нож. Такая цена уже вполне солидная.

Теперь предстояло самое сложное: сторговаться с гномом. Без помощи Мелисанды и Рикса тут явно было не обойтись. Я вернулась к ним и как могла рассказала о том, что сделала. Отнеслось моё начальство к сделке немного легкомысленно, на мой взгляд, но после уговоров идею одобрили. Пищи в городе действительно не хватало уже сейчас, а люди

всё прибывали и прибывали. Так что дополнительная рыба будет кстати. Благодаря помощи вышестоящего начальства удалось договориться и с гномом. Он вообще получал жалование немногим больше моего, но строго следил за тем, куда и кому идут изделия работы его мастерской, и был не слишком доволен тем, что теперь металлом придётся снабжать ещё и подводных обитателей.

На побережье обменом занялась специально выделенная Мелисандой команда людей, что таскала в город корзины с рыбой, а назад в основном металл.

На побережье я ходила ещё в течение нескольких дней. Там я продолжала переговоры с обитателями побережья, и нам удалось не только договориться ещё и о поставках в город съедобных водорослей, но и заключить что-то вроде союза. По этому договору мы не трогали их, предоставляли берег в их распоряжение, торговали с ними металлом, позволяли строить на берегу хижины из нашего леса и досок, а в обмен на это они должны были оборонять побережье от возможного нападения с моря. Чтобы усилить их как бойцов, мы дарили им арбалеты, против чего они, конечно, не возражали, в отличие от Гравиуса. Но он — это отдельная история.

Вообще побережники оказались довольно интересным народом. Общаясь с помощью рисунков, я выяснила, что они предпочитают жить на суше, а под водой только добывают пищу и размножаются. Но из-за того, что их часто прогоняют с берегов другие, более сильные разумные, им приходится большую часть времени проводить под водой, что довольно опасно, так как на глубинах водятся опасные хищники, которые не прочь полакомиться побережниками. К тому же для здорового существования им просто необходимо выбираться на берег и жить какое-то время на суше, иначе у них начинаются проблемы со здоровьем.

Живут они крупными племенами, которые периодически воюют друг с другом. С жителями суши они предпочитают не связываться, так как те в большинстве своём крупнее побережников и лучше вооружены. У них есть своя культура, обычаи и религия, с которыми мне только предстоит познакомиться. Ну а пока мне подарили милую статуэтку из кораллов, изображающую побережника, разящего острогой какую-то крупную хищную рыбу. Очень красиво. Если кто-то в этом мире и безмозглый, то это явно не побережники, над которыми смеются рыбаки.

Кстати, их нелюбовь к этим созданиям теперь стала мне понятна. Рыбы они способны наловить гораздо больше рыбаков.

Что же, побережье укреплено. Если теперь мне удастся выстроить достойные укрепления в ущелье, то возможно, я смогу доказать всем, что я ничуть не хуже мужчин.

Глава 15 Саян. Пора в поход.

Что ж, труд мой над трактатом по нашей новейшей истории окончен. На страницах я изложил всё, что знал. Это значит, что пора заглянуть в земли врага и изучить рои изнутри. По возвращении я составлю второй том трактата, который, надеюсь, поможет справиться олодцам с надвигающейся угрозой. (последняя страница из трактата, подаренного Саяну магистром Айном).

Да уж. Эпичные баталии с реками проливающейся крови, пламенными речами, самопожертвованием и чередой атак и отступлений — не моё. Мне бы домой вернуться, сидеть дома, работать в офисе при заводе, да чай попивать между делом с пряниками и барышнями. Но не тут-то было... Ну или уж на худой конец продолжать развивать в себе сверхъестественные навыки и стать танком этого мира — магом. Но увы — путь магических искусств тернист и долог, дорога домой закрыта (возможно, навсегда), так что приходится брать на себя непривычную для меня роль — хватать в охапку разношёрстную компанию (некоторые из моих бойцов в прямом смысле покрыты шерстью) и играть роль полководца. Вот уже битую неделю мы пытаемся изобразить из себя что-то, похожее на войско. Получается не очень.

Половина первого тренировочного дня вовсе ушла на то, чтобы собрать выделенных мне бойцов в кучу. Половина то и дело разбредалась по своим делам, а вторая нет, так как была пьяна в стельку.

Под конец дня мне таки удалось выделить среди этого сброда десятков более-менее адекватных вояк, коих я назначил сержантами, дабы упростить командование.

Немалую помощь мне оказал косолапый, который не только услужливо возил меня на своей спине, но и внушал уважение и трепет к командиру, сумевшему подобную животину приручить. Второй день оказался ничуть не легче предыдущего. На тренировках бойцы то и дело путали лево и право, забывали, в каком десятке они служат, натирали мозоли, да не по одной, а сразу гроздьями, спотыкались на ровном месте, будто разучились ходить, то одного, то другого разбирали диарея, они ранились о непривычное оружие, что твоя спящая красавица о веретено.

Лишь к пятому дню удалось хоть как-то научить бойцов выполнять элементарные команды. Я был занят с раннего утра до морозного вечера, поэтому поручил собирать обоз напросившемуся со мной Марону. Парень он хваткий, за что ни возьмётся — всё у него получается. Во время моего отсутствия рецепт чудодейственной мази доработал и лавку снадобий открыл. В общем, за обоз можно не переживать.

Кстати, этот Флеминг местного разлива настоящую вивисекцию арахнидов устроил: к нему доставляли пойманных в ловушки скитальцев, а он ставил над ними эксперименты, жестокости которых даже Йозеф Менгеле позавидовал бы.

Эксперименты, однако, были достаточно успешными и уже принесли первые плоды — Марон доработал свою чудодейственную мазь, и теперь она стала ещё эффективнее. Я же стал одним из подопытных кроликов, на которых лекарство испытывалось. Я был не против — хуже мне уже не станет.

Важным ингредиентом обновлённой мази стали внутренности арахнидов. Если быть точнее, то их органы, извлекаемые из черепов, с непонятным функционалом, по форме напоминающие горошины, бобы, а у убитого трицератопса орган больше всего напоминал

яблоко, состоящее из раскрытых лепестков-долек.

Мы предположили, что эти органы отвечают за общение у тварей, за что-то вроде телепатической связи, причём чем крупнее тварь, тем крупнее орган. У выкормышей в головах были серые горошины, у отродий — продолговатые фасолины белого цвета, у исчадий находили в черепах нечто похожее на золотистый грецкий орех.

В общем, мой первый друг на Триале не был бы Мароном, если бы не истолок в порошок данные компоненты и не попробовал бы на их основе сделать лекарства, смешивая в разных пропорциях. Впрочем, эффект от подобных ингредиентов мог оказаться абсолютно любым, от летального до вырастания новых конечностей или превращения в тварь. Ну да не беда. Где наша не пропадала? Отрастёт новая конечность? Прекрасно! Старые-то у меня не ахти какие! Пусть замена подрастает...

По истечении ещё пяти дней я отправился в путь, так и не дождавшись приезда Мелисанды, поэтому просто оставил для неё записку на случай, если... Если что-то пойдёт не по плану.

Мы выехали, но... Уехали недалеко. Как оказалось, двое бойцов забыли забрать своё снаряжение в Чивуаке, решив, что кто-то должен взять его вместо них и выдать им перед предполагаемым боем. Но у нас тут не рыцари, которым даже зад подтирать помогают, у нас скорее что-то вроде римского легиона. Сильно урезанного легиона, правда, в котором каждый тащит свой груз сам. Ну а небольшой обоз из пары телег всё же есть. На случай, если придётся задержаться. Если бы удалось выделить всем бойцам по эйхо, то наш поход значительно упростился бы и ускорился, но мешает «бы». Мне не удалось выбить у Елены подходящее для воинства количество эйхо.

В общем, пришлось делать привал, отправлять в срочном порядке нерадивых бойцов за снаряжением. Спустя пару десятин забывашки возвратились, и мы поехали дальше и вскоре вновь прервали путь — у одной из телег отвалилось колесо. Я решил совместить приятное с полезным и объявил обед, во время которого наш транспорт был починен.

До вечера мы ехали спокойно, под шум деревьев, скрип снега и бурчание солдат. Когда стемнело, разбили лагерь, выставили дозор и легли отдыхать.

Я переживал, что моё горе-войско не сможет противостоять тварям, если те внезапно нападут ночью, но, к счастью, всё обошлось. Ничего не случилось.

На следующий день мы столкнулись с группой скитальцев, которые вместо того, чтобы убраться восвояси, решили дать нам бой.

Я думал, что мы количеством справимся с ними также легко, как толпа бродячих цыган с беспризорной лошадей, однако без ранений всё же не обошлось: у одного бойца насквозь было пробито бедро, и кровь хлестала так, что я сомневался, что бедолага протянет хотя бы десятину; второй крепко получил по шлему и потерял сознание, а у третьего появилось множество мелких ран. Впрочем, после манипуляций Марона все трое остались живы, а наш лекарь, поковырявшись в останках тварей, обзавёлся тремя фасолинами, которые спешно прибрал в мешочек за пазухой.

Третий день оказался самым спокойным, за время нашего пути и ничего необычного с нами не произошло, поэтому вечером, разбив лагерь, мы немного потренировались.

На четвёртый мы оказались на поляне, на которой я совсем недавно знатно повоевал. Марон надеялся обзавестись здесь трофеями, но ни одного тела тварей под снегом нам не удалось найти, что наводило на нехорошие мысли: похоже, что в округе есть отряд арахнидов, способный как минимум собрать и утащить в неизвестном направлении тела

павших собратьев. Нужно быть начеку.

На следующий день мы дошли до места раскопок, но, честно говоря, я не знал, куда дальше следует нам двигаться и сколь долго. Поэтому объявил привал, а сам лёг спать прямо среди белого дня, мысленно пытаюсь докричаться до Голоса.

И у меня получилось. Пришлось пройти через традиционный ритуал убиения бедного насекомого, прежде чем невидимка соизволил со мной поговорить.

— Свет мой, зеркальце! Скажи да всю правду доложи: где искать моих друзей, отвечай ты мне скорей!

— Существо, что ты зовёшь другом, сейчас занято выкорчёвыванием корня ядовитого растения. Находится на расстоянии прямой видимости.

— Шиза, не морочь мне голову! Я не про Марона. Я про других.

— Местоположение других особей, что ты именуешь друзьями, — поселение на месте разрушенной много веков назад базы Чи Ву Акс, к западу от твоего текущего положения в четырёх днях пешего пути.

— Вернулись, значит. Это хорошо. Но ты, голос, сегодня конкретно тупишь! Я про Олафа у тебя спрашиваю, Оло, Терна...

После минутной паузы, когда я уже перестал надеяться на ответ, Голос сказал:

— Северо-восток. Один дневной переход. Вокруг огромной кучи земли и камней, трава вытоптана, лес выкорчеван. Под землёй. Вокруг много тьмы.

— Ай молодец! Можешь ведь, когда захочешь! Дай, что ли, пару кровопийц в знак благодарности прихлопну, раз ты такой щедрый сегодня на ответы и помощь!

— Убей комара...

***

Проснувшись, я не просто знал абстрактное направление движения, а чувствовал, куда именно мне нужно двигаться.

Привал был окончен, мы бодро двинулись в путь, подгоняемые зимним ветром и холодком, и до самого вечера не сбавляли темпа. Завтра ранним утром мы отправимся в дорогу и к обеду должны оказаться на месте, где твари держат в плену моих друзей. В этот вечер мы не тренировались, ведь завтра нужно быть полными сил.

На рассвете мы тщательно проверили снаряжение и, набив брюхо до татарского спасибо, ибо обед сегодня не предусмотрен, двинулись к цели.

Я на Буром в сопровождении двух пеших арбалетчиков ехал в головном дозоре. Я чувствовал, что мы уже близко к логову врага. Сердце предательски часто застучало, подогреваемое адреналином в предвкушении битвы. Косолапый чувствовал мой страх и тоже занервничал. Это полноценные химеры не ощущают ни боли, ни страха и полностью подконтрольны хозяину в любой ситуации. У меня же вышло... В общем, что получилось, то и получилось, главное, что током меня не лупит — уже хорошо.

Мазь Марона, кстати, проявила себя великолепно! Я понятия не имею, как вообще это возможно, но похоже, что каким-то чудом она не то восстанавливала нервные клетки, не то новые на ней росли, будто на дрожжах, но факт в том, что руку свою я ощущал и контролировал уже немного лучше. Глядишь, если так и дальше пойдёт, то из калеки обратно в нормально человека превращусь!

Неожиданно грёзы мои прервал треск веток. Нас атаковали!

— К бою! — закричал я, одновременно с этим выхватывая посох из седельной сумки.

Первым в бой вступил Бурый, одним лишь взмахом громадной лапы прижав исчадие к

земле и переломав ему кости. Сопровождавшие меня в головном дозоре воины тоже времени даром не теряли — выпустили по болту в приближавшуюся тварь, не убив её, но поубавив той прыти. Ещё две бежали в мою сторону и уже согнули ноги, готовясь к прыжку, в котором хотели сбить меня с медведя или просто проткнуть насквозь. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивали, и фаербол помог мне отстоять мою точку зрения на происходящее. Взорвавшись прямо меж двух тварей, он знатно опалил им бока и отбросил в стороны. Бурый подскочил к раненым арахнидам и ловкими для такой туши движениями отправил их не то к духам, не то к праотцам, а может и вовсе к Первоййцу. Не знаю, какая у тварей религия и есть ли она вообще.

Покончив с нападавшими, мы отправились в сторону основного отряда. Вопреки нехорошим предчувствиям, здесь всё было достаточно неплохо: бойцы сумели организовать строй и вполне успешно оборонялись от опасных существ, несмотря на то что врагов было около тридцати.

Не замедляя хода, я направил медведя прямиком на нападавших, сам при этом уже вливал энергию в конструктор, готовясь отправить во врага очередной фаербол. Заклинание вышло удачным, и опалённое исчадие упало на землю.

Я вошёл во вкус и раскидывал огненные шары направо и налево, будто заправский факир, пока не опустела искра; медведь рвал тварей зубами и сбивал лапами, бойцы разряжали во врага свои арбалеты. Через считанные минуты бой был окончен.

Мы победили! Но какой ценой... Тыловой дозор, в котором шли пятеро бойцов, был полностью уничтожен. И хотя я, да и остальные понимали, что это целиком и полностью их собственная вина — нужно было почаще оглядываться, чтобы их не застали врасплох (в этом и заключается основная задача тылового дозора), свою вину я тоже ощущал. Ещё погиб один боец в левом фланговом дозоре.

А ещё четырнадцать бойцов из основного отряда оказались ранены. Немного подумав, я принял решение отправить раненых на одной из двух телег обоза обратно в Чивуак в сопровождении десятка пеших бойцов.

Таким образом нас осталось семьдесят, а ведь мы ещё даже не добрались до улья тварей.

Я выпил флакон со снадобьем, изготовленным Мароном, в состав которого входил истолчённый маннит. Убойная штука — я буквально ощущал, как восстанавливается мой запас магической энергии. Через пару десятин буду, как новенький. Жаль, правда, что больше двух флаконов в сутки употреблять нельзя, иначе по словам моего друга возникнут побочные эффекты, но какие именно, он не уточнил.

Перевязав легко раненых и отправив в Чивуак тяжёлых и убитых, мы продолжили свой путь. Через две десятины лес резко закончился, и мы выехали на мрачного вида поляну, трава на которой была вытоптана, ни одно живое существо не стрекотало, не каркало и даже не гавкало, а в воздухе витал тяжёлый кисловатый запах. Но всё это имело лишь второстепенное значение, ведь посреди поляны было разбросано огромное множество валунов, камней и комьев земли, в центре же было уродливое сооружение, состоящее из нагромождённых валунов, глины и поваленных деревьев.

Среди нагромождения всего чётко прорисовывались огромные входы и выходы, внутри которых можно было разглядеть шевеление тел тварей.

— Вот и пришли, — сказал я, скорее сам для себя, нежели к кому-то конкретно обращаясь.

Однако, ехавший в этот раз рядом со мной в головном дозоре Марон решил ответить:

— Похоже, что нас ждёт прекрасная добыча!

Последнее время этот знахарь, не единожды меня выручавший, всё больше меня пугал.

— Ты о потрохах тварей?

— О них самых! Мои запасы тают на глазах. А здесь... Целая кладёшь ценных материалов... Можно будет поэкспериментировать, проверить новые рецепты... — мечтательно протянул он.

— Как думаешь, мы выживем? — решил я спустить друга на землю.

— Не знаю, Саян, но думаю, что мы обязаны это сделать. Не только ради наших друзей, если они ещё, конечно, живы и находятся внутри этого гигантского муравейника, и не только ради тех, кого мы оставили в Чивуаке, но и...

Повисло минутное молчание. Марон будто бы не знал, как закончить свою речь. И я решил ему немного помочь:

— Ради потрохов?

Знахарь, улыбнувшись, посмотрел на меня и подтвердил:

— Да. Ради науки!

Я хмыкнул, окинул взглядом своё войско. Похоже, что мы первые в этом мире, кто осмелился ступить на территорию членистоногого врага. Многие из нас не вернутся домой. Если вообще вернётся хоть кто-то. Но рефлексировать буду позже, когда дома завернусь в плед и обниму Мелисанду, а пока нужно дать задания воинам.

Я велел войску выстроиться в пять шеренг, в каждой из которых было по четырнадцать бойцов. Каждый при этом был вооружён изготовленным к стрельбе арбалетом. Мы медленно приближались к циклопическому муравейнику, готовые в любой момент начать стрельбу.

Оставшихся обозников мы при этом оставили возле леса в удобной позиции на случай, если придётся драпать. Пусть они были ещё хуже вооружены и подготовлены, чем бойцы, но шансы на побег у них были неплохие.

В какой-то момент у обороняющихся тварей будто нервы сдали и на нас одно за другим, слишком разрозненно для полноценной обороны выбегали исчадия и пытались атаковать, однако арбалетные болты, даром что большая часть летела мимо, не давали им близко подобраться.

Не слишком похоже на организованное сопротивление. И подобными силами они крушат города? Верится с трудом. Или основные их силы ещё на подходе? Или вся их боевая мощь сейчас скрывается под землёй и нас лишь заманивают в ловушку? Можно долго гадать, а истинного ответа так и не узнаешь. Лучше выяснить ответы на практике, а размышлениями заняться на досуге.

Мы приблизились к улью вплотную, и я дал команду вновь разделиться на десятки и пробиваться такими отрядами внутрь, используя не один вход, а разные, чтобы не дать противнику организовать в один крупный отряд.

У противника не было дальнобойных воинов, что до сего момента играло нам на руку — мы расстреливали тварей издалека, не давая приблизиться, но стоит нам войти внутрь, как наше преимущество тут же исчезнет. Но я по-прежнему надеюсь на то, что арахниды не ждут гостей и слишком уж серьёзных хлопот не доставят.

Ещё одной проблемой стало то, что нам пришлось спешиться с ездовых животных, так как высота проходов не позволяла действовать внутри верхом. И если остальные бойцы, за исключением десятников и Марона и так шли пешком, то я после спешивания из гордого всадника с шашкой наголо превращался в разбитого инвалида, коим я и являлся, если убрать

всю мишуру. Но, к счастью, чудо-коляску Бурый тащил за собой словно тягловый вол всю дорогу. Я за ней не особо следил во время путешествия — было немного не до того, но она осталась цела и невредима, хотя и сильно замаралась. Ну да ничего — танки грязи не боятся. Вскарabкавшись на своё транспортное средство, я отправился внутрь муравейника.

Внутри помещения освещались так же хорошо, как освещается самая мрачная темница, устроенная кротами под землёй, то есть никак. Я подвесил прямо на кресле светляка, а мои соратники обходились факелами.

Несмотря на кажущуюся аляповатость и небрежность, стены, сложенные из смеси веток, камней, глины и дерьма, были довольно крепки и надёжны, а какой-нибудь земной дизайнер, увидев их, начал бы кипятком писать, позавидовав столь необычному архитектурному решению.

Мы продвигались вглубь подземных залов. Откуда-то из глубин доносились пугающие звуки шагов, странные шорохи и топот многочисленных лап. Неприятный кисло-сладкий запах многократно усилился и даже заглушал вонь чадящих факелов и... Бурого. Нет, не то чтобы он вонял, просто всё живое имеет свой запах, а косолапый очень большой, а следовательно и запах у него... Впрочем, я отвлёкся.

Топтыгин прокладывал нам путь, словно ледоход сквозь многометровые льды Арктики, отчего нам было немного спокойнее. Уж не знаю, как справлялись остальные отряды, у которых не было мохнатого козыря в качестве живого щита. Спустя какое-то время мы вышли на развилку, где на нас и напали.

Мы отступили чуть назад, и мишка в одну морду отбил атаку десятка тружеников улья — отродий.

Похоже, что-то и вправду не заладилось у тварей с организованной обороной. Стоило им лишь дожидаться, когда мы пройдем чуть дальше, и они могли бы окружить нас, застав врасплох, но они поторопились и не нанесли нам урона.

Выбрав случайным образом направление дальнейшего движения, мы продолжили путь. Тоннель уходил вглубь. В какой-то момент мы оказались в тупике. Тоннель преграждала стена, которая была почему-то мокрой и липкой. У меня возникло ощущение, что её построили совсем недавно и она не слишком прочна, но всё же я решил пока свернуть назад. Мы вернулись на развилку и выбрали другое направление.

Тоннель то расширялся, то сужался вновь, но при этом уходил всё глубже и глубже. Впереди послышалась какая-то возня. Я отправил в ту сторону светляк и спустя пару мгновений мы увидели рабочих, что закладывают тоннель смесью камней, веток, глины и какой-то слизи. Тут я понял, почему преграда в предыдущем тоннеле была мокрой — потому что совсем недавно её построили из глины и слюны.

Не тратя попусту время и не дожидаясь, пока и этот путь нам перекроют, я зашвырнул в рабочих особей фаербол, щедро напитав его силой. Переборщил. Грохот взрыва больно ударил по ушам. В нашу сторону полетела россыпь камней, а с потолка посыпалась земля, но свою функцию заклинание выполнило: строительство преграды прекратилось, арахиды погибли, а путь оказался свободен.

Перешагнув через чавкающие зловонные кучи, что остались от тварей, наша группа двинулась дальше.

Коридор всё расширялся и расширялся, плавно превратившись в настоящий просторный зал, стены которого едва освещались факелами. «Неплохое место для засады» — успел подумать я, как в тот же миг впереди во тьме раздался топот десятков приближающихся лап.

Не раздумывая, я зашвырнул во тьму мощный фаербол, а уже после направил к потолку светляк. В последнее время благодаря регулярной практике заклинания мне удаётся плести на удивление быстро и легко.

Взрыв вновь больно ударил по ушам, над головой что-то пролетело. Подземный зал был огромен, а светляк позволил разглядеть, что твари были не только на полу, но и на стенах и потолке. Их были сотни. К счастью, это были всего лишь жалкие выкормыши. Но и они могут легко задавить нас числом.

— Отступаем! — завопил я, как поросёнок, осознавший, что находится на скотобойне.

Но было поздно — сзади путь преграждал десяток исчадий. Вот и неприятный сюрприз, к которому я морально готовился и надеялся, что он всё же не произойдёт. Твари начали прыгивать с потолка прямо на нас.

Позади меня раздался истошный вопль. Так человек способен кричать лишь перед смертью. Рядом со мной тоже плюхнулся один выкормыш.

Выжившие бойцы медленно, не сговариваясь, стали отступать к стене. Главной нашей ударной мощью был, конечно, Бурый, который давил арахнидов лапищами, словно гнид ногтем. Старался на отставать от него и я, опорожня свой источник, будто стадо верблюдов оазис после месячного перехода через пустыню.

А вот у остальных бойцов моего отряда дела шли гораздо хуже. Мы отступали к стене и из десятка бойцов до неё добралось лишь трое, а враги, по какому-то недоразумению, не спешили заканчиваться. Мой магический резерв стремительно опорожнялся, косолапого облепила дюжина мелких тварей, кусая и мешая двигаться. Бойцы паниковали и защищались, даже не пытаясь контратаковать.

Из выкормышей бойцы чуть лучше, чем никакие, однако они давили числом. Несметным числом. В сложившейся ситуации радовало лишь то, что положили мы их здесь не одну сотню, и, если мы правильно понимали процесс роста и формирования арахнидов, то выкормыши, повзрослев, превращаются либо в исчадий, либо в отродий, таким образом мы покروшили в винегрет не одну сотню будущих воинов и рабочих роя. Не выживем, так хоть врагов побольше прикончим.

— Нужно срочно что-то делать, иначе мы погибнем! — вопил не то мой внутренний голос, не то кто-то из уцелевших бойцов. И я сделал.

Начертил в воздухе конструктор в форме квадрата, вставил руны: огонь, ускорение, увеличение, разрушение в вершины, и влил столько силы, сколько оставалось у меня в резерве. Выпустил я заклинание не во врагов, а в потолок, прямо в центр зала. Я назвал это заклинание «бада-бум», ибо оно по задумке должно вызывать взрыв, который вскоре и последовал.

Однако грохот от взрыва и вспышку я каким-то образом пропустил — видимо, какое-то время был без сознания. А когда очухался, то обнаружил, что моё импровизированное инвалидное кресло куда-то исчезло, рядом стонет уцелевший боец, а косолапый роет землю своими лапищами.

Выжившего бойца, если мне не изменяет память, зовут Гвен, у него придавлены валунами ноги.

Я осмотрелся. Большого зала больше не существовало. Потолок обвалился (на что я собственно, и рассчитывал), погребя под собой десятки тварей и, к превеликому сожалению, несколько моих людей. Мы уцелели лишь благодаря тому, что были рядом с медведехимерой, и он принял на себя основной удар от взрыва, а затем и от рухнувшего потолка.

Похоже, в этот момент Бурый что-то раскопал, потому как резко куда-то провалился, а следом за ним рухнули и мы с Гвенем. Мы оказались в очередном коридоре, в котором, к счастью, никого не было.

Ноги Гвена теперь оказались свободны, и я увидел, что из них бежит кровь. Долго бедолага так не протянет.

Я поскрёб по сусекам, собрал крохи оставшейся в искре манны и вложил её в исцеляющее заклинание. Кровь остановилась, боец был спасён, но я теперь был абсолютно пуст. Ни крохи манны не осталось. Я вспомнил про второе зелье, что висело на поясе, и спешно выпил мерзкую на вкус, с отвратительным запахом, но столь полезную для искры жидкость. Теперь магический резерв быстро пополнится, но всё равно на это уйдёт не меньше пары десятин. Так что враг, появившись он сейчас, представляет для нас смертельную угрозу.

Не успел я об этом подумать, как в одном конце коридора послышались приближающиеся шаги. Я дал израненному медведю команду закрыть эту часть коридора. Едва косолапый занял позицию, как сразу после этого послышались шаги с другой стороны коридора.

— Да твою же задницу через плечо и вокруг головы! — выругался я, так как ничего другого мне не оставалось. Похоже, пришло время умирать.

Противник приближался. В конце коридора замелькали тени...

Стоп! Какие ещё, к завру, тени? Если есть тень, значит, есть свет, так? Откуда там свет? И тут до меня дошло: наши! С факелами. Вот откуда свет.

— Командир, это вы? Вам нужна помощь?

— Это я. Помощь не нужна, но я до смерти рад, что это пришли вы, а не твари. Напугали. Ваш отряд цел?

— Цел. Все живы-здоровы! Ни одну арахниду не встретили!

С другой стороны тоннеля тоже прибежал отряд бойцов. У них тоже было всё в порядке.

Обговорив случившееся, мы двинулись дальше вместе. Меня тащил на спине один из бойцов, отличавшийся особо крепким телосложением. Судя по внешности, это был полуорк.

Мы ещё пару десятин бродили по коридорам, встретили остальные отряды, часть которых тоже потрепало в схватках с тварями, но, несмотря на раны, все были живы. Похоже, больше всего не повезло именно нашему отряду.

Несмотря на то, что мы обошли все коридоры, ничего полезного так и не удалось найти. Я ожидал немного другого результата...

Глава 16 Саян. Глубины мрака.

Во время опытов над тварями мне не удалось выявить какой-либо явно их уязвимости перед определённым видом магии. И огонь, и электричество, и кинетика, и разложение, и все иные виды магии действуют на тварей одинаково хорошо. (отрывок из трактата, подаренного Саяну магистром Айном).

Похоже, что мы либо опоздали и наших друзей уже съели, либо мы что-то упустили.

Марон уже всю мародёрствовал, здоровые помогали раненым, медведь жрал тела погибших арахнидов, если успевал добраться до них быстрее знахаря, а я сел и задумался.

Твари внешне больше всего похожи на гигантских пауков. Что-то в них есть от ракообразных, а морды напоминают дельфины. Но по поведению и организации они больше всего напоминают ос или муравьёв. А у тех и других есть матки, что живут в глубинах муравейников или ульев, несут бессчётное число яиц и, как правило, не покидают своих домов. Тогда почему нам не встретились ни матки, ни яйца?

Пролетали почти вертикально, из-за отсутствия ветра, косматые хлопья снега. Небольшой мороз приятно щипал лицо. Я закрыл глаза, попытался мысленно связаться с Оло. Ничего не вышло. Я не чувствовал его присутствия. Либо он без сознания, либо его здесь нет. Но неужели голос из сна обманул меня? Неужели мы напрасно проделали столь долгий путь и не найдём ни наших друзей, ни ответов на вопросы? Я хотел лечь спать, чтобы связаться с голосом, но почему-то был совершенно уверен, что попасть на аудиенцию к Голосу мне не удастся. Тогда на чью ещё помощь мне надеяться? Я не знаю. Нам, возможно, впервые в истории Триала, удалось заглянуть вглубь территории врага, разорить гнездо, но что дальше?

Да, поход нельзя назвать бесполезным, но всё же я ожидал большего. Марон обзавёлся ценными ресурсами для изготовления снадобий, мы перебили немало врагов, показали противнику, что можем не только защищаться, но и способны пойти в атаку. Возможно, теперь твари будут более осмотрительным, и наступление арахнидов замедлится.

И тут либо у меня прошло нервное напряжение, что было вызвано боем, либо просто произошло озарение, но меня посетила одна очень дельная мысль, и я воскликнул:

— Бурый! Хватит жрать! Дуй вниз и копай!

Ко мне поспешил Марон.

— Ты тоже думаешь, что мы ещё не закончили?

— Ты о чём, Марон?

— О том, что ещё рано топать домой. Здесь есть ещё твари, которых мы должны препарировать, прежде чем уйдём!

— Тьфу, Марон! Я вот всё пытаюсь понять, кто ты: мясник или гений?

— А что, есть разница?

— Есть, дружище, хотя и не всегда.

Мы беседовали со знахарем ещё какое-то время о его настойках, о том, как он препарировал тварей, о том, откуда у него берутся идеи. Похоже, он действительно был гением. И мясником.

Мы бы и дальше продолжили лясы точить, но тут я почувствовал, что Бурый меня зовёт. Зов я ощутил не слухом, но разумом. Похоже, что химера нашла что-то стоящее, иначе не стала бы меня столь активно звать.

Я позвал отдыхающих бойцов за собой, и мы спешно отправились вниз. Бурого мы отыскивали без труда, так как исследовали коридоры вдоль и поперёк, и уже без труда ориентировались среди тоннелей. Мишка нашёлся в самом глубоком месте, где и копал по моей команде. И наконец докопал.

Под ранее обнаруженным тоннелем на расстоянии дюжины метров по диагонали вниз обнаружился ещё один тоннель, который ранее мы не нашли. Похоже, хитроумные обитатели подземного убежища забаррикадировали часть ходов, чтобы незваные гости не добрались до самого главного.

Спуск был слишком крутым, чтобы взять и сходу по нему спуститься. Поэтому пришлось притащить верёвку и спускаться с её помощью. Я передвигался всё так же в виде заплечной сумки, поэтому спуск для моего носильщика был особенно тяжёл.

Спустившись, мы оказались в весьма высоком и просторном зале, что позволило мне перебраться со спины полуорка на спину Бурого. Мы осторожно двигались по тоннелю, готовые к любой неожиданности и внезапной атаке. Коридор уходил всё дальше вглубь. Через какое-то время мы оказались в просторном зале, стены, пол и потолок которого были сплошь усеяны белёсыми коконами, высотой по колено, оставляя лишь небольшие тропки, по одной из которых мы и двигались.

Манна в моём источнике уже по большей части восстановилась, и я с лёгкостью подвесил крупный светляк на потолок зала. Зал тут же озарился ярким светом, озарив лучами мерзкого вида коконы.

Один из воинов вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул. Посильнее замахнувшись, боец вбил остриё клевца в один из коконов, с лёгкостью проломив его хрупкую оболочку. В воздух взлетела белёсого вида слизь и ошмётки скорлупы. Остальные бойцы хотели присоединиться к уничтожению нерождённых врагов, но в этот момент мы слышали крик. Нечеловеческий крик.

На противоположном конце зала стояло отродье с зажатым в лапе куском белой паутины и плавно размахивало им из стороны в сторону. Увидев, что наше внимание привлечено, оно подошло ближе на пару ростов, а затем отбежало на десять и обернулось, словно приглашая за собой.

Я, взяв с собой десяток бойцов, двинулся вслед за чудовищем, остальным же дал команду:

— Смотрите в оба. Марон, останешься тут — будешь за старшего. Пока никого не препарируй. Если не вернусь через десятину — спалите здесь всё дотла!

Марон в ответ на это хищно улыбнулся.

Наш небольшой отряд двигался следом за миролюбивым арахнидом. Коридор сузился, и мне пришлось пригибаться, а Бурому подгибать ноги, чтобы можно было передвигаться верхом. Надеюсь, что это не очередная ловушка.

Мы вышли в другой зал. Здесь стены и потолок тоже были облеплены, но не маленькими коконами, а большими, в человеческий рост, с очертаниями, подозрительно похожими на человечьи, а у некоторых явно выделялось что-то похожее на хвост. Я хотел остановиться и получше изучить коконы этого зала, но мне не позволил миролюбивый арахнид, требовательно застрекотав и поманив за собой лапой.

Вновь пройдя сквозь узкий коридор, мы вышли в ещё один зал. Здесь меня ждало неожиданное.

В воздухе, в центре зала, висел светляк. Светляк, к созданию которого я не имел ни

малейшего отношения.

В зале, озаряемом небесно-голубым светом, стоял Оло со своим посохом, Терн, с луком, Шиара с потрёпанной шерстью, Олаф с недовольной физиономией и незнакомый мне мужчина с подозрительно знакомыми чертами лица. За спинами разумных стояли двое напряжённых отродий, готовых в любой миг вступить в бой, а за ними... Тут, как говорится, лучше один раз увидеть, чем два... Да лучше вообще такое не видеть, если честно.

Отправляясь в поход, я, конечно, догадывался, что столкнусь с чем-то подобным, но всё же надеялся на более мягкий вариант. Больше всего существо походило на королеву «чужих» из фантастического фильма, и если киношная тварь меня не слишком впечатлила, то о реальной подобного сказать нельзя.

Высотой метров семь, ну или три с половиной роста, как сказали бы местные, с огромной пастью, в которую с лёгкостью войдёт не то, что моя голова, но при должном старании весь я, вся покрытая огромными шипами, с тремя парами глаз на черепе, с огромным, мерзкого вида брюхом, уходящим вглубь зала. Самый страшный ночной кошмар во плоти.

— Налюбовался?

Я сперва не понял, кому принадлежит громкий скрипучий голос, но когда понял, мне стало не по себе — говорила тварь.

— Удивлён? Думал, что мы безмозглые твари, которых можно безнаказанно уничтожать? — проскрежетала королева арахнидов.

Не знаю, что мне помогло, но я быстро сумел взять себя в руки и дать достойный ответ:

— Удивлён, но не впечатлён. Если честно, то я ожидал большего. А вы действительно безмозглые твари, раз думали, что вы можете безнаказанно нападать на нас и не получить отпор. А обороняетесь вы так себе. С полпинка вынесли вашу защиту.

Мне показалось, или на морде чудовища отобразился гнев?

— У нас сейчас нет полководца, а тем более тактика или стратега! Лишь поэтому вы отделались лёгкой кровью. Я мать, а не ведущий в бой. А когда мы атаковали твои земли, с нами был лишь обычный полководец. Но скоро к нам придёт тактик с войском, и тогда всех вас ждёт смерть! Их сложно вырастить, гораздо сложнее, чем тех, кого вы зовёте отродьями, исчадьями и скитальцами, и даже сложнее, чем королеву. Поэтому их очень мало, и они очень ценны.

— Ну зачем столько пафоса, а? Ты сейчас не в том положении, чтобы диктовать свои условия и угрожать. Твоя охрана перебита, твоя кладка вот-вот будет разрушена, да и тебя ждёт незавидная участь, так ведь, Марон?

Я поискал взглядом знахаря, но тут же вспомнил, что оставил его за старшего в другом зале, поэтому, чтобы не выглядеть попавшим впросак, кивнул взглядом на одного из воинов: дескать, вот он, Марон.

— Вот видишь? В общем, пока не пришёл ваш генерал, думаю, вас нужно уничтожить.

После этих слов я принялся рисовать в воздухе конструкт, но королева не дала мне завершить начатое и сказала:

— Стой! Неужели ты не хочешь узнать, кто мы и откуда, как нас победить, узнать наши секреты? Не трогай меня и нерождённых и тогда...

— Не-а. Не хочу. А теперь сдох...

На этот раз мне не дал договорить незнакомый мужчина, стоявший рядом с моими друзьями, и когда я уже стал напивать конструкт силой, он взмахнул рукой, моё

заклинание рассыпалось, а меня обдало жаром. Сразу же после этого он произнёс:

— Подожди. Не нужно никого убивать. Здесь, в плену у тварей, в паутине спит множество разумных. Они... Скажем так: в очень глубоком сне. Просто так вернуть их в нормальное состояние не удастся. Я пробовал и... В общем, так я и угодил в плен сам. Вернуть их в прежнее состояние могут лишь арахниды. Заключите сделку: вы не трогаете личинок и королеву, а она взамен отпустит пленных.

Я на минуту задумался. Кем бы ни был этот человек, думаю, что стоит прислушаться к его мнению, особенно учитывая то, как легко он растворил создаваемое мною заклинание.

— Мы согласны. Что скажет королева?

— Дети — это моя жизнь. Пусть будет так. Но, чтобы всё было честно... Воины убивают воинов — так было всегда. Но дети... Вы посмели убить ребёнка! Своим страшным оружием вы уничтожили нерождённое дитя, а потом этот варвар, ваш целитель, сделал с одним из детей страшное, поэтому и я не могу не ответить...

После этих слов, когда ни я, ни кто-либо ещё не успел ничего сделать, стоявшие позади людей твари резкими движениями пробили насквозь тела Олафа и Терна. Олаф при этом не проронил ни слова, а Терн прошептал одними губами:

— О-то-мсти-и-и...

После чего его безжизненное тело обмякло и рухнуло под ноги тварям.

У Шиары шерсть встала дыбом, а Оло стоял ошарашенный и вопросительно смотрел на незнакомого мужчину, а тот поспешил всех успокоить:

— Тихо! Спокойно! У нас договор! Ничего не предпринимайте!

Ничего не предпринимать? Да кем он себя возомнил? Эта тварь только что уничтожила моих друзей!

Так, нарисовать конструкт, вплести...

— Да твою мать! — выкрикнул я, когда создаваемое заклинание вновь рассыпалось у меня на глазах.

Мои воины уже направили арбалеты на главного арахнида улья, но мужчина взмахнул рукой, и мощный поток воздуха буквально выбил у них оружие из рук.

— Пожалуйста, — терпеливо произнёс он.

— Ну, хорошо, — сквозь зубы процедил я.

Двое отродий выбежало из зала, за ними последовали мы. В этот момент у меня в голове я услышал голос: «Выйди на поверхность — нужно переговорить, а до тех пор помалкивай, у этих стен в прямом смысле есть уши».

Мы поднимались по тоннелю вверх, твари остались в зале с коконами в форме людей и проводили с пленными какие-то манипуляции. Меня просто разрывало от гнева и обиды: Олаф погиб! Пусть он и был жутким и упрямым ворчуном, но он был моим другом. Он объяснил мне основы существования этого мира, ответив на тысячи моих вопросов. А Терн? Этот чернокожий лучник был моим освободителем. Благодаря ему я обрёл свободу на корабле, а ещё он был отличным охотником. Теперь в одно мгновение их не стало и этот псих, кем бы он ни был, говорит: «ничего не предпринимать»? Мы вообще-то пришли, чтобы что-то предпринять, чтобы выжечь дотла это гнездо, не оставив камня на камне и спасти друзей... Зла не хватает, чтобы сделать с ним то, что он заслуживает!

С этими мыслями мы вышли на поверхность. Я болтался на спине полуорка, как дерьмо в проруби. Яркий дневной свет заставлял зажмуриваться и прикрывать глаза, а свежий воздух позволил вздохнуть полной грудью.

Я наслаждался тем, что оказался на поверхности, и в этот момент вновь услышал в голове посторонний голос:

«Не подавай виду, что слышишь меня. Нам это ни к чему. Мы в большой опасности. Я понимаю твои чувства, но выслушай меня, прежде чем что-то предпринять. Меня зовут Харальд, я из Олода и я маг, как ты понял. Достаточно сильный маг, а оттого мне вдвойне стыдно, что я попал в плен к тварям. Но сейчас меня лишили посоха. Без него я почти беспомощен и, кроме пары фокусов, ничего не могу сделать. Пока мы с Оло были в плену, успели достаточно пообщаться, он потом всё тебе расскажет. Мне же, скорее всего, сегодня придётся погибнуть, чтобы выжили вы. Где-то совсем рядом находится подкрепление тварей. Среди них нет обещанного стратега — он придёт ещё нескоро, но, тем не менее, отряд достаточно крупный, чтобы всех нас уничтожить. Как освободят пленных — сразу же уходите. А я уничтожу кладку, а потом задержу подкрепление, насколько смогу. Сейчас я заговорю с тобой нормальной речью, но не подавай вида, что я что-то сказал тебе мысленно. Уверен, что нас слушают, и если узнают о разговоре, то всё пойдёт не так, как я запланировал. И ни слова не говори о наших планах».

— О, спасибо тебе, путник, что внял моим словам и не стал атаковать королеву! Небольшая договорённость с ней беды не принесёт, а вот пользу вполне. Меня, кстати, зовут Харальд, это мой сын — Оло, а вас как величать?

— Я... Что? Оло ваш... Эм. Я Саян.

— Ах, Саян... А вы что же, знакомы с моим сыном?

— Эм. Да, знаком.

— Это его я учил магии, папа.

— Ах, вот как? Тогда понятно, почему он столь рассеян и слаб в магическом искусстве! Ты ведь ещё совсем дитя и тебе самому предстоит многому научиться, прежде чем ты сможешь учить кого-либо другого!

— Но больше некому было...

— И хорошо, что не было! Секреты Олода должны оставаться секретами Олода, так ведь?

— Но если бы он не научился колдовать, то я бы уже погиб, а если бы не погиб, то никто не вытащил бы нас с тобой из плена, папа!

— Никто и не спорит! Что сделано, то сделано! Я ведь не ругаю тебя!

Я решил немного разбавить этот милый семейный разговор и вмешался:

— Простите, Харальд, а как вы, собственно, встретились с Оло? Не просветите меня?

— Конечно-конечно! На самом деле я в плену гораздо дольше, чем мой сын, если, конечно, я правильно могу судить о времени... Ведь когда находишься в коконе, то время идёт немного странно. Видите ли, я исследователь и писатель! По команде руководства нашего государства и по моей собственной инициативе меня отправили на разведку этих земель и для сбора информации о рое, так как сведения, имеющиеся у командования, которые, кстати, я собрал и описал в одном трактате... скажем так: недостаточно полны. Но из-за стечения обстоятельств меня угораздило попасть в плен!

— Уж ни об этом ли трактате идёт речь?

Я достал из-за пазухи книгу, что мне вручил однажды магистр Айн, и показал её мужчине.

— Это невероятно! Это действительно моя книга! Так значит, вы читали мой труд? И как он вам?

— Было интересно. Получил ответы на многие вопросы. Но как победить рой, там не написано.

— Вы правы, мой друг. К сожалению, у меня пока нет ответа на этот вопрос. Вы мне верите?

— Верю. Но у меня есть вопрос: как так вышло, что, когда мы вошли в зал, вы все были не в коконах?

— О! Думаю, что тут всё просто! Твари знали, что вы знакомы с Оло, тигролюдкой и теми двумя... Хм, решив, что так будет легче вести переговоры, они вывели из спячки этих троих, а я...

«Мы мысленно разговаривали с Оло всё время, пока были в плену, знали, что находимся рядом, вот только выбраться не могли» — раздалось у меня в мозгу, при этом ртом Харальд произнёс совсем другое:

— Я был освобождён по просьбе Оло. Он как-то различил мой силуэт среди запрятанных в паутину пленных и просил освободить. Он был очень настойчив.

— Хорошо. И что планируете делать дальше?

— Убраться отсюда подальше и никогда не возвращаться! Хотелось бы сперва отыскать свой посох, только вот твари забрали его и неизвестно куда запрятали!

«Никуда они его не запрятали — он вплетён в паутину вместе с пленными, и как только я до него доберусь, сразу же выжгу здесь всё дотла!»

— Сколько здесь пленных?

— О, сложный вопрос! Там в паутине и не разберёшь особо!

«Думаю, что не менее тысячи разумных. Оружие, если у кого-то и было, отобрано тварями и припрятано. Приведение всех пленных в чувство займёт не меньше пары десятин».

— Эм... Наверное, приведение в чувство пленных займёт какое-то время. Может быть, пока научите меня каким-либо магическим фокусам?

— Что ж... Это можно, хотя и сложно из-за отсутствия у меня посоха...

«Я научу тебя, чему успею, но при одном условии — ты должен позаботиться об Оло. Что бы ни случилось, не дай ему погибнуть!»

Харальд залез во внутренний карман куртки и достал из неё тонкую потёртую брошюрку из грубой бумаги, протянул её мне и сказал:

— Вот. Здесь немного. И это скорее мой дневник с размышлениями, нежели учебник. Но кое-что полезное отсюда всё же можно подчерпнуть.

«А ещё, пока мы были в плену и мысленно общались, я успел многому научить Оло. Он будет тебя учить, а ты сделаешь всё, чтобы его защитить».

— А нет ли случайно способа... В общем, однажды со мной произошёл случай... Один из ваших сотворил какое-то заклинание, и я стал лучше понимать язык, научился читать...

— Неужели? Похоже на высшую магию школы менталистики! — радостно воскликнул Харальд. — Да, такие техники действительно есть, но я, если честно, считал, что они давно утеряны. В любом случае я разведчик, который умеет многое по чуть-чуть. Я хорошо скрываюсь, я средний целитель, немного химеролог, слабый стихийный маг, и самую чуточку знаком с болевым воздействием. Но вот менталистика — это точно не моё. Нет. Я не смогу передать знания напрямую тебе в голову.

— Понятно, а что насчёт пленных? Зачем они тварям?

— Ну, тут всё достаточно просто, хотя и неприятно. Саян, тебя не смутило отсутствие в

логове кладовых?

— Причём здесь... Что? Ты хочешь сказать, что...

— Именно. Именно так и есть.

— То есть они запасают человечину? И ты решил с ними договариваться? Ты в своём уме?

«Тише! Мы всё здесь уничтожим. Но чтобы спасти пленных, придётся поиграть в игру. Ну же, подыграй мне!»

— Саян, ну мы же договорились! Забираем пленных, оставляем в покое яйца и уходим!

— Ладно. Уговорил.

Внутри у меня всё переворачивалось. Хотелось выпотрошить их королеву, намотать на деревья её кишки, затем заставить сожрать собственные яйца, расстрелять, сжечь, а после забетонировать это место и раскатать катком. Но Харальд прав: если напасть сейчас, то без помощи арахнидов мы не приведём пленных в чувство. Хотя Марон вполне мог бы найти способ... Но рисковать нельзя. Будем придерживаться плана отца Оло.

— А что насчёт королевы? Она ведь глава лишь...

— Насколько мне известно, королевы у них что-то вроде наших лордов или герцогов, или наместников, если брать аналоги из известных мне государств, однако функции их носят исключительно мирный характер — размножение, воспитание нового поколения, сбор и выращивание пищи. Войсками командуют другие существа. Королев, точнее, маток у роя много. Сидят под землёй, несут яйца, управляют определённой территорией.

— А кто стоит во главе всего роя? Какой-то особый арахнид, руководитель всех и вся? Или королевы как-то договариваются между собой?

— К сожалению, ответа на этот вопрос у меня нет. Возможен любой вариант.

Мы беседовали так ещё пару десятин, особо важную информацию Харальд передавал мысленно, а в лоб говорил в основном всякую ерунду. Он показал мне несколько новых заклинаний, объяснил принципы, на которых они строятся, а я старательно записывал всё в подаренную мне брошюру. За это время два оставшихся в живых отродья приводили в сознание пленных. Пленные выходили на поверхность растерянными и не всегда понимали, где они и как сюда попали. Ими занимался в основном Марон, остальным я приказал готовиться к пути в Чивуак и держать ушки на макушке на случай неприятностей, которые обязательно будут, если верить магу.

Глава 16.2 Саян. Глубины мрака.

Когда поток пленных иссяк, я велел бойцам и освобождённым двигаться в путь, а сам вместе с Харальдом и Бурым спустился вниз. В опустевшем зале маг подвёл меня к месту, где под многочисленными слоями паутины таился его посох. Достать его обычными способами не представлялось возможным — слишком крепка паутина. Я создал простое огненное заклятие и выжег паутину вокруг оружия.

Если мой посох раньше выглядел как обычный деревянный прут, которым хорошо хлестать, подгоняя пасущихся эйхо, то сейчас увеличился не только мой магический резерв, но и способности посоха к трансформации энергии, что повлекло за собой и его рост. Сейчас он напоминал деревянную школьную указку или заострённую на конце трость. Оружие же Харальда... Это был настоящий посох. Чуть меньше, чем у Гендальфа, и симпатичнее, с узорами и красным полупрозрачным камнем на набалдашнике. Мощь, однако.

Вооружив товарища, я верхом на Буром отправился в гости к королеве. Товарищ поспевал сзади, завистливо поглядывая на мою животину. А может, не завистливо. Он сказал, что разбирается в химерологии, так что наверняка понимает, что я сотворил с бедным медведем немного не то, что нужно.

Королева встретила нас не слишком гостеприимно: зашипела, а двое отродий встали на её защиту.

— Жалкие предатели! Что вы удумали? Я знала, что нельзя доверять жалким хуманам! Вы пригодны лишь в качестве пищи!

— Мы не пища, дрянь! Мы разумные создания. А тебе пора на вегетарианскую диету переходить!

Отродья с визгом бросились на нас, но в это же мгновение с посоха Харальда сорвалась электрическая дуга, пронзившая разом обеих тварей. Вслед за ними огромными клешнями взмахнула королева, желая уничтожить нас одним ударом, но остановилась, словно ударившись о невидимый барьер на расстоянии половины роста от Харальда, а затем тварь отёрнула лапу, словно обожгла.

— Может, сперва поговорим? — спросил маг, обращаясь к чудовищу.

— Нам не о чем говорить, нарушающий договор!

— А вот я считаю иначе.

После этих слов Харальд за считанные мгновения сплёл заклинание, уложив руны в тетраэдр. В тетраэдр, Карл! Силён, однако. Особенно учитывая то, что мне относительно легко даются лишь заклинания с одной, двумя или тремя рунами, то есть круг, отрезок и треугольник. С квадратом уже труднее, а со звездой и вовсе получается лишь через раз. А чем больше рун требует конструктор, тем сложнее творить волшебство. Сколько там вершин у тетраэдра? Двадцать, если не ошибаюсь. А ведь в каждую нужно вплести руну и с помощью воли не дать заклинанию развалиться...

С посоха Харальда сорвался кроваво-красный луч и направился прямо в голову твари. По ушам ударил невероятно громкий крик твари, неутихающий до тех пор, пока маг не прекратил волшебство.

— Ну что, готова ответить на пару вопросов?

— Спрашивай. Всё равно очень скоро ты сдохнешь и ответы не принесут тебе пользы!

— Начнём с простого: кто вы, откуда, как живёте?

— Мы пришли из другого мира.

— Это внезапно вспыхнувший портал открыл вам дорогу?

— Нет. Мы нашли Врата. Долго изучали их, а потом смогли воспользоваться.

— Где находятся эти Врата?

— Одни на Юге. На другом континенте. Ваш народ зовёт его Марион. Другие в нашем родном мире.

— Марион полностью под вашим контролем?

— Да. Мы обитаем там уже вторую сотню лет. С нами живут такие же, как вы.

— То есть люди живут с вами? Мирно?

— Да. И не только люди. Все хуманы: люди, тигролюди, орки, тимурлины и прочие. Они рождаются, живут, любят и ненавидят, радуются и плачут, созидают и разрушают, в точности как вы.

— То есть просто мирно сосуществуют с вами? Тогда зачем вы нападаете на нас? Почему нельзя, к примеру, просто вести торговлю?

— Нельзя вести торговлю с едой. Весь мир должен принадлежать рою.

— Так-так. То есть своей смертью ваши «друзья» не умирают?

— Нет. Они заводят потомство, трудятся на благо роя, а когда приходит время, становятся пищей.

— Так вот он какой, секрет мирного сосуществования! То есть вы хотите превратить весь мир в свою ферму?

— Не только хотим, но и делаем. Один мир уже наш. А благодаря вратам и этот скоро будет нашим.

— Не будет. Мы вас уничтожим.

— Зачем?

— Что значит, зачем? Ты понимаешь, что за вопрос ты задаёшь, чудовище? Вы держите в качестве рабов разумных существ, а потом жрёте их, и ты спрашиваешь, почему мы хотим вас уничтожить?

— Чем плоха участь пленных? Какая разница — умереть от старости или стать пищей? Когда вы хотите есть, вы ведь не спрашиваете у бедного эйхо, жаждет ли он свободы? Вы просто забываете его и едите. Так чем же мы хуже вас? Мы тоже хотим есть, а поглощать долгое время иную пищу мы не можем. Хотя бы единожды в год нам необходимо съесть кого-то умнее лошади. Мы даём пройти подневольным народам весь жизненный цикл, любить, творить, дать потомство, а лишь потом убиваем.

— Как ты можешь сравнивать? Мы не едим разумных!

— Мы тоже.

— То есть ты за разумных нас не считаешь?

— Вы неразумны и примитивны. Не можете общаться на расстоянии, не способны действовать сообща на благо общества. Вы жадны, эгоистичны и мерзки!

— Мне надоело это выслушивать! Сдохни!

После этих слов в зале стало заметно холоднее, с посоха Харальда сорвался ледяной шар и полетел в тушу чудовища. После чего её тело почти мгновенно застыло. Следом маг направил во врага мощный воздушный удар, который разбил застывшую королеву на куски. Голова её отпала, подкатилась к ногам Бурого и разломилась надвое.

Я отправил медведю мысленную команду. Он аккуратно порылся в останках, нашёл

хитросплетённый шипастый орган размером со страусиное яйцо, состоящее из крупных желтоватых чешуек, покрытых длинными прочными шипами. Аккуратно взяв пастью орган, медведь повернул голову назад и потянул его мне. Я убрал его за пазуху. Будет чем порадовать Марона.

Харальд наблюдал за этим довольно равнодушно, а затем сказал:

— Уходи. Быстрее. Враги уже близко. Сейчас я выжгу потомство этой твари, а затем займусь подкреплением. Не думаю, что смогу справиться со всеми, но по крайней мере задержу. Двигайтесь без привалов столько, сколько сможете. А когда остановитесь, то будьте готовы к бою. И передай Оло, что...

— Я понял. Я передам. Спасибо.

Я уже развернулся, чтобы уйти, но меня окликнул маг:

— погоди. Думаю, я успею сделать для тебя ещё кое-что. Не шевелись!

Я так и замер, сидя на медведе, вполоборота развёрнутый к магу. Бурый тоже не шевелился. Маг нашептал какое-то заклинание, вновь используя додекаэдр, и послал его прямо в меня. Я сперва испугался, но затем почувствовал приятное тепло во всём теле, которое всё усиливалось и усиливалось, превратившись уже в не слишком приятное жжение. Я опять хотел испугаться, но увидел, как на коже затягиваются шрамы. В левой руке что-то захрустело, а затем... Я смог пошевелить пальцами ноги. Это было очень неожиданно и приятно.

Занятый ощущениями в теле, я не заметил, как маг наколдовал ещё одно заклинание и направил его в медведя, а затем сказал:

— Ну вот. Теперь всё будет хорошо. Скоро его рост прекратится, и он не погибнет под тяжестью собственного веса. А с химерологией больше не экспериментируй. Ведь рядом может не оказаться того, кто сможет всё исправить. Это очень сложное направление магии, которое требует многих лет для изучения. Хотя у тебя и есть склонности к ней, но... У тебя нет учителя.

Я кивнул магу, не зная, как ещё могу его отблагодарить, и верхом на Буром отправился на выход.

На поверхности мы худо-бедно сумели сгруппировать освобождённых пленников в походную колонну. Впереди отправили небольшой отряд воинов, а позади освобождённых двигалось основное войско. Среди освобождённых было немало тех, кто был способен держать в руках оружие, вот только этого самого оружия нам сейчас не доставало. Даже на изготовление простейших деревянных копий у нас сейчас не было времени. У меня были все основания, чтобы верить Харальду, а значит, скоро здесь окажется крупный отряд тварей, который даже магу его уровня не по плечу, а раз тяжёлой артиллерии не совладать со врагом, нам подавно нужно уносить ноги.

Освобождённых оказалось гораздо больше, чем я ожидал. Я не мог в этой толпе толком сосчитать их, но по моим прикидкам их было около полутора тысяч. Такое количество пеших попутчиков, которые были дезориентированы после выхода из стазиса в коконах тварей, значительно замедляло скорость нашего передвижения. Хорошо хоть одета была большая часть из них соответственно погодным условиям и не должна была замёрзнуть в пути, но вот некоторые точно заработают себе воспаление лёгких или обморожения. К сожалению, с этим мы ничего не могли поделать, ведь запасной одежды у нас не было, а в наших краях была самая настоящая зима, пусть и достаточно мягкая.

Благодаря силе воли и «завр тебя дери!» нам удалось провести в пути двое суток без

остановок, перекусывая прямо на ходу и не останавливаясь до тех пор, пока народ не начал валиться с ног от усталости. Пришлось устраивать привал. Во время привала пришлось раздать остатки провизии людям. Мы не рассчитывали на такое число попутчиков. Следующий раз придётся забить впряжённых в телегу эйхо, чтобы устроить обед, а после придётся держаться на одном лишь желании жить.

Стоит сказать о том, как преобразилось моё тело после заклинания мага! Да я бы сейчас расцеловал Харальда, будь он рядом! Я снова мог ходить! А левая рука была почти как новая! Колено почти перестало хрустеть. Пусть я не вернул былую физическую форму, ходил с трудом, опираясь на трость, не все шрамы затянулись, а в спине что-то регулярно покалывало, но я больше не был инвалидом! Я мог ходить! Бегать! Жить! Оттого настроение, несмотря на довольно паршивую ситуацию и тварей, что нагонят нас со дня на день, было отличным.

Несмотря на мои опасения, во время продолжительного отдыха никто на наш лагерь не напал. Похоже, что благодаря Харальду у нас была хорошая фора. А может быть, ему и вовсе удалось одолеть атаку арахнидов? Это было бы неудивительно, учитывая его навыки боевого мага, так что будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему и драпать до Чивуака как можно быстрее.

Следующий день мы шли, то и дело озираясь. Ничего плохого в этот день не произошло, но ожидание опасности хоть и изматывало, но и прибавляло нам скорости.

Плохое случилось в конце следующего дня. Враг нагнал нас, когда мы уже были в ущелье, отделявшем нас от Чивуака, когда до спасительных стен нам оставалось идти не более двух десятин. Оттого вдвойне обидно было принимать сейчас бой. Очевидно, враг действительно был умён и тоже гнал своих восьмилапых воинов, чтобы не дать нам уйти за спасительные стены.

Мы заблаговременно заметили приближение врага, а оттого успели немного подготовиться к встрече с ним. Освобождённые пленники во главе с Мароном, были отправлены мною дальше, к спасительным стенам. Оло был посажен на единственного оставшегося в живых эйхо и отправлен в город за помощью.

Мы готовились дать бой членистоногим противникам. К нам присоединились два десятка освобождённых, коим мы всё же смогли подобрать оружие, позаимствовав его у убитых ранее товарищей и из собственных резервов, сделав часть универсальных бойцов с арбалетами и клевцами воинами ближнего или дальнего боя.

Честно говоря, когда Харальд говорил про подкрепление, я ожидал увидеть большое количество исчадий, однако на нас напали совсем иные существа. Среди них были бестии — напоминающие пауков твари, что способны выстреливать на небольшие расстояния паутиной и пленить врагов — очевидно, что-то вроде арахнидского спецназа, и отдалённо похожие на исчадий, однако в полтора раза более крупные, с широким приплюснутым телом и двумя крупными клешнями впереди, никогда до этого не виденные мною твари. Похожи на крабов. Так и буду их называть, пока не придумаю более подходящее название для подобных уродин.

Быстро окинув атакующее войско взглядом, я прикинул, что состоит оно примерно из тридцати бестий и такого же количества крабов. Многовато, однако. Бестии способны атаковать на расстоянии, а от крабов вообще пока непонятно, чего ожидать. Я бы предпочёл сейчас сразиться с вдвое большим числом исчадий, чем ожидать подянки со стороны неизвестного врага, но выбирать мне не пришлось.

Мы сгруппировались в один плотно сбитый отряд. Я на Буром занял позицию спереди отряда, так как в пешем строю на огромном медведе стал бы серьёзной опасностью не только для врага, но и для своих, а прятаться за войском в данной ситуации считал не слишком уместным. Мы прикрываем отход безоружных, а соответственно беспомощных, поэтому думать сейчас о собственной безопасности было бы слишком низко. Да, я трус, никогда этого не скрывал, но, когда речь идёт о защите беспомощных, всегда встаю на сторону слабых.

Противник, не то боясь огненных взрывов, не то по каким-то иным соображениям, в противоположность нам рассредоточился, вражеские особи держались обособленно, не рискуя приближаться друг к другу.

Залп арбалетных болтов в противника и сплетённых паутин в нашу сторону вылетел практически одновременно. У противника появились первые раненые, а возможно и убитые, а у нас спеленало липкой субстанцией несколько воинов.

Сегодня я почему-то не испытывал страха перед боем. Не то привык, не то был уверен, что всё пройдёт хорошо.

Во время пути я успел немного почитать дневник Харальда и пару раз побеседовал с Оло. Благодаря чему пополнил свой запас парой боевых заклинаний и научился немного лучше контролировать конструктор во время волшбы.

Поскольку сейчас противник был рассредоточен, я решил не использовать старый добрый фаербол, а рискнуть на более действенное в данной ситуации, однако ранее неопробованное, заклинание цепной молнии, чтобы поразить как можно больше врагов.

Начертил в воздухе конструктор: квадрат, теперь черёд рун: стихийная руна «электричество» в одну из вершин квадрата, за ней руна «переход», затем снова «электричество» и вновь «переход». Вливаю силу в заклинание и взмахом посоха отправляю во врага, что в эту же секунду бросает в меня паутину. Не успеваю сотворить щит, но Бурый принимает паутину на лапу легко, словно жевательную резинку.

Заклинание тем временем достигло цели. Шестеро, похоже, насмерть, а вот седьмой брыкается. Вот-вот поднимется на лапы. Несмотря на эффективность, заклинание выпило почти половину магического резерва. Опустошаю бутылку с восстанавливающей манной жидкостью, начинаю творить вторую цепную молнию, но сбиваюсь: приходится пригнуться, чтобы увернуться от летящей в меня паутины.

Бурый тем временем терзает одну из тварей в зубах, при этом ловко лавируя между клешнями противника, которые выглядят довольно грозно, чтобы нанести серьёзный урон конечностям химеры. От телодвижений косолапого меня болтает в седле так, что я еле удерживаюсь. Естественно, колдовать в этот момент я не могу. Поэтому беру в руку вместо посоха одноручный клевец, чуть отклоняюсь в сторону и бью в панцирь одного из крабов. Впрочем, убить его не удаётся, как и нанести существенного вреда. Этот арахнид покрепче будет, нежели исчадие, броню которого я пробивал без труда, даже будучи калеккой.

Медведь на какое-то время замирает, отбежав на безопасное расстояние от тварей, и терзает в зубах одну из них. Небольшая заминка позволяет мне вновь выхватить посох и приступить к волшбе. Спустя несколько мгновений ещё одна цепная молния ударяет во врага. В неё я влил всю оставшуюся манну, что отражается на результате: девять врагов убито, а десятый едва шевелится. Всё. Искра пуста. Теперь ждать пару десятин, пока благодаря зелью восстановится магический запас. А до того момента можно полагаться лишь на мою химеру да на острый наконечник клевца.

У отряда воинов дела меж тем шли довольно скверно. Разрядив арбалеты, бойцы не успели их перезарядить до подхода врага. Пришлось биться в рукопашной, что было не слишком хорошо. Бести били паутинами издалека, не давая приблизиться, а броня крабов не давала нанести ним существенного урона, да и серьёзного численного перевеса на нашей стороне не было.

Для Бурого я был скорее обузой, нежели помощником в ближнем бою, поэтому я спрыгнул с его спины, чтобы схлестнуться с врагом в рукопашной схватке, а медведь смог вставать на дыбы, отпрыгивать в сторону и делать другие чудеса, которые из-за наездника не мог совершить раньше.

Спрыгнув с него, я приземлился не на землю, а на спину зазевавшемуся крабу, отчего у него даже немного подогнулись ноги. Я как следует замахнулся клевцом и со всей силы ударил им по панцирю твари. На этот раз удар прошёл удачно, и хитиновый панцирь оказался проломлен грозным оружием. Я не думал, что одного удара будет достаточно для убийства существа, и уже замахивался для следующего, однако тварь резко засеменила вправо, будто бы пытаюсь удержать равновесие, а потом у неё подкосились ноги, и она рухнула на землю, отчего я тоже потерял равновесие, но всё же сумел устоять на ногах и нанёс по бронированной голове добивающий удар. Всё. Одной тварью меньше.

Битва кипела. Поле боя превратилось в настоящую мясорубку. Причём наша сторона, похоже, проигрывала. На этот раз козырей в рукаве у меня не было. У меня даже промелькнула позорная мысль: бросить всех, взобраться на Бурого и домчаться до Чивуака, чтобы позвать помощь, но я её быстро подавил. Эти люди доверили мне жизнь, и я лучше умру, чем предам их подобным образом, а за помощью побежал Оло.

Я огляделся по сторонам. Ко мне направлялись сразу три твари явно не с намерениями спросить, всё ли у меня в порядке. Поэтому я буквально взлетел на крупный валун, что был неподалёку от меня, сочтя его достаточно перспективным местом для обороны.

Однажды я уже был в похожей ситуации, и меня спасла способность химеры, полученная ею в результате моего просчёта. Тогда я направил в медведя слабое заклинание электрического урона, а он будто многократно его усилил и нанёс урон всем вокруг, в том числе себе и мне. Я решил повторить этот трюк, благо жалкие крохи манны у меня уже поднакопились.

Взмах посоха — и электрическая искра летит в косолапого. После чего... ничего не происходит, если не считать небольшого обгорелого пятна на филейной части топыгына. Ой. Не получилось. Похоже, что Харальд не просто исцелил химеру от неверно наложенного заклятия, но и лишил её некоторых положительных черт.

Рядом с валуном, на котором я оборонялся, хромал Гвен. Я окрикнул его и протянул руку, живо втянув на валун, буквально вытащив его из клешней краба.

— Командир! Вы уже который раз меня спасаете! — радостно сказал он, заряжая арбалет.

— Нет проблем. Обращайся.

Я попытался пробить клевцом пытающуюся дотянуться до меня клешню краба, но она оказалась слишком прочна. Бестия почему-то не стреляла в нас паутиной, видимо, израсходовала весь боезапас, но при этом быть опасным врагом она не перестала и взобралась на валун, на котором ютились мы с Твеном.

Гвен, резко пригнувшись, поднырнул под неё, не дав ей ни секунды на атаку, и снизу-вверх ударил клевцом. Тварь заверещала, и я добил её ударом прямо в пасть.

Тем временем ситуация на поле боя стала критической. Большую часть нашего войска перебили, тут и там кричали раненые, повсюду валялись отрубленные конечности, мёртвые тела, растекались лужи крови, а у врага ещё было достаточно бойцов, чтобы убить нас, а затем нагнать освобождённых и прикончить уже их.

Несколько воинов пытались убежать с разной степенью успеха. Кого-то настиг враг, а кто-то драпал так, что арахниды не поспевали. Единственной относительно полноценной боевой единицей оставался Бурый, но и его время на исходе, если ничего не изменится. Его уже ранил один из крабов, цапнув за заднюю ногу, и мишка волок её за собой.

Гвену удалось подстрелить из арбалета пару бестий, однако на нас двигалась ещё целая дюжина. Вот сразу две из них взобрались на валун, одновременно замахнулись и замерли, превратившись в ледяные изваяния.

Неужели Харальд выжил и пришёл к нам на помощь? Я уж было обрадовался, но затем увидел, что это Оло вернулся верхом на эйхо, а затем помог нам заклятием.

Не тратя даром времени, я замахнулся оружием и разбил на куски замёрзшего врага.

К сожалению, отряда кавалерии, следующего за ребёнком-магом, не было. Но и его помощь может нас спасти, ведь врагов тоже осталось всего ничего. Гвен продолжал раз за разом разряжать во врага арбалет, Бурый, несмотря на многочисленные раны и напирających врагов, продолжал рвать оных на куски. Оло продолжал волшбу. Решил и я внести свою лепту в нашу возможную победу. Спрыгнул с валуна, замахнувшись непосредственно в воздухе и вонзив остриё оружия в голову врага. Готов. Упав на землю, я перекатился, вскочил на ноги и тут же упал вновь. Что-то, что я не успел разглядеть, играючи уложило меня на лопатки, а в следующее мгновение я увидел перед глазами несущуюся на меня клешню краба, что была больше моей головы.

Пролетали пухлые снежинки, парящий на морозе воздух шёл из моего рта, ко мне приближалась моя смерть.

Глава 17 Олод. Шах и мат

Мне удалось найти способ, который превратил бы магическую энергию в любую иную, тем самым остановив разрушение нашего мира, но уже слишком поздно. Если сделать это, то... (из сохранившихся страниц дневника Эквиллиона).

Крестьянин нагрузил на бедное эйхо поклажу, что весила, наверное, вдвое больше самой животины. Его жена тащила на руках троих малых детей, а на спине в противовес был надет увесистый рюкзак. Себя крестьянин тоже не обделил и едва перебирал ногами, согбенный в три погибели под тяжестью ноши.

Кто-то, наоборот, передвигался налегке, надеясь в новом мире начать новую жизнь с ноля.

Шли плотною толпой через мерцающее полотно арки люди и нелюди, молодые и старые, подгоняемые не столько солдатами, сколько звоном металла и криками, доносящимися откуда-то с соседних улиц. В городе всюду шли бои.

Скоро врата закроют — это знали все, а потому старались успеть попасть в новый мир, толком не понимая даже, что их там ждёт, зато прекрасно осознавая, что остаться в этом они смогут только в качестве рабов агрессора, а то и вовсе погибнут.

Джеремии, наблюдая за всей этой вакханалией в окно, слушал, как верховный магистр Айн делает ему последнее предложение:

— Уверен, что остаёшься? В этом нет нужды, несмотря на разногласия, возникшие между нами в последнее время. Человек с твоими талантами очень бы пригодился нам в новом мире!

— Уверен. Мой дом здесь.

— Раз так... Что ж... Прощай! Ты был верным слугой нашего народа и, несмотря на изрядно подпорченное мое спокойствие, ты был весьма полезен, а мне пора.

После этих слов верховный магистр Айн изобразил лёгкий поклон, что само по себе было делом неслыханным, затем развернулся и ушёл прочь, чтобы с очередной группой переселенцев пройти сквозь врата и попасть в другой мир. Оставшийся в одиночестве глава разведки едва слышно сказал сам себе, ибо магистр уже не мог его слышать:

— Именно, что слугой. Вы никогда не воспринимали меня или моих земляков ровней себе. А как только запахло жареным, сразу поджали хвост и бросились наутёк. Бегите же! Ибо без вас этот мир станет лишь лучше, а с проблемами мы как-нибудь сами разберёмся.

Затем Джереми, с трудом пробившись в свою резиденцию, занялся тем, что у него получалось лучше всего — планированием.

Прокорпев над бумагой целых три дня, получая от своих агентов со всего континента нужные сведения, не тратя времени на сон и прочие излишества, он составил План. В это время в городе шли бои, пылали пожары, многих уводили в рабство, кого-то убивали, а кого-то насиловали. Но никто не смел отвлечь Неназываемого от составления Плана. Лишь когда всё было готово, Джереми позволил себе немного отдохнуть.

Настал черёд воплощения Плана в жизнь, и для исполнения первого пункта он заглянул в закрома своей резиденции и достал длинный продолговатый предмет, обмотанный несколькими слоями грубой ткани. Даже сквозь неё предмет излучал мощнейшие волны энергии, которые ощущал Джереми, что не был магом.

Было бы идеально, если бы он обладал магическими способностями и мог использовать

посох, что остался без хозяина, самостоятельно, но увы, глава разведки магом не был, и для него смертельно опасным было даже простое прикосновение к посоху.

Было бы здорово, если посох можно было бы оставить в подвале и дальше, до лучших времён. Но если оставить всё, как есть, то лучшие времена могут не наступить вовсе.

Хорошо было бы посадить сицилиус на месте загубленной сицилиусовой рощи, чтобы через несколько лет возникла новая. Но просчитав все «за» и «против», Джереми пришёл к выводу, что придётся использовать всего лишь неплохой вариант, а потому вручил посох верному посыльному и отправил его на юг...

Но на юг отправился не только посох. Питаемый жаждой мести, в Чивуак под видом простого беженца, минуя людные тракты, двинулся из осаждённой столицы Арзамар, используя подземные ходы. Он даже и не подозревал, что следом за ним через несколько дней в новую столицу Эйлонии движется и его посох. Он был уверен, что его грозное и разумное оружие уже находится по ту сторону врат. И если бы его разум не застигала пелена ненависти, то он бы легко почувствовал близкое присутствие своего молчаливого боевого товарища.

***

— Сержант, мы высадились не там! Или вообще это был не тот поворот реки, и нужно было сворачивать направо ещё три дня назад!

— Нет! Быть этого не может, товарищ капитан! Я правил как полагается! Мы на месте. Вон там карьер, где местные проводили раскопки, а здесь был наш лагерь!

— Но тогда где же врата сержанта? Где всё оборудование?

— Известно где. Экспроприировали, полагаю, в связи с нуждами местного народонаселения.

— Да твою же дивизию, так вас всех и эдак! И какого рожна мы тогда сюда плыли?

— Активный туризм, товарищ капитан!

— Два грёбаных месяца на вёслах, сержант! У меня мозоли на руках размером с грецкие орехи! Два месяца! У мамонта в заднице видел я такой туризм!

— Ну... Проверили правоту Елены хотя бы. Девка, выходит, была права, и мы попусту потеряли время.

— Права — не права! Все умны задним умом, как я посмотрю! Раньше надо было думать! На гауптвахту бы вас всех за такой ум отправить, очки тереть! М-да... Засада... Будут предложения по дальнейшим действиям?

— Дорога домой оказалась закрыта. Поэтому стоит сделать, как предложила Елена Николаевна — построить новый дом здесь.

— Значит... Предлагаешь возвращаться в Чи... виус?

— В Чивуак, товарищ капитан! Полагаю, что это лучший вариант для нас. Отдохнём пару дней, ноги разомнём на суше, да можно назад двигаться. А то если останемся здесь, то тоже начнём со скуки друг в друга дерьмом кидаться, как те обезьянки. Там хотя бы примитивная цивилизация есть, люди и нелюди.

— Так значит, Лена была права, а я нет?

— Так точно!

— Засада...

— Она самая.

Глава 18 Каварл. Время войн.

Первойцо создало мир и катарянцев, чтобы они могли показать себя, явить миру свою суть, поэтому жизнь земная является лишь предвестником того, что будет после смерти (отрывок из Кодекса катарянцев).

Корабль благодаря попутному ветру прибыл не с утра, а поздно вечером. Это позволило начать погрузку раньше, чем мы планировали, и выиграть немного времени, отправившись в путь уже утром.

Когда мы отплыли, то я понял, что ничего страшного в сплаве по реке нет и неприятен был лишь прошлый мой вояж с гоблином, очевидно, именно из-за присутствия в моей компании последнего. Присутствовал он и в этот раз, но из-за наличия в отряде большого числа разумных он несколько дистанцировался. Можно было и вовсе бросить его здесь, ведь Кодекс не велит привечать подобных созданий, но я к нему уже привязался. Пусть это будет мой персональный грех перед Первойцом, но я не хотел избавляться от этого гоблина. Тем более, что в последнее время он будто бы поднабрался ума. Разговаривал всё более сносно, начал иногда мыться и даже ходил в одежде по собственному желанию без напоминаний. Может быть, всё же Кодекс неверен, и гоблины — разумные существа, а не животные? Хм. Нет. Не может такого быть. Нужно гнать прочь дурные мысли, иначе до добра они не доведут.

Наш корабль двигался в авангарде, следом за ним плыли вёсельные суда, а где-то за горизонтом, отстав от нас, волочились лодки и плоты со снаряжением и воинами, которым не хватило места на более удобном и быстром транспорте. Когда нас доставят в нужное место, коим я избрал неприметный городок на юге центральной провинции Олода, то корабли вернутся за остальными воинами, которые должны будут уже сгруппироваться в Брильме. Чтобы увезти всех одновременно, у нас недостаточно транспорта, да и отряды некоторых государств ещё только на подходе.

Немалую помощь в походе оказал король Тарлии, который не только выделил немало солдат и провизии, но и, словно паук, дёргая за невидимые нити, решал организационные вопросы. Благодаря ему без проблем нашлись и подходящие суда, и люди, что могли с ними совладать. Поэтому путь по реке был прост и доставлял скорее удовольствие, нежели хлопоты.

Но, несмотря на вышесказанное, я не расслаблялся. Ежедневно тренировался сам и требовал того же от остальных, по вечерам планировал грядущие битвы, погряз в схемах и чертежах, истратил огромное количество бумаги, составляя тактические схемы.

А ещё я не питал иллюзий насчёт короля Тарлии. Да, он был максимально любезен, оказал должную помощь, организовал союзников. Но слишком уж он был хитёр, на мой взгляд, и запросто мог вести двойную игру, решая проблемы, о которых дипломатично умолчал. Очень уж он непрост и излишне улыбчив, чтобы всё было так просто. Так что, хоть я и собираюсь беречь каждого воина, но если возникнет ситуация, когда нужно будет кого-то отправить на рискованное дело, то это будут тимурлины.

Связавшись в один из дней пути через переговорное устройство с правителем Беллмора, я выяснил, что заключённые и некоторое количество рабов, о которых я просил, уже приведены в Брильм и готовы выступить в поход. Но им придётся подождать возвращения флота. Пока же специально назначенные люди займутся их тренировкой и воспитанием,

чтобы из стада, способного убить командира, они превратились хотя бы в жалкое подобие воинов. Число их, кстати, составило, к моему удивлению, целых пять тысяч разумных и гоблинов, а это немалая прибавка к уже и так значительному войску, что было в моём распоряжении, но пока всё же недостаточная для победы. А поскольку я не горю желанием пасть смертью храбрых, но глупых, мне придётся потратить ещё какое-то время, чтобы пополнить численность своего войска. Не говоря уже о том времени, что я потрачу, чтобы взять под контроль, пусть даже частично, остатки Олода.

Я старался не допускать смешивания в одном отряде воинов разных рас разумных. Ведь это не только нецелесообразно, так как разные расы обладают различной силой и выносливостью, но и может приводить к конфликтам. Не всех может замотивировать то, что у нас великая конечная цель — спасение Триала от арахнидов. Большинство солдат не видят дальше собственного носа и способны воевать лишь за жалование, а некоторые пошли в армию и вовсе лишь потому, что не было другого пути. Но я никого не виню. Видеть конечную цель — дело командира. Воину достаточно содержать в порядке доспехи, быть сильным и чётко выполнять приказы. Тем не менее, инициативу среди простых воинов необходимо поощрять. Именно из инициативных простых воинов чаще всего вырастают лучшие командиры. Об этом не говорится в Кодексе. Это моё личное наблюдение.

Весна давала знать о себе всё сильнее и сильнее, а оттого Гладь, до того значительно обмелевшая, с каждым днём становилась полноводнее, а течение её ускорялось. Да и мои воины не сидели без дела, а работали вёслами, когда это было необходимо, поэтому до Юго-Восточной провинции Олода мы добрались всего лишь за неделю, под вечер десятого дня. А вечером одиннадцатого, проплыв по реке несколько десятин, встали на якорь возле небольшой олодской деревушки, чтобы получить информацию.

Я, взяв с собой несколько стражников, решил разведать обстановку и высадиться на берег. Испуганные крестьяне, едва завидев наши корабли, перепугались и кинулись врассыпную. Оставшиеся же скрылись в неизвестном направлении, когда увидели, как я в сопровождении Морта, Джанга, Пада, Мэнди, ещё пятерых эльфов и такого же количества тимурлинов высадился на берег.

Пришлось немало усилий потратить, чтобы разыскать в этой Первойцом забытой деревушке хоть одного разумного. Первым дрожащего от страха местного жителя нашёл Джанг, заглянув в укромно стоящую в зарослях тростника бочку. Открыв её, он вытащил оттуда за шкуру дрожащего человека и поставил перед собой.

— По-по-по-жалуйста! Н-не т-т-рогайте меня! Я всего лишь бе-е-едный крестьянин! У меня нич-чего нет, кроме трудовых мозолей, грыжи и четырнадцати детей. Пож-пож-жалуйста!

— Мэнди, он случайно не твой родственник? — спросил я у эльфа.

— Н-н-нет, в-в-ваше в-в-в-еличество! А с-с-с ч-ч-чего вы в-в-взяли? Я в-в-ведь э-э-эльф, а он ч-ч-человек! — испуганно ответил эльф.

— Да так. Просто подумал, — ответил я прибывшемуся к моему отряду эльфу, а затем обратился уже к крестьянину, — Не бойся! Никто ничего тебе не сделает, низменный! Скажи лучше, а чего это ты так испугался? Что-то я не припомню, чтобы люди в Олоде были забитыми и запуганными, а на тебя смотреть жалко! Хотя нет, лучше давай по порядку. Как зовут? Кто такой? Чего испугался? Где все? Что вокруг творится? И смотри не заикайся, а то тоже пристрою тебя дерьмо за эйхо убирать.

Крестьянин испуганно сглотнул, будто я ему предлагал со скалы броситься, затем

набрал в грудь побольше воздуха и ответил:

— Зовут меня Болът. Крестьянин я. Всю жизнь был. И таким и остался. И отец мой крестьянин, и дети такие же оборванцы выросли. Пашем землю, сеем, жнём. Испугался, потому что война идёт, а вы, стало быть, интервенты. Вот. Да и все того же мнения, вот и разбежались, кто куда. Кто вас знает, захватчиков, что на уме у вас? Не то убьёте, не то живьём закопаете, а авось и в плен угоните. Не надобно нам этого! Всю жизнь на земле спину гнём и дальше того же хотим. В рабы не желаем. Вокруг война идёт. С севера враги лезут, с востока да с запада. Вы вот с реки высадились, стало быть, теперь и с юга полезли.

— Мы не враги. Наоборот, хотим помочь Олоду с врагами справиться, хотя это и не главная наша цель.

— Ящер? Помочь? Да как же так? Вы ведь нашего брата захватывать пришли! Не верю я тебе, морда хладнокровная, так что секретов не выдам государственных, хоть и не ведаю я их!

— Вот, чтобы с теми катариянцами разобраться, я и пришёл. Так что зря не веришь. А то, что секретов не знаешь, оно и понятно. Откуда простому крестьянину секреты будут известны? Кстати, назвать катариянца ящером — то же самое, что назвать человека обезьяной, так что будь вежливее, иначе велю на кол посадить.

У человека глаза из орбит на лоб вылезли.

— Понял! Прошу прощения! Это я по дурной крестьянской привычке так выразился. Красивых слов не ведаю, вот и...

— Верю-верю. Лучше скажи, что о врагах знаешь? Далеко ли армия катариянцев? Кто ещё воюет против Олода?

— Того до конца не ведаю, товарищ катариянец. Знаю, что ваши напали, и вроде как столица уже в осаде. Ещё столицу зеленокожие осаждают вместе с ними. Правители наши пока отбиваются, но со дня на день падёт столица. А на севере и востоке все, кто ни попадя, напали: и гоблины, и эльфы и прочая нелюдь.

— Ясно. Что же, благодарю тебя за информацию. Нам пора. Держи монету за то, что всё рассказал, — я кинул ему один серебряный, который крестьянин ловко поймал и тут же куда-то спрятал.

Похоже, что всё было примерно так, как я и предполагал. Жаль, что столица уже в осаде — мы можем не успеть на выручку. Да и, кроме того, у крестьянина не может быть свежей достоверной информации. Максимум слухи недельной давности, так что возможно, что столица уже пала. Хотя и в этом случае у нас будет небольшое преимущество — враг не должен знать о том, что к юго-востоку имеются крупные силы неприятеля, и мы можем застать его врасплох. Но всё же стоит поспешить — неприятель близко, так что стоит как можно быстрее сгруппировать имеющиеся у меня силы, чтобы самому не быть внезапно атакованным.

Поэтому я решил не возвращаться на корабль, а наоборот, высадить войско, отправить флот обратно в Брильм за остальной частью войск, и двигаться дальше пешим ходом до центральной провинции. Изначально я планировал добраться туда на корабле в комфорте и спокойной обстановке, но сейчас решил скорректировать план. Ведь дальше река делает крутой поворот на юг, огибает выступ суши, а затем разворачивается и течёт на север, делая значительный крюк. Таким образом до центральной провинции отсюда мы можем за одно и то же время добраться как по суше, так и по реке. Поскольку в этом году весна наступила рано, а нам нужно как можно скорее отпустить флот, дальше мы пойдём пешком.

Ночь была беспокойной. Воины спешно покидали корабли, обозники выгружали припасы. На берегу собирались разобранные телеги, в которые затем впрягали эйхо. Поэтому большинству из нас было не до сна, и утром, сонные, мы двинулись в путь.

Мы двигались по старому тракту, окольцовывающему всю территорию Олода. Олодцы, как и катарянцы, прекрасно знают, что лишь хорошие дороги способны удержать в целостности огромную страну, поэтому уделяют содержанию дорог большое внимание. Дорога была ровной и мощёной. И тем удивительнее было то, что в течение всего дня мы не встретили войск олодцев. Даже одиноких патрулей. Возможно, все войска противника сейчас заняты на других фронтах, а здесь они не рассчитывали на появление кого-либо, но подобное спокойствие могло быть и ловушкой, а потому мы выслали во все стороны несколько отрядов разведчиков, что должны были каждую десятину докладывать нам об обстановке. Однако до самого вечера ничего, кроме мирных деревень с испуганными гражданами, нам не встретилось.

Вечером, когда мы встали на ночлег, с помощью артефакта со мной связалась королева нага. Я всё никак не мог привыкнуть к подобному способу общения. На удивление дивный артефакт был у меня в руках! Да, и в моей родной Империи под землёй можно отыскать немало диковинных вещей, но о подобных штуках раньше мне слышать не доводилось.

— Каварл, — поприветствовала меня Астра, королева наг.

— Астра, рад видеть тебя, моя хладнокровная сестра, — ответил я, искренне улыбнувшись.

— У меня мало времени, поэтому буду кратка. Гомбло что-то замышляет. Мне нужно знать, ты с ним заодно?

— Хм. Я сразу понял, что он не так прост, как хочет казаться. Он умён и хитёр. Было бы странно, если бы он ничего не замышлял. Но я не знаю, что именно он затевает, и тем более я не заодно с ним.

— Что ж. Довольно убедительно. Наверное, глупо, но я тебе верю. Уж не знаю почему, но ещё тогда на приёме ты вызвал у меня уважение и симпатию, Каварл. Я до конца не уверена, но мои люди доложили, что я в опасности и виной тому Гомбло Плублумс. Я уйду из Тарли и возвращаюсь домой, в Эльг. Будет слишком опасно двигаться открыто, поэтому мне придётся искать иные пути, так что я не смогу связаться с тобой и помочь в управлении моими войсками. Учти это.

— Хорошо, учту.

— А ещё – не доверяй войску тимурлинов. На всякий случай.

— Я не доверяю никому, моя хладнокровная сестра.

— Вот и отлично. Ещё я советую тебе на всякий случай уничтожить артефакт, что у тебя в руках. По крайней мере я поступлю так после разговора с тобой. Боюсь, что Гомбло может с его помощью следить за нами, ведь это его археологи когда-то нашли это средство связи. Прощай, мой хладнокровный брат.

— Прощай. Я подумаю над твоим предложением.

Я не до конца понял, зачем затеяла этот разговор Астра, поэтому не стал особо её о чём-то спрашивать или, наоборот, слишком откровенничать. Возможно, позже я и найду ответ на этот вопрос, но пока это абсолютно неважно, поэтому я занялся другими делами, ведь их у командира немерено.

Для начала я подумал над уничтожением артефакта. Рассудив, что не стоит действовать необдуманно и несмотря на слежку, устройство может быть полезно в дальнейшем мне

самому, я решил связаться с остальными владельцами артефактов. Но, к моему удивлению, мне не ответил никто, кроме Мелисанды, что забрала артефакт у шпиона Гомбло. После того, как я ответил, что ещё не иду помогать уничтожать тварей и занят другими делами, мне пришлось выслушать продолжительную череду оскорблений, после которых человеческая самка прекратила разговор и на дальнейшие вызовы не откликалась. Оскорблённый подобным разговором, в гневе я всё же уничтожил артефакт, разбив его своим оружием.

На следующий день один из патрулей сообщил, что столкнулся с отрядом олодцев. Обошлось без жертв, но нас заметили, после чего отряд аборигенов спешно удалился. Самое главное, что не случилось кровопролития. Олодцы в этой войне — мои союзники, и главное — не допустить сражения с ними. Проблема в том, что они об этом не знают. У них нет артефакта, аналогичного моему, с помощью которого я мог бы с ними переговорить. Мы для них — ещё одни противники, высадившиеся на их территории. Я мог бы отправить послов, которые сообщили бы о моих намерениях, но я не знал, куда сейчас можно их отправить. Столица в осаде или вовсе пала, где и кто сейчас старший, одному лишь Первойцу известно.

Через несколько дней, двигаясь по тракту, мы добрались до южной оконечности центральной провинции Олода. Здесь, оставив войска на поручение Джанга и взяв с собой Морта, гоблина, который сдружился с эльфом, и самого эльфа, который неожиданно стал другом Паду, я сел на отправленную за мной с противоположного берега лодку, и переправился на другую сторону Глади.

Здесь меня встретили, хоть и недостаточно вежливо и без полагающихся почестей. Что с них взять? Дикари, не знакомые с катаринским Кодексом.

Поднявшись из поймы реки, я окинул быстрым взглядом встречающих. Здесь было, возможно, чуть больше тысячи вооружённых стальными клевцами воинов. Из знакомых мне разумных были Рикс, Саян и раздражённая Мелисанда с большим животом — она была беременна. Женщина явно была раздражена и заговорила первой:

— Ваше величество! Вы ведь собираетесь увести их всех, не так ли? Иначе зачем просили привести сюда всех воинов, припасы, эйхо? Но так нельзя! Вы — наш король! Вы обязаны защищать нас, а не уходить в столь опасное время неизвестно куда, лишая единственных защитников! Скоро сюда явятся арахниды! Мы должны...

— Спокойно, моя дорогая, прояви немного терпения! — сказал я, немного повысив голос. — Я рад, что вы вняли моим сообщениям, рад, что забрали устройство связи у агента Гомбло. Надеюсь, вы посадили его под стражу? Да? Отлично. Тогда слушайте! Отныне я не король, а император. Поэтому обращайтесь ко мне как подобает. Вы не владеете теми сведениями, что владею я. Я не собираюсь отдавать врагу земли, которыми правлю. Но враг — это не только арахниды. Я великий правитель, а потому и врагов у меня великое множество! Я законный правитель Великой Катаринской Империи, а потому обязан вернуть себе утраченные земли. Поэтому не смей...

Неожиданно меня ударили. Мне по щеке прилетела пощёчина от Мелисанды, отчего я на несколько мгновений впал в ступор, Джанг вытащил из ножен на поясе меч, эльф пытаясь наложить на тетиву стрелу, но запнулся и упал, а Пад принялся смеяться как ненормальный.

— Из-за твоих амбиций мы все умрём! — кричала она.

— Не смей, низменная! Ещё одна такая выходка, и ты умрёшь прямо здесь и сейчас, вместе с неродившимся ребёнком. Вместо истерик ты могла бы приложить побольше усилий и собрать должное число воинов, чтобы твой император был в безопасности!

— Мы и так сделали практически невозможное, ящер! В нищей стране мы сумели собрать войско, захватить Гарк, подготовиться к обороне и привести тебе полторы тысячи вооружённых воинов! И ради чего? Ради того, чтобы мы погибли здесь, пока ты будешь возвращать себе трон!

— Если тебя так страшит смерть, то можешь помочь мне на моём нелёгком пути. Вы все можете пойти, кроме Саяна. Он однажды предал меня, а мне в строю предатели не нужны.

Саян хмуро посмотрел на меня.

— Нет. Мы нужны здесь. Мы остаёмся, даже если нас ждёт смерть, — ответил Рикс.

— Рикс, для тебя это не предложение. Для тебя это приказ. Ты уже показал себя, как умелый полководец. Ты понадобишься мне, а поэтому идёшь со мной. Это не обсуждается.

Рикс виновато посмотрел на Мелисанду, после чего сказал:

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

— Ну вот. Хоть один сообразительный среди разумных нашёлся. Делает, что велят, обращается, как должно. Остальные, раз не желаете уходить, вот и вам приказ: соберите нужное число воинов, что будут защищать проходы в ущельях и, когда нападут твари, держите оборону столько, сколько потребуется. Мне плевать на то, где вы возьмёте ещё солдат! Ставьте в строй стариков, женщин и детей, если потребуется, но к моему приходу ни один арахнид не должен попасть на территорию Эйлонии. Ясно?

Однако никто не спешил отвечать.

— Надеюсь, что мы поняли друг друга. Рикс, организуй переброс войск на противоположный берег! Что ж, я предлагал вам пойти со мной. Раз желающих нет, тогда... Если кто-то решит сбежать в Олод, испугавшись тварей, знайте, что в Олоде не так много мест, где можно высадиться. Все они будут охраняться моими воинами, которые будут убивать всех, кто пожелает сбежать! Так что удачно оставаться. А мне пора. Ах да! Чуть не забыл! Мэнди Ванди Мо останется с вами присматривать за вами. А вы присмотрите за ним.

Я вернулся на другой берег к основному войску. Здесь меня ждал один сюрприз. К нам прибыл посыльный от командования Олода. Он сообщил, что его руководство хочет со мной переговорить и показал на карте место, в котором я могу встретиться с его командиром. Я разузнал у него о дислокации войск Олода и противников. Он рассказал, что знал, и я отблагодарил его и сказал, что он может быть свободен, после чего отправился к себе в шатёр и погрузился в сон. На следующий день, когда воздух немного прогрелся, мы отправились в путь.

Как я узнал от посыльного, столица уже пала. Там всюду свирепствуют как орки, так и армия Корто. Весьма прискорбно, ведь именно туда я собирался отправиться. Ещё от посыльного мне стало известно, что весь север и северо-восток Олода также занят многочисленными врагами. Сопrotивляется только центральная часть, юго-восток и восток. Южная провинция большей частью захвачена орками, сейчас они всю её разграбляют, уводя в плен всех молодых и сильных её жителей и убивая старых и слабых, забирают всё, что плохо лежит, а что не могут унести, сжигают и разрушают. Один-два месяца — и там останется безжизненная пустыня. Ещё орки оккупировали всё побережье центральной провинции южнее столицы. Уцелевшие войска Олода сейчас сконцентрированы к юго-востоку от столицы, а ещё немного юго-восточнее находится место, куда пригласил меня для переговоров гонец олодцев.

Я разделил свои войска, большую часть армии под командованием Рикса отправив в

уюжную провинцию. У меня есть серьёзный разговор к оркам, который, надеюсь, закончится для меня положительно. Малую часть армии без обоза, усадив на самых быстрых эйхо, я возглавил сам и отправился на переговоры. Не знаю, чем они закончатся, но не думаю, что оставшиеся олодцы захотят видеть в моём лице врага и нападут, так что не думаю, что стоит чего-либо опасаться. Что гонец мог быть шпионом Корто, я не боялся, ибо, даже если и так, впереди лишь степи, и устроить нам засаду ему не удастся. Мы сумеем вовремя уйти и встретиться со второй частью армии.

Через два дня мы вошли в лагерь олодцев. К моему разочарованию, здесь явно не было ни одного мага. Лишь обычные, пусть и хорошо подготовленные, воины, что располагались в простых шатрах, наскоро сооружённых палатках, а кто-то и вовсе ночевал на улице. Не слишком обнадёживающее зрелище. Хотя число воинов достаточно велико, а подготовка и снаряжение не хуже, чем у катарянцев.

На въезде нас встретили стражники. Нас уже ждали, а потому пропустили в центр лагеря без проблем. В центре стоял большой потрёпанный шатёр.

— Хм. Неожиданно. Я ожидал увидеть на твоём месте кого-то из магов, — сказал я.

— И кого же именно? Магистра Айна в белом платье, верхом на завре? — поспешил пошутить мой собеседник.

Человек в необычной шляпе с полями, качественной кожаной куртке, простых штанах, белой рубахе, с кнутом для погони скота на поясе стоял напротив меня. Человек, имени которого я так и не смог узнать, когда был в Олоде в прошлый раз.

— В прошлый раз я был твоим заложником и по твоей воле отправился в Чивуак. Сейчас у нас несколько иное соотношение сил. Не так ли? Так может быть, пора представиться?

— Джереми. Зови меня Джереми.

Казалось, после прошлой нашей встречи он сильно постарел, хотя и прошло меньше года. Лицо осунулось, он похудел и выглядел уставшим, как каучуковая подошва обуви после перехода через пустыню. Голос тоже утерять былую уверенность и азарт, и я понял, что дела у защищающихся идут ещё более скверно, чем я предполагал.

— С чем пришёл, Каварл? С миром, надеюсь? А то врагов у нас и без того хватает.

— С предложением присоединиться ко мне.

— Смело. Учитывая, что вокруг тебя боеспособное войско, способное расправиться с тобой за считанные мгновения.

— Лучше бы это войско расправилось с гоблинами, эльфами и орками, что вторглись на ваши земли.

— Ты не упомянул катарянцев.

— Они мне ещё понадобятся. Катарянский трон я собираюсь вернуть себе и надеюсь на ваше содействие.

— Враг врага — мой друг, значит?

— Именно.

— Ты предлагаешь союз?

— Не союз. Олода мёртв и бьётся в агонии. Мне не с кем заключать союз. Поэтому вы присягнёте мне на верность. Под моим началом Эйлония и бывшая территория Гарка. Со мною объединённое войско из центра мира. Присоединяйтесь ко мне и вместе мы прогоним захватчиков!

— Зайди в шатёр. Нужно переговорить с глазу на глаз.

Я слез со своего скакуна, меня сопроводили Морт и Джанг. Остальным я велел ждать снаружи. Внутри было почти пусто. Лишь по периметру шатра были сооружены простые лежаки из соломы, на большей части из которых спали разумные, а в центре располагался стол с картой местности и расставленными сверху различными фигурками.

— Честно говоря, я в отчаянии, — признался Джереми.

— Что-то не слишком похоже на тебя. В прошлый раз ты вёл себя иначе.

— Да знаю я! — крикнул человек, а после уже спокойно добавил. — Одно дело, когда за тобой стоит самое сильное государство на всём Триале, а другое... Когда ты пытаешься спасти то, что от него осталось, и не знаешь, что делать.

— Где же маги и всё ваше хвалёное руководство?

— Бежали. Все.

— Куда же, если не секрет? На Марион или Халион, надо полагать?

— Дальше. Воспользовались древним артефактом и с его помощью ушли в другой мир, взяв с собой рабов, воинов, всех магов, много простых крестьян и ремесленников.

— Занятно. В таком случае моё предложение становится ещё более актуальным для тебя. Прими его, и твоя голова не будет болеть о том, о чём не должна. Мне нужны умелые помощники. Возглавишь мою тайную канцелярию, а об остальном я позабочусь сам.

— Я думал... Думал... Напасть... Потом отступить... Думал, что смогу защитить Олод что маги бегут зря... Но, оказалось, что...

— Тише, успокойся, теплокровный. Ты ничего не мог поделать.

— Да... И похоже, что ты прав. Но это ведь будет предательством моей страны...

— Ты никого не предаёшь, в отличие от бежавших магов. Напротив, ты защитишь тех, кто остался, не дашь обратить их в рабство. А я, когда верну себе трон, обещаю вернуть свободу всем уведённым в плен олодцам.

— В таком случае... Если ты даёшь слово, то я согласен.

Он протянул мне руку, и я пожал её, хотя и не подобает императору так поступать. Кодекс не одобряет столь близкого общения со своими слугами, но коль уж я нарушил его единожды, то не стоит переживать и по поводу последующих раз.

— Что мне делать... ваше императорское величество?

— Сколько у тебя солдат?

— Точно не могу сказать. Многие погибли, когда мы прорывались из столицы, потом кто-то присоединился. Думаю, что не больше десяти тысяч.

Прискорбно видеть, что командир не знает, сколько у него бойцов. Но не стоит винить Джереми. Он прекрасный глава тайной канцелярии, но ужасный воевода.

— Хорошо. Хотя я и рассчитывал на большее. Объяви всем, что теперь вы подчиняетесь мне. Джанг возглавит твоё войско. А ты займись тем, что у тебя лучше всего получается. Мне нужны сведения о дислокации противника, о том, сколько у них воинов, сколько верховых, на сколько хватит провизии, их планы, мысли, желания. Мне нужно знать всё! Кроме того, займись поиском их соглядатаев в нашем стане.

— Сделаю.

— И ещё кое-что. Что насчёт... материального вопроса? Как сейчас идёт снабжение? Удалось ли спасти казну?

— Все жители нашей страны сейчас сплотились, как никогда прежде, ведь они понимают, что когда враг придёт, то их ждёт рабство или смерть. Поэтому они помогают всем, чем могут. Кто-то передаёт скот, кто-то зерно, а кто-то сам просится в ополчение. С

казной всё хуже. Архимаг велел вывести всё золото через ворота в другой мир. Кое-что осталось, но это крохи.

— Ясно. Пусть эти крохи передадут МОРТУ. Он ими займётся.

Мы вышли из шатра. Джереми созвал командиров отрядов и объявил всем о том, что уступает мне место командира. Среди командования начался спор. Не всем нравилось то, что они теперь будут под командованием чужеземца, тем более что катаряны были их основными врагами. Пришлось мне вновь проявлять свои ораторские таланты.

— Граждане Олода! Воины! Я понимаю ваши чувства. Вы хотите защитить родину от чужеземцев, одним из которых являюсь я. Но я не враг вам. Я — ваш единственный союзник на этой войне. Но если мы будем биться порознь, то проиграем. Нам нужно объединиться под одним флагом, как пальцы объединяются в кулак, чтобы нанести удар!

— Так какого завтра мы должны объединиться под твоим флагом, ящерица? Джереми, что ты учудил? — выкрикнул кто-то из командиров.

Не дав Джереми слова, я продолжил:

— Всё просто! Ваши правители бросили вас на произвол судьбы в столь тяжёлый момент! Сейчас у вас нет достойного правителя, кто мог бы повести вас в бой. Я же не оставил свой трон и свой народ, даже несмотря на то, что мне пришлось бежать из родной страны и скрываться. Даже несмотря на это я жажду лишь блага для Великой Катарянской Империи, а потому хочу вернуть себе трон! Присоединяйтесь ко мне, и вместе мы победим! Вместо двух великих держав, Олода и Империи, будет одна, ещё более великая! А вместе мы одолеем любого соперника!

В рядах воинов, что толпою стояли вокруг нас, начались шепотки. Похоже, моя речь начинала убеждать их. Но тот же командир продолжил:

— А зачем нам присоединяться к тебе, а не к Корто? Вы, ящеры, всех прочих разумных считаете низменными, и никогда мы не будем равней вам! Мы для вас лишь слуги и рабы. Так какая нам разница, к кому присоединяться, к тебе или к Корто, если всё одно станем прислугой?

— Есть в твоих словах правда, незнакомец. Действительно, Кодекс — великий документ, которым руководствуется наш народ в любых вопросах, гласит, что катаряны являются высшей расой, а остальные низменными, а гоблинов и вовсе велит причислять к животным. Но посмотрите на мой отряд! У меня на равных служат и катаряны, и гоблины, и эльфы. А когда я одержу победу над Корто, то совершу то, на что не осмеливался ни один другой катарянец. Я велю изменить Кодекс. И каждый разумный, будь он хоть человеком, хоть тимурлином, хоть даже гоблином, будет считаться равней катарянам. Это моё слово.

— Что ж, если так... Тогда я... Мы присягаем тебе на верность! Давайте, ребята, вставайте на одно колено! И пусть этот хладнокровный поможет нам отбить наши земли от захватчиков!

Раздались дружные возгласы, воины преклоняли колени передо мной. Похоже, этот человек пользуется в армии Олода даже большим авторитетом, чем Джереми.

— Как тебя зовут, человек?

— Тит. Капитан Тит.

— Поднимись с колен, Тит. Я вижу, что ты умелый воин. Я хотел оставить с вами Джанга, чтобы он руководил вами, но как я вижу, ты более опытен в военном деле, поэтому я назначаю тебя главным здесь.

Джанг был не слишком рад тому, что не он будет командиром. Но промолчал. Ничего, я

ещё дам ему шанс проявить себя.

Какое-то время мне понадобилось на то, чтобы обговорить нашу дальнейшую стратегию. По моему плану, я с прибывшим сюда отрядом и с конницей олодцев сейчас отправимся в южную провинцию, где встретимся с отрядом, которым командует Рикс. Вместе мы устроим оркам западню, которую они не ожидают. В это время Тит займётся тем, что будет щипать войско неприятеля, что громит и грабит сейчас столицу, с помощью регулярных вылазок. И будет постепенно отводить воинов, не давая решительного сражения, а лишь замедляя врага и нанося ему точечный урон. Так они должны будут отступить на юг центральной провинции, где встретятся с моими войсками, что ещё не отправились из Брильма на кораблях. К этому моменту я должен буду покончить с орками, после чего поведу войско на юг центральной провинции, где мы наконец объединим наши силы и отправимся навстречу ослабленному врагу, и будем его теснить, а возможно, даже постараемся окружить. Пусть у Корто и больше воинов, но сейчас они рассеяны на большой территории, а мы ударим одним кулаком, сильно ослабив врага.

Также нужно отметить, что, помимо солдат Олода, в этот день я заполучил немало диковинных осадных орудий олодцев, которые могут оказать существенное влияние на исход любого боя.

Глава 19 Саян. Жизнь и смерть.

Кто решит стать исследователем, подобно мне, пусть знает, что главное в нашем деле не ум и не сила, а смелость, потому что в путешествии многое зависит именно от неё (отрывок из трактата, подаренного Саяну магистром Айном).

Я во сне? Или нет? Что такое сон? Кто такой я? Что-то не так. Всё неправильно. Проходит какое-то время, прежде чем мне удаётся ответить на эти вопросы и прийти в себя. Я всё же во сне. В зыбком, рыхлом и болезненном сне.

Голос. Он что-то говорит, или даже кричит, будто бы пытаюсь до меня докричаться. Здесь плохо ощущается время, но, похоже, он потратил его немало, прежде чем сумел до меня докричаться:

— Саян.

Я ответил даже не словами, а мыслями, что хаотически роились в моем беспокойном разуме. Удерживать контроль над ними было невыносимо тяжело:

— Слушаю. Почему. Нет. Просьбы? Убить!

— Саян, ты погибаешь.

— Нет! Желание жить. Любовь. Дом. Мелисанда. Семья.

— Ты тяжело ранен. С такими травмами не живут.

— Я хочу. Жажду жить. С такой травмой. С любой.

— Я могу тебе помочь, но ненадолго. Мои нынешние возможности сильно ограничены и, хотя и позволяют тебя спасти, для этого мне придётся потратить очень много собственных сил. Сделай я так и в ближайшие годы не смогу связываться ни с тобой, ни с кем-либо ещё, хотя и смогу видеть. Избранному я тоже не смогу помогать в это время. Я останусь один на один с кровососами — не самая приятная перспектива. Согласен?

— Смерть хуже. Помоги!

— Ах вот как? — Голос, похоже, смеялся. Он сегодня на удивление красноречив. В отличие от меня. — Что ж, я помогу. Моих возможностей хватит, чтобы продлить твоё существование на три-четыре года, но не более, а дальше выкручивайся сам. Но я не бескорыстное создание, поэтому мне понадобится ответная услуга: ты должен прибыть на Марион, высадиться аккуратно возле северных скал, где их сменяет равнина. Затем пойдёшь вдоль гор на Восток. Чутьё подскажет тебе более точное направление.

— Что там?

— Там ты прекратишь мои страдания. Но ты должен идти с как можно меньшим отрядом, так как большое число разумных неизбежно привлечёт ненужное внимание, а малым числом есть шансы дойти. Обязательно возьми с собой избранного — только он способен прекратить наступление роя. И ещё кое-что. Как только у тебя появится возможность, сразу же отправляйся на Халион. Там безопасно. Рою туда не добраться. А ещё там можно найти много полезного, что поможет тебе, когда ты отправишься помогать мне. Это всё. Я слишком много сил потратил на разговор с тобой, если продолжу — их не хватит на твоё спасение. В следующий раз поговорим при личной встрече. Проснись и живи!

Пробуждение было похлеще, чем после выпускного. Похлеще десяти выпускных, совмещённых с днём рождения, новым годом и свадьбой. Похоже, что я не дышал какое-то время, так как очнувшись, ощутил острый недостаток кислорода и судорожно вздохнул. Грудная клетка на это отозвалась острой болью, которая в свою очередь заставила

закричать. Крик вышел так себе, ведь рот оказался заполнен кровью и грязью. Я перевернулся на живот, чтобы выплюнуть всю мерзость. Проплевавшись, понял, что нужно осмотреться и понять, что вокруг происходит.

Вокруг, как ни странно, не происходило ровным счётом ничего. Ничего значимого, если быть точным. Уже начало темнеть, хотя помнится, светило было в зените до того, как огромная клешня гигантского краба пронеслась мне навстречу. Вокруг дымили догорающие останки, подождённые не то моей магией, не то заклинаниями Оло.

Повсюду валялись искалеченные тела людей и тварей, будто бы по ущелью прокатилась жуткая гигантская мясорубка. Не было вокруг ни одной живой души.

Что же здесь произошло? И чем закончился бой?

Я поднялся на ноги, кряхтя, словно столетний дед, осмотрелся ещё раз. Обнаружил неподалёку свой посох и клевец, а после отправился в сторону Чивуака. Чем дальше я шёл, тем больше мне не нравилось увиденное. Трупов тварей было слишком много. Как и трупов людей. Со мной не было столько воинов...

Вдали показались укрепления. Возле них и на них кипела какая-то возня, мельтешили тёмные пятна, едва различимые во мраке ночи. Похоже, отряд тварей, чего я и опасался, оказался не единственным, и, еле расправившись с одним, моим товарищам пришлось бороться с другими. Я поспешил к стенам, так как почувствовал, что мой резерв манны наполовину полон, и решил помочь товарищам.

В огромном тёмном пятне я не сразу узнал Бурого, не столько даже из-за темноты, сколько из-за многочисленных ран. Задние ноги были изранены так, что он не мог на них стоять и лишь вяло отбивался передними. Шерсть слиплась от крови, а на морде кусками свисали обрывки кожи, из тела торчало несколько обломанных кусков лап тварей.

У стены стояло несколько воинов, с трудом отбивающихся от нападающего врага, а со стен им помогали многочисленные стрелки, стрелы которых не особо пробивали толстую броню новых тварей.

Оло тоже был на стене, но лишь хмуро смотрел на бойню — манны у него, судя по всему, уже не осталось.

Зато у меня эта энергия была, и я поспешил на выручку выжившим. Враг не ожидал нападения с тыла и всецело увлёкся боем, что позволило мне спокойно наколдовать несколько фаерболов, прежде чем меня заметили. Огненные шары были маленькими, бил я точно, боясь задеть взрывом людей.

Тут твари сдрейфили. Их и так оставалось немного, а теперь, получив удар с тыла, они не на шутку испугались, а потом и вовсе запаниковали, подставляя бойцам у стен уязвимую спину.

Я был не в лучшей физической форме, а оттого плохо запомнил события того вечера, поэтому подробностей схватки не запомнил. Могу лишь сказать, что, потеряв запас манны, половину десятины времени и ещё троих бойцов мы одержали верх в этой битве.

Я рухнул на колени. Бурый лежал на земле, не то умерев, не то просто потеряв много крови и энергии. Наверное, мне должно было быть жалко его и павших воинов, но у меня не было на это сил.

Не помню точно, что было дальше, но осознал я себя вновь, лишь когда Мелисанда шептала какие-то упрёки в адрес нерадивого мужа, желающего беременную жену оставить вдовой, и протирала моё тело влажной тряпкой, стирая грязь, кровь и пот.

Уснул я без сил. Когда проснулся, сил немного прибавилось, я исполнил супружеский

долг и плотно позавтракал. Мелисанда отправилась вершить государственные дела, и я остался предоставлен самому себе.

Бурый, как я выяснил, был жив, но так и остался за стеной, ибо с последнего моего здесь появления стена существенно подросла, а вот ворота на ней не появились. Если людей затаскивали на стену специальным подъёмным краном, то с подъёмом огромной туши медведя возникли сложности. Нужно будет придумать способ затащить его на эту сторону, ведь на той довольно опасно, да и здесь он мне нужнее, а пока пусть восстанавливает силы и подъедает убитых врагов.

Немного отдохнув, я осмотрел свои раны. От былых травм остались лишь незначительные следы, зато появилась новая. Я нащупал огромный шрам, что тянулся вокруг всей шеи.

Чтобы получше его рассмотреть, я отправился к Лене и попросил у неё зеркало. Не припомню что-то, чтобы мне отрывали голову... Или отрывали? Неужели тот краб своей клешней... Нет. Не мог ведь Голос прирастить мне её обратно! Хотя, судя по моим поступкам, орган этот для меня не является жизненно важным, а значит, я мог провести какое-то время без головы.

Вернув зеркало, я поболтал с Леной. В этот раз говорили мы уже как старые добрые знакомые, а не как кошка с собакой. Всё-таки у нас с ней, можно сказать, общее прошлое, ведь прошло оно на одной планете, так что ругаться нам не стоит.

Кроме того, Лена признала, что мой план по вылазке на территорию врага был не так уж и плох, как ей изначально казалось. Да, большая часть из сотни воинов, что были со мной, погибла, зато мы спасли гораздо больше пленных, разорили гнездо врага, узнали много нового, встретили новых противников, эффективный способ борьбы с которыми теперь предстоит придумать, да и часть воинов, что отправилась со мной, всё же выжила.

Несколько дней я провёл, помогая кузнецу Гравиусу в производстве стали, а по вечерам практиковал новые магические техники. Долго успокаивать Оло, вновь потерявшего отца, не пришлось. Мальчик воспринял утрату как должное и проводил большую часть времени в тренировках со мной.

Через какое-то время пришла весть от Каварла: с помощью артефакта у своего соглядатая и у себя он передал приказ выдвигаться с войском к Глади.

Соглядатая мы обезвредили, артефакт изъяли — нам нужнее. Штуковина оказалась занятной — что-то вроде мобильного телефона с очень непривычным дизайном и со встроенной видеосвязью. А вышки связи где? Или эта штука от «трах-тибидох» работает? Опять вопросы без ответов.

В общем, как бы оно там ни было, нам пришлось в срочном порядке паковать чемоданы и под предводительством Рикса выдвигаться на север, вместе с немалым войском. К руководству меня не подпускали, и правильно делали, ибо уже так наруководил, что и дюжина командиров не наворотит. В общем, показал я себя как организатор с наихудшей стороны, почти полностью угробив вверенных людей и нелюдей. То, что спас при этом значительно больше, в зачёт не идёт.

В любом случае, одному мне сподручнее, а командует пусть моя половинка — у неё это неплохо получается, несмотря на увеличивающийся не по дням, а по часам живот, таящий в себе новую жизнь, которую я буду защищать всеми лапами.

Я же, на пару с Оло, выполнял роль магического сопровождения — эдакого танка бронзового века, хотя непонятно, зачем вообще Каварлу понадобилось войско возле Глади. С

кем он там собрался воевать?

Бурого пришлось оставить в Чивуаке. Да, нам удалось протащить его через стену, пролив литры пота, изведя гору стройматериалов и угробив психическое здоровье парочке зодчих. Нам даже пришлось разобрать часть стены для этой спецоперации. Но, к сожалению, косолапый был не в лучшей физической форме. Многочисленные раны ещё не зажили, даже несмотря на обилие пищи, в качестве которой Топтыгин использовал павших тварей.

Мы теперь, кстати, тоже не брезговали есть врагов. Не знаю, какие на вкус настоящие крабы, так как никогда не пробовал, но эти гиганты весьма недурны.

Отведать плоть тварей нас заставило не дикарское желание съесть сердце коварного врага и стать столь же большим и сильным, а банальный дефицит провизии. Население Чивуака росло ежедневно, а скромных налогов, собираемых с нищего населения, уже не хватало, чтобы покрывать всё возрастающие расходы на армию и строительство.

Может быть, Каварл притащил как раз богатые подарки, чтобы расплатиться с воинами?

Однако вскоре мы с ним встретились, и я понял, что всё не так радужно, как я надеялся. Хотя войскам он всё же заплатил, но в то же время, не слушая никаких доводов, увёл всех с собой. Даже Рикса. Ну вот, шли, надеясь на помощь, а помощь оказалась нужна самому Каварлу.

Взамен ящер дал нам заикающегося эльфа и пригрозил расправой, если кто-то попытается бежать в Олод через реку. Расстроенные, вчетвером с Мелисандой, Оло и Мэнди потопали мы домой в Чивуак, приводить в порядок народное хозяйство и подыскивать неофитов для воссоздания армии. Благо что есть ещё немного времени и можно успеть худо-бедно подготовиться. Возможно, придётся поставить под ружьё стариков, женщин и детей, но мы справимся. Иначе — смерть. И пусть Олода уже нет, но дорога на север для нас закрыта, на что мягко намекнул Каварл. И я не сомневаюсь, что он выставит на том берегу охрану, которая не даст взбираться на берег беженцам в удобных местах, коих не слишком много, а потому перекрыть их не составляет труда.

Радовало лишь то, что в Чивуаке осталось несколько опытных бойцов, что были ранены, а потому их не оказалось сейчас с нами. В их числе был огромный орк по имени Грюнт, у которого, насколько я знал, был немалый боевой опыт. Также остался в живых мой знакомый Гвен, которому я несколько раз спасал жизнь. Учитывая то, что у нас было два мага — я и Оло, эльф Мэнди, что наверняка был прекрасным лучником, Мелисанда, которая умело командовала большим числом людей, и моя землячка Лена, которая прекрасно разбиралась в укреплениях, думаю, мы выстоим.

Дорога домой не слишком пугала, несмотря на то что шли мы без сопровождения армии. Мы с Оло сами как армия. Хоть и маленькая.

Когда вернулись, Мелисанда тут же принялась за набор рекрутов, Лена по-прежнему руководила стройкой века, а я решил продумать тактику против нового противника.

Стрелы плохо брали новых тварей, а значит, следовало менять вооружение. Огнестрел мы, к сожалению, сделать пока не могли, несмотря на наличие необходимой информации на ноутбуке Лены. Уголь у нас был, а вот с серой и селитрой всё было ровным счётом никак. Их попросту не было в округе, и я понятия не имел, где взять. Это не говоря о трудностях, которые могут возникнуть при литье пушек.

Поэтому пришлось заняться модернизацией арбалетов. Первым делом дал указание Гравиусу изготовить металлические наконечники для болтов. Затем, поговорив с плотником, дал ему команду делать болты из более тяжёлой древесины.

Пришёл черёд самих арбалетов. Слабым местом была непрочная тетива. Не имея подходящих материалов для её укрепления, я вновь использовал магию, благо навыки свои в последнее время я изрядно прокачал. Проверил — прочно.

Последним штрихом в модернизации было изменение формы самого арбалета. Для этого я нагло стырил схему оружия с ноута Лены.

Тестовый выстрел оказался успешным, пробив панцирь дохлой твари. Покончив с улучшением конструкции, я объяснил труженикам из кузницы Гравиуса, что от них требуется, ибо сборкой оружия занимались именно они. Следующие два дня я провёл, занимаясь зачарованием заготовок для тетив, увеличивая их прочность.

Затем немного модифицировал стационарные орудия, повысив скорость заряжения, точность и силу выстрела.

Идеи улучшений на какое-то время закончились, и я решил создать для грядущей битвы немного воинов. Именно создать, а не найти или подготовить. Я не умел делать големов, ибо даже олодцы по большей части растеряли знания об этом направлении магии. Но я худо-бедно мог создавать химер. Материала, правда, подходящего почти не было.

Животное для химеризации должно изначально быть хотя бы немного послушным, иначе после превращения или даже во время него оно может тебя сожрать.

Эйхо не годились, так как уже являлись потомками выведенных олодцами химер.

Идеально подошли бы на роль химер собаки, но их по какой-то неизвестной мне причине этот мир не знал. А вот лошади были. Гораздо мельче, чем мы привыкли видеть в родном мире, чуть крупнее пони, но были они довольно послушными, а грозные боевые качества должна была дать им моя волшба.

Бюджет наш был скуден, а оттого выданных мне Мелисандой средств хватило лишь на покупку десятка лошадок. Превращали мы их в химер вместе с Оло, а оттого бьющих током монстров не вышло — мальчик знал, что делает. В отличие от дяди Саяна. Мы применяли сложные составные заклинания на каждую часть тела животных.

Лошади становились крупнее день ото дня. Зубы приобретали более хищный вид, нрав стал немного агрессивнее, на лбу у каждой химеры проклюнулся рог.

Покончив с созданием химер, я занялся улучшением себя. Чтобы не смущать лишней раз горожан, многие из которых никогда даже не слышали про магию, я отправился тренироваться в небольшую чащу, что к северу от Чивуака.

Я сосредоточился, начертил в воздухе посохом конструкт — звезду. Нарисовал в воздухе пальцами руны: отталкивание, разрушение, ускорение, хрупкость, воздух, и разместил их в вершинах конструкта. Затем с помощью силы воли швырнул вперёд кинетический удар — и засохшая сосна перестала существовать! Во все стороны полетели щепки, труха и опилки.

— Вот ты где, мразь! — неожиданно раздался у меня за спиной грубый, неприятный и столь знакомый голос, о котором я уже и думать забыл.

Я резко обернулся и тут же покрылся холодным потом, ибо теперь точно узнал человека, стоящего передо мной. Арзамар. У моего недруга не было посоха, что немного удивило меня, зато был автомат Калашникова, что удивило уже больше. Неожиданно. Наткнулся на корабль с Андреем и отобрал? Возможно. А возможно, экспроприировал ещё на Халионе во время нападения на экспедицию Лены.

— Не сгинул, вонючее отродье? Очень хорошо. Ведь я хотел тебя прикончить сам и с удовольствием сделаю это!

— Пушки детям не игрушки. Так что положи лучше эту штучку, дядя, на землю, а то

мало ли, поранишься ещё. Где взял, кстати? — я старался говорить максимально нагло и уверенно, однако на последних словах голос всё же предательски дрогнул, когда я вспомнил о пытках, через которые прошёл.

— Не пытайся меня заговорить, мерзкий детоубийца! Где взял — там уже нет! А теперь сдохни!

Всё решали мгновения. Я не сомневался в том, что этот нехороший человек сумел разобраться в том, как работает оружие, и выстрелить для него не проблема. Но вот только я тоже разобрался в том, как работает оружие недруга, так что мы были на равных.

Арзамар снял автомат с предохранителя. Я мог бы попытаться сотворить заклинание, но у меня не было на это времени. Пуля, насколько я мог судить, исходя из своего жизненного опыта, была быстрее фаербола.

Поэтому я разогнался и прыгнул на противника ровно в тот момент, когда он нажал на спусковой крючок. Я выставил руку вперёд. И...

И видимо, надоело мне умирать и терять сознание, но в последний момент я отвёл дуло автомата в сторону, опалив руку струёй пламени из пламегасителя, но очередь прошла мимо.

Просчитался Арзамар. Ему хватило ума, чтобы разобраться, как работает неведомое оружие, но вот опыта стрельбы у него не было, а оттого он даже не подумал, что стрелять и убивать калаш может не только с расстояния десятка шагов, а с сотни метров и более.

Но радоваться было рано, ибо я всего лишь отбил первую атаку, а сам при этом завалился на землю вместе с мучителем.

И мы, сплетясь, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей... Тьфу! Придёт же такое в голову в подобный момент. Нет, я явно ушибленный.

Упав, я прижал руками грозный огнестрел к земле, чтобы не схлопотать раскалённый кусочек смерти в брюхо. Мне там посторонние предметы не нужны, если, конечно, это не пирожки с капустой или пряники на худой конец, и попадать должны они туда исключительно через пищевод.

Но враг оказался не так прост, как хотелось бы. Свободной рукой достал откуда-то нож, и, пока я изо всех сил пытался отобрать автомат, пырнул меня в живот. Я был без какого-либо доспеха, оттого не встретившее преграды остро заточенное лезвие утонуло в податливой плоти по самую рукоять. Арзамар продолжил бы меня колоть своим оружием и дальше, будто молочного поросёнка, но я из-за кипевшего в крови адреналина боли не почувствовал и прижал к земле коленом вторую руку врага. Нож остался торчать в ране.

Мне наконец удалось выхватить автомат из рук врага, но не успел я обрадоваться, как он укусил меня в бедро. На этот раз боль пришла сразу. Я вскрикнул и сам завалился на землю, не успевая выстрелить, отбрасывая автомат подальше в сторону.

Арзамар, освободившись от сидящей верхом на нём туши, резво вскочил на ноги, будто игрушка-неваляшка, и кинулся за упавшим неподалёку калашом.

Я выгащил из-за спины посох. Быстро рисую конструкт, даже не задумываясь над его формой, получается квадрат; придумываю заклинание на ходу и вставляю в вершины руны: охлаждение, отталкивание, ускорение, усиление, и отправляю во врага. Морозное облако летит в Арзамара и попадает ровно в тот момент, когда противник, подняв автомат, развернулся лицом ко мне.

Истязатель, что мучал меня с помощью безумного сподручного около года назад, становится неподвижным под действием заклинания, превратившись в ледяную статую.

Чтобы наверняка завершить бой, я решил разбить статую. Поднял ногу для удара и что

было сил пнул врага. Живот пронзила боль, страшной которой могут быть только сожжение живьём на костре, роды и поход к стоматологу. Я вспомнил про рану в животе.

Покончить с противником красиво, как Чак Норрис, не удалось. Пришлось хромать на безопасное расстояние, колдовать кинетический удар, который и разнёс давнего недруга на мелкие части.

Я подобрал автомат, нашарил в сумке неприятеля три рожка с патронами, а затем, так и не вытащив из живота кинжал, хромя и истекая кровью потопал обратно в город, где меня подлает Марон и Оло, а попутно попытаюсь понять, по какой такой причине один из сильнейших магов Олода заявился на бой со мной без посоха, ведь это всё равно, что тигр, напав на коосу, не кусал бы её, а пытался забить до смерти хвостом.

Глава 20 Каварл.

Кто посмеет изменить Кодекс, да будет проклят навеки и не увидит свет Первоййца (отрывок из Кодекса катарянцев).

С помощью посыльных мы без труда отыскали место, где базировался Рикс со своей частью войска. Как оказалось, благодаря помощи местных он уже кое-что разузнал о состоянии дел в провинции. Провинция была захвачена Олодом не слишком давно, но местные даже не считали себя олодцами и ностальгии по прежней власти не испытывали. Однако это не избавило их от трагической участи. Сдававшихся уводили в плен, а старых и больных казнили вместе с теми, кто оказывал какое-то сопротивление. В провинции была настоящая бойня, а двигались орки, сметая всё на своём пути, тем более что сметать, кроме живого товара, здесь было особо нечего, ведь совсем недавно все материальные ценности отсюда вывезли сами олодцы, а новыми жители обзавестись не успели.

Ввиду отсутствия гор золота, полных винных погребов и тучных стад домашних животных, разграбление этих земель не заняло у орков много времени, и основная часть их войска группировалась сейчас в центре провинции, чтобы двинуться дальше на северо-восток, в центральную провинцию, которая была намного богаче, а разграблено в ней было лишь побережье и столица. Там было чем поживиться, а оттого зеленокожие торопились, чтобы успеть заполучить свой кусок пирога. И судя по словам местных, они слишком уверены в себе, оттого не ждут атаки и совсем не готовы к приходу незваных гостей, которыми мы собираемся стать.

Среди войска, что я забрал в подвластной мне Эйлонии, нашлось два десятка орков, которые должны сыграть ключевую роль в моём плане. У орков нет единого войска и единого командира. Да, у них есть правитель, власть которого никто не смеет оспаривать, есть и старшие в любом отряде, но войско собирается из отдельных кланов, каждый из которых волен делать то, что ему вздумается, если, конечно, это не противоречит приказам воевод. Строгого учёта числа воинов нет. А оттого отличают они друг друга исключительно по цвету кожи: зелёный, значит, свой, иного цвета — враг. Это позволило нам убить несколько зеленокожих, рыщущих в округе в поисках добычи, и забрать их скакунов и снаряжение.

Затем мы переодели во вражеские доспехи орков из моего отряда и отправили в стан врага на разведку. Я не боялся, что мои орки перейдут на сторону врага, ведь они были родом не из империи орков, а из соседних с ним государств, а значит, яро ненавидели своих имперских братьев, которые их когда-то пленили и продали Олоду, откуда им удалось сбежать и добраться до Эйлонии.

Через два дня разведчики вернулись и сообщили, что орков не менее шести тысяч. В войске есть как опытные крупные вояки, так и молодые юнцы, недавно прошедшие через праздник Светила, а некоторые и вовсе ещё считаются детьми. Но все они хорошо вооружены и оснащены. Но это не страшно. Я забрал с собой половину олодцев, а вместе с эйлонийцами и войском из центра мира у меня насчитывается пятнадцать тысяч бойцов. Вполне достаточно, чтобы уничтожить зеленокожих, но у меня сейчас другие планы.

Мы выслали несколько отрядов из лучших воинов, чтобы уничтожить патрули зеленокожих. Всё происходило ночью. Командовал этой спецоперацией Джанг. Он давно был со мной и всё ждал возможности доказать мне и самому себе, что из него выйдет

хороший командир. И доказал. Ночная операция прошла успешно, и мы без проблем приблизились к орочьему лагерю, взяв его в кольцо.

Все стражники были уничтожены, и я, несмотря на советы моих людей, единолично тайно проник в лагерь к спящему врагу. Мы могли с лёгкостью перебить большую часть их воинов, пока они спали. Приближался рассвет, время крепкого сна что у орков, что у других разумных. Но, как я и говорил, у меня были планы на счёт зеленокожих.

Я долго бродил по их лагерю, пытаюсь определить, где же находится воевода, что не даёт разбежаться этому сброду. Так и не сумев определить, какой шатёр принадлежит ему, я слегка скорректировал свой план. У одного из почти затухших костров я нашёл гонг, в который, скорее всего, требуется бить, если лагерю грозит какая-то опасность, будь то неприятель или пожар. И вместо того, чтобы аккуратно пройти мимо, я отвязал привязанного неподалёку эйхо, взобрался на него, подскочил к гонгу и со всей силы ударил по нему боковиной клевца. Раздался оглушающий звук вибрирующей бронзы, а орки стали в недоумении выскакивать из палаток.

— Тревога! — кричал я, чтобы ещё сильнее запутать бедных орков. — Враг в городе!

— Где-где? Бить-бить! — завопил огромный орк со спущенными штанами, пробежав мимо меня с дубиной и поправляя портки.

— Зови воеводу, скорее! Пока не поздно!

— Моя звать!

После этих слов орк удалился и скрылся в одном из шатров. Я думал, что воевода находится там, и уже хотел направиться в его сторону, но тут сзади меня окликнули таким тоном, что у меня не возникло сомнений, что это именно воевода:

— Ты ещё что за ящерица? И что ты тут делаешь?

Что ж, говорит он достаточно чисто, без привычного для орков упрощения речи, значит, и впрямь не рядовой боец. Окончательно я понял это, когда обернулся. На его доспехе было столько украшений из золота, что было непонятно, как он такую тяжесть таскает на себе.

— Ну что же вы все такие неоригинальные? Ящерица, хладнокровный... Неужели на большее фантазии не хватает? Ах да, я не представился. Я — твой выбор.

— Что за чертовщину ты несёшь? Какой ещё выбор? Какого завра ты разбудил весь лагерь, что тебе нужно?

— Видишь ли, воевода, моё войско окружило твоё, и сейчас ты должен принять решение. Мы можем перестрелять вас, будто мелких зубатов, или вы можете присягнуть мне на верность.

— Да ты с ума сошёл, ящерица! Эй, Бонг, где часовые? Почему они пропустили этого недотёпу? — выкрикнул старший орк кому-то из подчинённых.

— Молчать часовые! Похоже, все мёртвый!

— Вот недотёпы! Тупое стадо! Каждому нужно ткнуть пальцем, чтобы хоть чего-то добиться! Хоть сам в караул ходи, чтобы никто не подошёл! Жалкие кворки! Да чтоб вас всех Мать драглов сожрала! Мы что, и в самом деле окружены, Бонг?

— Да, враги вокруг стоят! Больше, чем нас. Опасно!

Сквозь зубы воевода процедил:

— И что ты хочешь... Катарианец?

— Поклянись мне в верности, воевода, вели отпустить всех пленных, что вы ещё не увезли в империю, и прекрати набеги на ещё не разграбленные деревни.

— А копьё в задницу не желаешь заполучить, катаринанец?

— Нет. Но предлагаю честный поединок, один на один. Если ты побеждаешь, то мы уходим и не трогаем вас. Если я побеждаю, то ты соглашаешься на мои условия.

— Поединок? А ты уверен, что силёнок хватит, чтобы в честном бою победить воеводу орков?

— Я высшее существо и победить орка для меня не сложнее, чем почесать хвост.

— Тогда хватит трепаться! Давай к делу!

Я и сам не хотел трепаться, поэтому поспешил как можно скорее расставить все точки над «і». Слез с эйхо, положил на землю арбалет, оставив в руках лишь клевец. Орк скинул с себя украшенный золотом доспех, под которым оказался ещё один классический орочий доспех для командиров. Весьма удобный, между прочим, не слишком тяжёлый и прочный.

Затем воевода выхватил у одного из стоявших рядом воинов щит и меч, а после крикнул:

— Честный поединок. До угрозы жизни. Никому не вмешиваться!

После чего побежал на меня также резво, как бежит гепард за своей добычей. Он прикрывался щитом, словно таран, и занёс меч для удара над головой. Я парировал удар мечом с помощью клевца, и в это же время нанёс ногой удар в щит противника, чтобы его затормозить. Это оказалось непросто, ведь он был значительно выше меня и тяжелее. Этот живой таран протолкал меня по песку на добрый рост, прежде чем мои когти глубоко засели в землю и смогли его остановить. В это же время, парировав удар, я продолжил движение клевца и увёл меч врага в сторону, а сам тем временем подался вперёд и нанёс удар локтем ему в подбородок, после чего отскочил от своего противника.

Полученный удар заставил орка действовать чуть осмотрительнее. Он чуть присел, будто стараясь спрятать за круглым щитом как можно большую часть себя. Это было прекрасной возможностью для атаки, и я прыгнул в сторону соперника с ещё большей прытью, чем он спустя несколько мгновений понесся на меня.

Я постарался нанести как можно более резкий и неожиданный удар, и мне это удалось. Такой удар не мог отбить никто. Кроме воеводы орков. Воеводами просто так не становятся.

Я хотел выбить ударом клевца щит из рук врага, но он успел подать его чуть вперёд, и в результате и его щит, и моё оружие улетели в сторону. Я остался безоружным, а потому, не сбавляя скорости, подскочил к орку, схватив за кисть с мечом, и ударил её об колено, чтобы выбить оружие из его рук, и это мне удалось, но я подставил сопернику спину, чем он тут же воспользовался, схватив меня за хвост. После он резко дёрнул и стал вертеться, не выпуская меня из лап. Я взмыл в воздух, мир перед глазами закружился в причудливом танце, а хвост пронзила жуткая боль. Не на такой бой я рассчитывал. Раскрутив меня до невероятной скорости, орк больше не мог удерживать меня и разжал хватку. Я полетел в сторону одного из шатров, но осознал это, уже когда запутался в его ткани. Приземление вышло мягким, но я запутался. Я вместе с тканью шатра стал перекатываться по земле, одновременно с этим рвя ткань когтями и зубами. Я слышал шаги приближающегося соперника и буквально чувствовал, как он заносит меч, что успел подобрать, для решающего удара, а потому, едва освободившись, я наугад бросил остатки сковывавшей меня ткани и вскочил на ноги.

Я угадал с направлением броска, запутав в ткани воеводу, и пока он не выпутался, прыгнул на него сзади и сомкнул зубы на его шее. Я сжал челюсти изо всех сил, и в шее воеводы что-то хрустнуло.

Тут я услышал крик Бонга:

— Остановись! Ты победил!

Я разжал челюсти и спрыгнул со спины соперника. Орк пошатнулся, развернулся,

посмотрел на меня мутным взглядом и невольно припал на одно колено, не в силах удержать равновесие. Я испугался, что нанёс ему смертельную рану, но спустя несколько мгновений он сумел подняться на ноги и сказал:

— Что ж, ты достойный соперник, ящер, и победа твоя. Но я всё равно не могу выполнить всех твоих условий. Я служу императору орков и дал ему клятву верности, а потому не могу его предать.

— Зато он не давал клятвы верности Корто Грульдосу. Я абсолютно в этом уверен. Ведь так?

— Так. Твой сородич был инициатором и договорился с нашим правителем о совместной атаке, щедро одарив его и разрешив грабить те земли Олода, которые мы захотим. Никакой клятвы не было и быть не могло.

— Тогда никаких проблем я не вижу. Тебе не нужно предавать императора. Ты здесь руководишь разными кланами и следишь, чтобы во время грабежей они отправляли положенную долю императору, ну и, естественно, тебе. Я предлагаю тебе продолжить этим заниматься, но уже в другом месте. Ты вместе со своим войском пойдёшь против Корто. У него немало золота, уж поверь мне.

— Но с ним другой наш воевода и он на его стороне! Мы не воюем друг против друга!

— Тогда реши вопрос с ним мирно. Второй ваш воевода вместе с войском катарянец штурмовал столицу. А в столице Олода наверняка достаточно ценностей, чтобы можно было вернуться в родные степи с весомой добычей. Ты сможешь убедить его уйти?

— Думаю, что да.

— Тогда одной проблемой меньше. Вели воинам склонить предо мной колени, и я поведу вас в бой!

— Да будет так.

Зеленокожее воинство склонилось предо мной.

Сразу после я велел своему войску войти в лагерь бывшего противника. Здесь мы остановились на стоянку, перегруппировались. Я связался с помощью артефакта с центром мира, чтобы выяснить, как обстоят дела с погрузкой войск. Как оказалось, оставшаяся часть воинов уже была в пути, преодолевая водные просторы Глади. Значит, всё идёт именно так, как я и задумал. Ещё какое-то время я общался с воеводой, из прокушенной шеи которого только сейчас перестала литься кровь. Как оказалось, его звали Квинтус. В Олод вторглись войска орков под его командованием и ещё одного воеводы, что сейчас занят грабежом столицы. Ещё трое воевод находятся в орочьей империи. Один из них сторожит границу с Великой Катарянской Империей, другой — столицу, а третий — западные рубежи.

Что ж, воеводы на территории орков нам не страшны, ибо воевать с ними я не планирую, поддержкой одного я заручился, а ещё с одним должен переговорить Квинтус и убедить его убираться восвояси. Добычи в столице они должны были награть немало и могут смело возвращаться на родину. А вот захваченных в южной провинции пленников я потребовал освободить. Квинтус, хоть и нехотя, но передал эту команду главам кланов. Те также нехотя её выполнили, но перечить воеводе не осмелились.

На следующий день мы выдвинулись на север в сторону столицы Олода. По пути, несмотря на разосланных воеводой гонцов, нам то и дело попадались мародёрствующие, грабящие, убивающие, а то и попросту пьющие зеленокожие. Орки сильны не дисциплиной, а сплочённостью кланов, отсутствием страха перед смертью и личной физической мощью. Именно эти качества делают их сильным соперником, а оттого вдвойне хорошо, что мне

удалось склонить их на свою сторону. В сторону столицы вели две дороги, и мы решили разделить нашу армию. Орки во главе с Квинтусом отправились по дороге вдоль побережья, где свирепствовали их собратья, а мы двинулись восточной дорогой. Наше войско уже было достаточно крупным, и разделились мы, чтобы как можно быстрее добраться до столицы, не слишком растягивая войска по достаточно узкой дороге.

Путь не прошёл так гладко, как хотелось бы. Нас атаковали орки, которые не были нашими союзниками. Пришлось сражаться. Затем нам встретились... Хм. Деревья. Если быть точным, то это не совсем деревья. Это разумные растения, что способны как находиться на месте, питаясь корнями от земли, так и передвигаться. Они зовутся хлории. Я никогда не сталкивался с ними, но мои учителя рассказывали мне о них. Ростом они чуть крупнее гоблинов, чаще всего имеют две ноги, две руки и голову. В общем, не слишком отличаются от иных разумных, но вот на голове у них вместо волос или чешуи растёт зелень. Чаще всего летом они ведут неподвижный образ жизни и порой их невозможно отличить в лесу от небольших, но упитанных кустов. А зимой они ведут кочевой образ жизни, выискивая плодородные почвы, ведя войны и размножаясь до следующего лета, при этом могут питаться той же пищей, что и иные разумные существа.

Орки гнались с топорами за убегающими хлориями, но увидев нас, тут же переключились. Мы быстро перестроились в боевой порядок и дали зеленокожим бой. Немногим из них удалось выйти из него живым, а вот мои люди практически все остались живы и здоровы, за исключением единичных случаев.

Хлории, увидев, как мы расправились с их противниками, прекратили убегать, но и вступать с нами в контакт не спешили. Информации не бывает слишком много, и поэтому я решил расспросить их о том, что они знают о враге. Однако разумные растения избегали любого контакта и прятались в лесу. Выручили меня всё те же зеленокожие, чей лагерь был разбит неподалёку, в котором мы отыскивали не только несколько уцелевших врагов, но и несколько сотен связанных хлорий. Вот с одной из них мне и удалось поговорить после того, как я лично её развязал.

— Ты понимаешь меня?

Растение ответило сухим, немного скрипящим, но всё же приятным женским голосом:

— Понимаю. Благодарю за помощь. Мы теперь ваши рабы?

— Нет. Вы свободны и вольны идти куда угодно, хотя и находитесь на моих землях, а значит, обязаны платить налог...

— Это земли Олода, чужак, а не твои. У нас договор с их правителем — они не трогают нас, а мы помогаем улучшить почвы, где нам велят или осушаем болота.

— Теперь это мои земли, эм... Растение.

— Хильвана. Можешь так ко мне обращаться. Я не знала об этом. А что случилось с Олодом?

— Олод никуда не делся, просто здесь сейчас ведётся война. Верхушка их государства с помощью артефакта перенеслась в другой мир, бросив народ. Теперь я владыка этих земель и навожу здесь порядок. Скажи, зачем тебя схватили орки? Много ли их? Не попадались ли тебе или твоим сородичам катариианцы? Кто старший у вас?

— Старший... Вероятно, теперь это я. Я была старшей в выводке после Хертванда, когда на нас напали. Он вместе с воинами оборонялся от зеленокожих и погиб. Они ловили нас, чтобы увести в плен и сделать рабами. Сперва их было много, но после боя с нашими воинами многие из них пали, а потом всех, кто не сбежал, похоронили. Я не знаю про

других орков или катарянец, мы стараемся не вмешиваться в дела других разумных. Мы пришли сюда недавно с востока и направлялись в сторону побережья. Там мы должны были укорениться до осени. Но теперь я не знаю, куда нам идти.

— Вас много?

— Нет, наше племя никогда не было слишком большим, а теперь... Теперь и вовсе осталось ничтожно мало.

— Ты умеешь считать, Хильвана? Можешь сказать, хотя бы примерно, сколько вас?

— Да. Я знаю счёт. Отец научил меня. Но не знаю, сколько нас. Раньше в племени было около двенадцати тысяч хлорий, сейчас, вероятнее всего, осталось меньше половины.

— Среди выживших есть воины?

— Хлории не становятся на всю жизнь воинами, кузнецами или сапожниками, как другие разумные. Мы выбираем себе дело лишь на один сезон. А в другой выбираем другое, если это требуется племени. Воинами могут быть, думаю, не больше трёх тысяч особей. Остальные либо слишком малы, либо стары.

— Прекрасно, Хильвана. Мне для наведения порядка на моих землях и других целей нужны воины. Оружие вы можете забрать у павших орков и ваших погибших воинов. Если не хватит, то я выдам из личных запасов.

— Но сейчас... Сейчас весна, скоро нам нужно будет укорениться, чтобы набраться сил до следующей зимы. Мы не сможем долго воевать, к тому же мы сильны после солнечного сезона, когда уже набрались сил. Сейчас мы слабы и воины из нас не слишком хорошие.

— Хильвана. Я не собираюсь использовать вас на полях сражений несколько лет. Мне нужно лишь победить в нескольких битвах, а после вы будете вольны укорениться на любых подвластных мне землях.

— Нам нужны плодородные...

— Этого добра в Великой Катарянской Империи предостаточно, Хильвана. Есть степи, есть джунгли, круглый год светит Светило. Хотя есть и чуть более холодные края, если такие интересуют.

— Что ж... Я могу... Посоветаться? Я только сегодня стала старшей и мне нужно...

— Я понял. Да. Мы встаём здесь лагерем до завтра. У тебя есть время до утра.

Утром Хильвана вошла в мой шатёр и сообщила, что их племя согласно на мои условия, и моё войско пополнилось тремя тысячами деревянных воинов. Да, Кодекс запрещает брать на службу хлорий, равно как и гоблинов, так как они считаются недостойными общения с высшей расой, но мне плевать. Плевать! Я готов даже с деревом договориться, если это вернёт мне трон! Я — Каварл Бертолиус, и я уничтожу предателя Корто Грульдоса, чего бы мне это ни стоило. Я лично перепису Кодекс, если это потребуется, я буду убивать братьев, если это будет нужно, и поставлю под свои знамёна даже завров или арахнидов, если будет такая возможность, но добьюсь цели.

Глава 21 Каварл. Время возвращать трон.

Не придумывай историй, не изобретай излишеств, не читай книг низших народов, ибо всё, что нужно, уже написано в Кодексе (отрывок из Кодекса катарянцев).

Светило было в зените, и я наслаждался его лучами, разгоняющими кровь в моих жилах и согревающими ум и плоть. Мы были уже в столице Олода, городе с одноимённым названием — Олод. Воевода Квинтус был достаточно красноречив и убедил своего коллегу, другого орочьего воеводу, покинуть город. Кстати, он был только рад это сделать, так как у всех орочьих кланов телеги были полностью загружены награбленным добром. Но ещё оставались ценности, гипотетические рабы, а оттого войско Корто не спешило её покидать. В столице меня ждали две новости: хорошая и плохая. Плохой новостью было то, что Корто в столице нет. Узнав о приближении войск, а затем и о том, что его возглавляю я, он поспешил перебраться на ту сторону Изумрудной и собирал войска в кулак, чтобы разбить меня. Хорошая новость заключалась в том, что из-за спешного наступления войска моей родины сильно растянуты вдоль всей Изумрудной, и заняты они усмирением недовольных в Олоде. Чтобы собрать их воедино, потребуется достаточно много времени.

Всего неделя нам потребовалась на то, чтобы выбить оставшиеся войска из столицы и установить относительное спокойствие. Тут же в городе возобновилась пусть не прежняя, но довольно активная жизнь. Выжившие торговцы, которым чудом удалось сохранить свой товар, лишившись конкурентов, накручивали цены так, что челюсть отвисала при их виде. Кто-то спешил попасть в город, чего не мог сделать раньше из-за разбойничающих в городе войск, а кто-то, наоборот, спешил убраться подальше. Из города шёл целый караван из людей с баулами и эйхо, и лошадей, впряжённых в телеги. Грустно было наблюдать за этой картиной. Люди, лишившиеся имущества, жилья, а то и близких из-за чьих-то амбиций, вынуждены были покидать город в поисках лучшей доли. Вот проехала телега с десятком чумазых детей тигролюдов, следом за ними прошёл одинокий гном с гигантским рюкзаком за спиной, а после проехала размалёванная яркими красками повозка с бродячими артистами внутри.

Ещё неделя ушла на то, чтобы побороть оживившихся в последнее время преступников и наладить контроль. Золота, оружия или ещё чего-то полезного мы найти на складах в верхнем городе не смогли. Всё ценное отсюда либо утащила верхушка олодцев в другой мир, либо разграбили враги. Мы осмотрели остатки артефакта, с помощью которого была проделана дорога на иную планету, но от них не было никакой пользы.

Зато Джереми подарил мне занятный артефакт, который раздобыл во время последних событий. Он состоял из двух соединённых между собой цилиндров. Если посмотреть в него с одной стороны, то всё, что видишь, будто бы становилось меньше. Зато если перевернуть его и взглянуть с обратной стороны, то всё увеличивалось! Прекрасный артефакт дальновидения. Это был хороший подарок, и я убрал его к себе в сумку.

Руководить городом и окрестностями я оставил Морта, Джереми и капитана Тита. Морт налаживал хозяйство, Джереми рассылал шпионов во все уголки мира и налаживал контакты с ранее завербованными людьми, а Тит собирал и готовил ополчение, которое будет защищать Олод в моё отсутствие.

Пока мы занимались столицей, к нам сплывалась из Брильма, а затем и добралась по суше остальная часть моего войска. Одни лишь наги ещё оставались в центре мира. Они

просто не поместились на корабли и придут следующим рейсом. Таким образом, в моём войске было полторы тысячи эйлонцев, преимущественно людей; пять тысяч заключённых всех рас, переданных под моё командование; десять тысяч олодцев, по большей части людей, но также эльфов, тимурлинов, тигролюдов и гномов; шесть тысяч орков, три тысячи хлорий; пять тысяч кентавров, три тысячи тимурлинов, две тысячи гномов, тысяча людей, тысяча гоблинов, три тысячи эльфов из центра мира и четыре тысячи наг в Брильме. Сорок тысяч воинов. Корто, если верить данным, что успел раздобыть Джереми, мог выставить двести тысяч. Поэтому нужно было спешить. Сейчас хорошо знакомый мне катариянец по имени Дрейк засел в крепости под названием Драгрич, что была построена ещё во времена войны с орками. У него при себе лишь около семидесяти тысяч воинов. Корто же находился в столице и концентрировал там вторую часть армии, в которой будет около ста тридцати тысяч бойцов. Он поведёт её на юг, где объединит армии и нанесёт удар по моим войскам. Допустить этого я не хочу, поэтому нужно ударить первым, пока враг не объединился.

Мы не выступили на север из столицы, чтобы переправиться на другой берег в удобном для нас месте, так как я решил сделать немного хитрее. В трёх днях от столицы прекрасное место для переправы войск, но там нас наверняка поджидает враг. А я люблю, когда меня ждут друзья, но не враги. Поэтому ещё на пути в столицу Олода я отправил императору орков восточку с просьбой предоставить нам возможность переправиться на другой берег, высадившись на территории зеленокожих и уже оттуда двинуться на Драгрич. И вот сегодня гонец доставил мне ответ, в котором император давал добро. Из-за войн в прошлом орки недолюбливают катариянцев (что взаимно, кстати), а оттого разрешение не стало для меня неожиданностью. То, что катариянцы будут проливать кровь друг друга, было оркам на руку. Им нужно будет лишь заслать побольше шпионов на нашу землю и можно будет отвести от границы с северным соседом войска, что стерегут её уже не одно десятилетие, ожидая нападения, и направить их, к примеру, на запад, чтобы захватить остальные государства орков.

Переправа прошла спокойно. Императора орков ничуть не смутило то, что один из его воевод временно находится у меня на службе. Во-первых, все орки, получив в походе что-то ценное, обязаны отослать долю императору, а во-вторых, орки будут грабить катариянцев с их собственного разрешения. Я не испытывал угрызений совести из-за того, что веду на родину воинов из других государств и вскоре прольётся кровь моих сородичей. Я должен вернуть то, что моё по праву, а мой народ когда-то предал и изгнал меня. Они не протестовали против Корто, а напротив, сочиняли про меня недостойные песни. Ну что же, пусть в таком случае испытают на себе мой гнев.

Через несколько дней мы преодолели земли империи орков, ступили на территорию небольшого орочьего государства, что было буфером на границе с Катариянской Империей. Гонцы предупредили местного правителя, что мы просто идём с миром. Сперва местный глава затребовал плату за проход, но узнав о нашей численности, сразу же передумал. Государство это было крошечным, и мы миновали его всего за два дневных перехода.

Великая Катариянская Империя. Я наконец-то шагнул на её земли, вдохнул воздух, взял в ладонь песок, подставил лицо пекущему Светилу. Джанг посмотрел на меня с лёгкой улыбкой и ничего не сказал. Он чувствовал то же, что и я — мы дома. Но в этом доме завелись крысы и нам предстоит их вытравить.

Я направил Рикса во главе отряда из тысячи кентавров на берег Изумрудной, в то место, где мы могли переправиться изначально, чтобы застать враг врасплох и уничтожить отряд

воинов, что наверняка ждал нас там. Сам же двинулся на крепость.

Драгрич хоть и был построен довольно давно, но поддерживался в хорошем состоянии на случай войны с зеленокожими. Добрались мы до него ещё через двое суток. Джанг решил поинтересоваться у меня:

— Что будем делать, ваше императорское величество? Враг засел в крепости и численностью превосходит нас. Они могут напасть в любой момент!

— Нет. Они не рискнут напасть. Они будут отсиживаться в крепости, пока Корто не доберётся сюда с оставшейся частью армии, и их численный перевес не станет критическим.

— Но даже если и так, как мы их одолеем?

— А ты как думаешь?

— Честно говоря, даже предположить не могу. Враг дал нам три варианта. Мы можем начать осаду, но тогда придёт Корто с войском и с таким численным перевесом, они точно уничтожат нас. Если мы начнём штурм крепости, то все здесь и поляжем, опять же из-за численного перевеса осаждённых. А третий вариант — отступить обратно в Олод, собраться с силами и вернуться уже с большим войском.

— Знаешь, Джанг? Ни один из трёх вариантов, что оставил нам враг, мне не нравится. Поэтому мы воспользуемся четвёртым. Мы построим вокруг крепости врага свою крепость, которая не даст бежать осаждённым и защитит нас как от атак извне, так и со стороны осаждённых.

Обычно такое лицо делал Пад, когда я говорил ему о чём-либо возвышенном, будь то Кодекс или история, но сейчас такое же выражение лица было у Джанга. Это радует. Он даже не предполагал о таком варианте действия, а значит, и враг может не понять наших планов.

И работа закипела. На небольшом отдалении от стен крепости мы стали возводить свои стены. Строили их из брёвен, между которыми насыпали и трамбовали землю. Не очень надёжно, но нам и не нужно, чтобы наши укрепления простояли века. Нужно выдержать лишь одну битву.

Враг не стал тихо наблюдать за нашей деятельностью и пытался совершать вылазки, чтобы помешать, но мы внимательно следили за противником, ни на миг не теряя бдительности, и все вылазки успешно отбивали. Почтовых птиц, что засевший в крепости Дрейк пытался отправлять в столицу, сбивали меткие эльфийские лучники. Мэнди, если бы сейчас был со мной, наверняка завистливо охал бы, наблюдая за столь профессиональной стрельбой родичей. Но его со мной, к счастью, не было, и можно было не переживать о том, что он умрёт от зависти.

Через несколько дней к нам присоединился Рикс с отрядом кентавров, выполнив своё задание. Действительно, на берегу нас ждала засада, не ожидавшая появления врага с тыла, за что и поплатилась. Вернувшись, Рикс стал заниматься вылазками на территорию Империи. Верхом на самом быстром эйхо, в сопровождении отряда быстрых кентавров он без проблем преодолевал за день расстояния, которые другим войскам были не под силу.

Он не просто так прочёсывал окрестности, а врвался в небольшие городки, объявляя о том, что власть сменилась. Кто-то из горожан воспринимал новость положительно, радуясь, что у власти вновь будет Бертолиус, кому-то было всё равно, а кто-то и вовсе был против. Так или иначе, пока мы строили свою крепость вокруг Драгрича, к нам стал стекать поток добровольцев из числа катарянцев, желающих встать под мои знамёна и помочь вернуть трон. Конечно, среди них наверняка были шпионы Корто, но такие обязательно уже есть в

моих рядах, так что увеличение числа лазутчиков никакой роли не сыграет. Бойцы мне нужны.

Параллельно со строительством крепости мы делали подкоп под вражеские укрепления, чтобы получить возможность атаковать крепость изнутри.

Когда на исходе была уже третья неделя осады, разведчики доложили, что войско Корто уже близко. Строительство ещё не было закончено, поэтому я отправил быстрый отряд Рикса, чтобы он всячески мешал продвижению противника. Это принесло ощутимый результат. Вместо того, чтобы сложить вооружение на телеги и быстрым шагом передвигаться налегке, пехоте врага приходилось идти, есть и спать в снаряжении, опасаясь нападения врага, а это сильно изматывало, а главное, замедляло. В общем, со своей задачей Рикс справился, и мы, работая днём и ночью, успели закончить строительство укреплений до прихода врага.

Все съестные припасы и оставшиеся материалы мы затащили на стены. Большую часть обозников до подхода врага я отправил в Олод, оставив лишь минимум помощников, что будут подавать стрелы, лечить раненых и ремонтировать стены при необходимости.

Целый день ушёл у противника на то, чтобы окружить нашу крепость и выстроиться в боевой порядок. Однако атаковать они не стали, видимо, желая немного передохнуть после тяжёлой дороги и напасть с утра. Разбили лагерь, разожгли костры. Мои воины не дали им отдохнуть. Несколько раз за ночь я выпускал кавалерию, чтобы та пощипала противника.

Утром следующего дня на нас напали из Драгрича, но нам повезло, так как враг не сумел скоординировать свои действия с Корто, и снаружи на нас никто не напал в это время. Попытка штурма наших стен длилась чуть более десятины. С небольшими потерями нам удалось отбросить врага от стен, а затем загнать обратно в крепость. Едва мы сделали это, как на нас началась атака извне.

Враг подводил стенобитные орудия, воины подтаскивали штурмовые лестницы, прикрытые десятками щитов. С частью стенобитных орудий мы расправились благодаря катапультам, что взяли с собой олодцы. Огромные камни пробивали крышу таранов, рассчитанную на попадания стрел и горящих стрел, но никак не огромных валунов.

Но осадных орудий у врага было слишком много, и вскоре на стены полезли катарянцы, пытаясь побороть моих воинов. Но штурм крепости дело непростое, и, вновь потеряв лишь небольшое число убитыми и чуть большее ранеными, мы сумели отбить атаку, сильно потрепав врага. Ночью мы вновь отправили кавалерию, чтобы уменьшить число противников. В стане врага царила паника, то и дело начинались пожары. Пока всё шло так, как надо. Превосходящий более чем вчетверо противник изматывал нас, а мы ослабляли его точечными ударами.

На следующий день враги внутри и враги извне смогли согласовать свои действия. Поскольку они не могли обмениваться записками и посылать гонцов, они использовали единственное, что им оставалось — протрубили в огромную трубу. Осаждённые услышали звук и тоже приготовились к атаке. Похоже, сегодня предстоит тяжёлый день — придётся отбиваться и от осаждённых, и от нападающих. Я не мог лично успевать командовать всеми войсками на стенах, и поэтому важнейшую роль сыграли мои командиры, которым я позволил действовать самостоятельно при необходимости, не дожидаясь указаний. Рикс, Джанг, Тит, Квинтус и Хильвана зачастую проявляли инициативу, сами организовывая то вылазки, то перебрасывая свои отряды в те места, где противник наиболее наседал на стены. Стоит упомянуть и Пада, который набрал немалый авторитет среди союзных гоблинов и

тоже проявлял инициативу в бою. Поэтому я решил назначить его командиром зелёных полуросликов, чему он несказанно обрадовался. Гоблины против такого назначения не возражали.

Атака длилась до самого вечера, но мы продержались. В этот раз потери были значительнее, но всё же не критичны. Противник потерял гораздо больше воинов.

После этой атаки враг затих на какое-то время и несколько дней не совершал атак, очевидно, собираясь с силами и придумывая новую тактику. Мы не желали облегчать им задачу, поэтому продолжали вылазки и занимались подкопом, который был близок к завершению.

В один из дней осады старший копатель доложил, что, копая тоннель, они стали слышать странные звуки над собой. Я решил проверить, что это за звуки, и отправился в подкоп. Труженики поработали на славу, прорыв настоящую шахту, по которой можно перебросить сразу множество воинов. Оказавшись на забое, я прислушался. Звук доносился сверху. Это абсолютно точно были удары кирок, стук камней и звон лопат. Похоже, противник сам делал подкоп, прямо над нами, желая не то подняться на поверхность прямо на наших стенах, не то докопаться до отряда Корто, чтобы легче было действовать согласованно.

Удачно вышло. Я приказал прекратить копку тоннеля и аккуратно, стараясь не шуметь лишней раз, ослабить потолок, а в начале нашего тоннеля установить защитные сооружения, чтобы лучники могли атаковать врага, если тот ринется в наш тоннель. Так и было сделано. Мы оставили одну подпиленную опору посреди шахты, к которой привязали прочную верёвку и протянули её дальше. Затем мы дождались, когда противник прокопает свой подкоп подальше, и дружно потянули за верёвку. Земля задрожала и потолок рухнул. Помещение наполнилось пылью, послышались крики умирающих и ругань выживших.

Наши лучники тут же приступили к добиванию врага, а несколько проворных воинов кинулись вперёд, перескакивая с камня на камень, чтобы взобраться в тоннель, что вырыл неприятель. Из-за обвала это было затруднительно, но воины рванули вперёд, а я следом за ними. Нужно нанести врагу как можно больший ущерб, прежде чем он сумеет что-то предпринять.

Враг не ожидал подобного хода, ведь тоннель они рыли, чтобы напасть, а не защищаться, а мы неслись по нему, как раскалённый нож сквозь масло.

Через какое-то время мы оказались на поверхности, внутри Драгрича, тесня врага. Но атаку пришлось прекратить, несмотря на её успех. Один из воинов доложил мне, что враг атакует наши укрепления. Пришлось спешно отступить.

За нами погнались враги, но предусмотрительно созданные позиции для лучников сыграли свою роль, и врага безнаказанно расстреливали эльфы, пока пехота из гномов и гоблинов отступала. Держать оборону тоннеля мы могли малым числом бойцов.

На этот раз напали лишь воины Корто, ведь осаждённые были заняты обороной. Он решил устроить стремительную атаку, желая застать нас врасплох, но ему это не удалось. Атаку отбили даже легче, чем предыдущую согласованную.

На какое-то время вновь наступило затишье. Понеся значительные потери в ходе последних атак, противник, видимо, решил взять нас измором. Нас подобный исход не устраивал, поэтому мы продолжали совершать регулярные вылазки в стан врага, благо протяжённость наших укреплений была значительной и перекрыть все места для вылазок противник не мог.

У нас было достаточно припасов, а рабочие выкопали несколько колодцев, что давали должное количество воды, так что мы могли не слишком торопиться, медленно, но верно сокращая численность врага, если бы не одно «но». Арахниды вскоре должны были напасть на Чивуак, если, конечно, ещё этого не сделали, и я должен был как можно скорее расправиться с Корто, чтобы пойти на выручку в Эйлонию, поэтому мне пришлось немного форсировать события.

Вылазки мы стали совершать чаще, используя для этого не только всадников и кентавров, но и лучников, и даже пехоту, и это принесло свои плоды. Враг решил действовать более жёстко и вновь утроил массовую атаку, используя как силы внутри Драгрича, так и снаружи наших укреплений.

Атака началась под утро. Загремели боевые барабаны, загудели трубы, отряды врага двинулись вперёд. Я, стоя на одной из стен, видел Корто, восседающего верхом на эйхо. Что ж, предатель, очевидно, сегодня до заката голова одного из нас отделится от тела. Надеюсь, что она будет не моей.

Корто сгруппировал половину своих войск в единый кулак, а вторую половину равномерно распределил с других сторон наших укреплений, чтобы те отвлекали вражеских бойцов, мешая дать достойный отпор в месте атаки. Осаждённые, похоже, не ведали о тактике Корто, а потому, вместо того чтобы направить основную часть войск на ту же часть стен, что и он, разделили войска на две примерно равные группы, одна из которых всё же пошла туда же, куда и Корто. Похоже, здесь будет максимально жарко, так что я велел стянуть сюда большую часть наших сил, отправив на противоположную часть стен лишь кавалерию, кентавров, отряд гоблинов да гражданских, что должны будут кипятить смолу и поливать врага фекалиями. Ну а ещё, если я всё верно рассчитал, то сегодня врага ожидает неприятный сюрприз.

Застучали вражеские тараны, пытаясь разбить наши стены, в ответ полетели зажжённые стрелы; воины, укрывшись щитами, подтаскивали штурмовые лестницы, по ним заработали катапульты; конница врага наступала, пытаясь снести баррикады в местах, где мы делали вылазки, в них тут же начали стрельбу лучники. С внутренней стороны стен враг проделывал то же самое. Мои воины действовали, как отлаженный механизм, но и враг не уступал умением. Отовсюду доносились крики раненых, падали со стен безжизненные тела. На штурмующих стены врагов лились вёдрами раскалённая смола, кипящая вода, а то и просто фекалии. Отбрасывались со стен лестницы, вместе с врагом, подрубленные топорами, скидывались крючья с зацепленными верёвками, и штурмующие неслись вниз на частокол, тут же погибая, упав на колья, или выживая, но получая травмы, приземляясь на землю.

Раздав необходимые указания, я и сам взялся за меч, ибо в этом бою отсидеться в стороне не получится, к тому же сражающийся командир неплохо вдохновляет бойцов.

Время от времени в непосредственной близости от меня пролетали стрелы, поэтому действовал я максимально аккуратно, прикрываясь щитом. Сбил ногой со стены одного катарянца, развернувшись, сбил с ног хвостом другого, мощно ударил щитом третьего, рассёк мечом шею четвёртому. Когда поблизости не осталось противников, я взялся за арбалет и принялся один за другим выпускать болты в наступающего противника. Убив нескольких, я вернулся к обязанностям командира. Оценил обстановку, затем разослал по стенам гонцов с нужными указаниями, пока спланированный бой не превратился в безумную свалку, где ничего уже нельзя предпринять.

Тут ко мне подбежал посыльный и сообщил:

— Ваше императорское величество, мы заметили отряд наг, они приближаются!

— Отличные новости! А я очень на них рассчитывал. Пусть подойдут немного ближе, а затем пусть Рикс с кентаврами идёт в атаку с противоположной от нас стороны, и вместе с нагами окружит один из отрядов врага!

— Понял!

Получив разрешение, гонец удалился, а я вновь взялся за оружие, на этот раз отбиваясь от нападающего изнутри врага.

Бой всё ещё кипел, хотя и утратил былую интенсивность. Мне доложили, что отряд наг и отряд Рикса взяли в окружение крупный отряд неприятеля, и я поспешил к месту событий, оставив на стенах старшим Джанга.

Окружённые бойцы паниковали, хотя численно превосходили атакующих. Кто-то бросал оружие и молил о пощаде, кто-то пытался вырваться за окружение, а кто-то всё ещё держал в руках оружие. Большинство из них никогда не видело наг, поэтому незнакомые существа уже пугали, а кроме того, они были действительно прекрасными фехтовальщиками. Обладая шестью руками, в каждой из них они держали по мечу, являясь грозными соперниками. Так что мне повезло, что сражаются они на моей стороне, ведь я бы сам на себя не поставил, выйди один на один с подобным соперником.

— Сложите оружие и сдайтесь! Тогда все останутся живы!

Воины сперва настороженно, по одному стали бросать оружие, а затем явление приняло массовый характер. Когда все сложили оружие, я сказал:

— Я сдержу своё слово. Сейчас мы добьём врага, а затем решим, что делать с вами дальше. Если вы спокойно дождётесь окончания боя, то я дам вам выбор: встать под мои знамёна или уходить, куда вздумается. Это будет честью для вас, ведь я, Каварл Бертолиус, истинный наследник трона! А пока ждите!

Стоит упомянуть и то, что вместе с нагами из центра мира ко мне прибыл и Эсмир — катарянец, которого мне пришлось оставить в горах, чтобы двигаться дальше. Не так давно к ним пришёл отряд тимурлинов, который помог добраться до обитаемых земель. Выжили, к сожалению, лишь Эсмир и слепой эльф. Катарянец, узнав, где я, поспешил отправиться ко мне, а эльф ушёл своим путём.

После речи перед сдавшимися катарядцами, Рикса с небольшим отрядом я отправил обратно на стены в помощь другим моим военачальникам. Он был отличным командиром, наверное, даже лучше, чем я, и одним лишь присутствием мог склонить чашу весов на нашу сторону.

Я же, командуя всей конницей и довольно проворными нагами, что из-за хвоста вместо ног не могли передвигаться верхом, перегруппировавшись, двинулся вдоль стен дальше, к месту, где Корто сконцентрировал войска.

Мы зашли неприятелю в тыл, и соперник, увлечшись боем, не сразу понял, что происходит, а когда понял, то в стане врага началась настоящая паника. Враги бросали оружие, кричали, молили о пощаде, падая на колени. Мне даже стало немного стыдно за свой народ. А мы точно высшая раса? Нужно будет обязательно об этом поразмыслить, но позже, сейчас не до того.

Враг оказался между стеной, с которой его прекрасно обстреливали, и нами.

— Бросайте оружие, и вы нес скоро предстанете перед Первойейцом!

Катарянцы повиновались. Они бросали знамёна и оружие, лишь единицы продолжали бой либо пытались убежать. Но среди них не было Корто. Я осмотрелся и увидел вдали

небольшой отряд всадников, среди которых был богато одетый катарянец. Это был Корто. Как бы ни желал я сейчас броситься преследовать его, но делать этого было нельзя. Не все враги ещё сдались снаружи наших укреплений, а, кроме того, внутри Драгрича также полно солдат, что не спешат сдаваться. Что же, Корто, беги. Тебе всё равно не скрыться. Ты остался без армии, так что скоро потеряешь страну.

К вечеру все враги, за исключением засевших в Драгриче, капитулировали. Я милостиво предложил всем им стать под мои знамёна. Согласились все, и моё войско пополнилось тремя десятками тысяч катарянцев.

Впереди была бессонная ночь, в течение которой мы спасали жизни раненым, тушили пожары, ловили сбежавших эйхо. В общем, наводили порядок.

А утром, когда мы собирались приступить к штурму крепости, в ней началось что-то странное. Оттуда доносился звон металла, крики и звуки боя. Жаль, что тоннель, ведущий в крепость, враги успели забаррикадировать, и поэтому посмотреть, что же сейчас творилось внутри, мы не могли.

Мы отложили штурм, так как было очевидно, что внутри шла какая-то борьба между обороняющимися, а если бы мы атаковали сейчас, то враг мог бы вновь сплотиться, чего нам сейчас точно не надо.

Я был среди наших укреплений и наслаждался обедом, дожидаясь итога возни в крепости. Рядом со мной принимали пищу Джанг, Пад, Рикс и Мэнди. Вокруг стоял несколько воинов, что я сделал своими телохранителями, и стерегли нас. Вдруг сразу с нескольких сторон послышались торопливые шаги. К нам приближалось несколько десятков тимурлинов в полном доспехе и с оружием в руках, а значит, делали они это явно не с благими намерениями. Но дошло это не сразу и не до всех, а потому не обошлось без потерь. Несколько телохранителей сразу же пали, получив стрелы в спины, а одна стрела летела прямо в меня. Я успел увидеть её уже в полёте, но не успевал ничего сделать. И тут передо мной из ниоткуда возник молодой орк и заслонил меня от стрелы. Тем временем бой продолжался. Но мы, расслабившись в первые его мгновения, затем наверстали упущенное и быстро одолели врага. Не зря я ставил тимурлинов на самые опасные направления, а оттого во время многочисленных штурмов крепости их войско пострадало значительно больше, чем чьё-либо ещё.

Я осмотрел заслонившего меня орка. Он был ещё совсем худощавым подростком, который наверняка не прошёл через обряд светила в прошлом году, а потому решил убить первого врага на настоящей войне. Много таких орчат я тогда уничтожил...

— Ты как?

— В порядке. Рана пустяковая.

— Хорошо. Ты спас меня, воин. Как тебя зовут?

— Джакс.

— Хорошо, Джакс. Я велю выдать тебе сотню золотых. Ты их заслужил. Но это пустяковая награда за такое деяние, так что в любой момент можешь подойти ко мне и попросить достойное вознаграждение. Подумай, что ты хочешь.

— Спасибо, ваше императорское величество. Я подумаю.

Я подошёл к одному из раненых, но ещё живых тимурлинов, что напали на меня и спросил:

— Зачем?

Возможно, он и ответил бы, но он так и умер, пытаясь что-то сказать. Погиб и ладно.

Спросить о причине нападения больше не с кого, но я догадываюсь об ответе. А спустя несколько десятин с помощью артефакта со мной на связь вышла королева наг и подтвердила мои мысли.

— Значит, он сделал это?

— Да. Сперва он убил правителей других государств, а затем вторгся во все страны центра мира кроме Эльга, Мельдуса и Корула. Скоро другие страны падут и, возможно, он захочет напасть и на нас. Поэтому, прошу, как только появится возможность — отошли назад всех наг, людей из Мельдуса и гоблинов. Они понадобятся нам для защиты собственных территорий.

— Что ж, завтра на рассвете я отпущу ваших воинов. Генеральное сражение случилось, и мы победили, так что столь великое войско мне пока ни к чему. А оставшиеся проблемы я смогу уладить и без них.

— Отлично. Значит, ты не удивлён тому, что устроил король Тарлии?

— Ни капли. Тем более, что он сегодня устроил на меня покушение. Очевидно, у него далеко идущие планы и он хотел устроить смуту среди катарянец, не дав мне победить, но при этом значительно ослабив Корто.

Мы закончили наш разговор, а спустя какое-то время флаг Корто был спущен с крепости, ворота отворились и из них вышли воины с белыми тряпками в руках. Чуть позади них два рослых бойца вели знакомого мне катарянца.

— Мы сдаёмся, ваше императорское величество. Мы... приносим извинения за то, что были на стороне врага, и готовы понести должное наказание. Но мы одумались и поняли, что сражаемся не на той стороне. Вы истинный правитель Империи. Чтобы искупить свою вину, мы приготовили для вас подарок. Это Дрейк, наш командир.

— Лучше бы вы осознали это до того, как обе стороны понесли чудовищные потери. Но лучше поздно, чем никогда. А подарок весьма хорош. Я долго думал над тем, как отомщу этому мерзавцу, предавшему меня. А ведь мы дальние родственники, Дрейк! Ну и как? Стоило оно того, чтобы меня предать?

— Послушай, Каварл! Давай решим всё мирно, а? — начал распинаться предатель.

— Значит, твой род был в тени, Дрейк? Прозябал? Получал крохи? Что ж, я позабочусь о том, чтобы твой род больше не испытывал подобных трудностей.

— Правда? Значит, ты простишь меня?

— Ну что ты, конечно, прошу. Только сперва уничтожу всех твоих родственников до седьмого колена. После этого у них уже точно не будет никаких трудностей!

— Да будь ты...

Я не дал ему закончить речь, подошёл вплотную и ударил его по лицу. Он упал, а подняться уже не сумел — я выхватил из ножен меч и отрубил ему голову.

На следующий день мы отправились в погоню за Корто. Боюсь, что нагоним мы его только в столице.

Глава 22 Саян. Ни на кого нельзя надеяться.

Путешествие между мирами, несомненно, является наибольшим чудом, что мы имеем благодаря магии (отрывок из трактата, подаренного Саяну магистром Айном).

Истекать кровью, знаете ли, не самое приятное занятие, особенно, если вокруг нет ни одной живой души. Насекомые не в счёт, у них души, возможно, и вовсе нет, ибо не может существо с душой пить кровь. Посох же, хоть и живой, но проку в этот раз от него немного, так как я израсходовал всю манну досуха.

С горем пополам, бледный как поганка, доковылял я до мест обитаемых, коими были окрестности Чивуака, теряя с каждым шагом капли драгоценной крови, где меня заметил один из горожан и помог добраться до дома, усадив в телегу. Марон появился незамедлительно, сразу же принялся промывать и бинтовать мою рану.

Мелисанда, узнав о случившемся, обозлилась, что её благоверный себя не бережёт и её не жалеет, в который раз уже попадая в неприятности.

Через несколько дней, когда уже я пошёл на поправку, но принимать активное участие в подготовке к обороне ещё не мог, а потому просто сидел на пороге дома и набирался сил, одновременно с этим изучая дневник, что мне подарил Харальд, меня разыскал гонец и спросил:

— Это вы Саян?

— Да, это я. А что такое?

Посыльный достал из-за спины увесистый свёрток и протянул его мне. Я на автомате выставил руки вперёд, принимая посылку, почувствовал странный импульс, исходящий от свёртка, поднял глаза, чтобы задать курьеру несколько вопросов, но его уже нигде не было. Он будто бы испарился.

Я развернул ткань и увидел внутри... Тьму. Именно тьму и безграничную ненависть я ощущал, глядя на сицилиусовый посох, что был завернут в ткань, причём посох несопоставимо более развитый, чем мой. Я тут же завернул его обратно в ткань, остерегаясь прикоснуться к квинтэссенции зла, затем забежал в дом и закинул неожиданную бандероль под кровать. После этого, прочувствовав всю гамму ощущений от бега с незажившей раной в животе, аккуратно поковылял за Оло.

Оло обнаружился довольно быстро — мальчик подкармливал Бурого объедками возле казарменной столовой.

Вместе придя ко мне в дом, мы вновь осмотрели содержимое свёртка.

— Что скажешь, мой юный друг?

— Немного лучше твоего, говоришь? Саян, да это один из самых могущественных посохов моего народа! Их по пальцам можно пересчитать!

— Один из самых... А от всех могущественных посохов веет такой злобой?

— Что, злобой? Конечно, нет! А ты что, ощущаешь от него злобу?

— Ощущаю? Да он насквозь пропитан ею! Того и гляди, возьмёт да испепелит меня!

— Странно... Я ничего подобного не ощущаю...

Оло взял посох в руки, а затем закрыл глаза. Он стоял молча какое-то время, затем завернул грозное оружие обратно в ткань.

— Я почувствовал... Боль. Утрату. Думаю, что я знаю, чей это посох, Саян.

— Кажется, теперь и я догадываюсь. Да и понятно теперь, из-за чего Арзамар напал на

меня без своего главного оружия. Непонятно лишь, почему. Как думаешь, зачем и кто отправил посох мне?

— Не знаю...

— А часто ли олодцы отправляют могущественные посохи кому ни попадя?

— Только если происходит что-то страшное, Саян. Если честно, то ни об одном случае нам на учёбе не рассказывали.

— Мы можем как-то его использовать для защиты?

— Ну... — Оло задумчиво поднёс палец к губам, помолчал несколько мгновений, а после продолжил: — Нет. Слишком мало времени до ожидаемого прихода тварей. Если бы они пришли через несколько лет, то можно было бы вырастить из него сицилиусовую рощу. Хотя способных к магии разумных у нас всё равно нет... Чтобы они появились, нужно много лет прожить рядом с рощей, так что пока его лучше просто спрятать, чтобы никто не навредил ненароком ни себе, ни окружающим.

— Жаль.

— Ах да, Саян, лучше не трогай его, не используя для защиты ткань. Он запросто убьёт тебя, если прикоснёшься. Да и в ткани лучше не трогай.

Я последовал советам Оло и оставил посох в покое, а сам занялся повышением нашей обороноспособности: вместе с Гравиусом и его бандой зеленокожих подмастерьев занимался установкой скорпионов на стены, попутно придумав пару небольших улучшений.

Кузнец также обещал для меня приятный сюрприз, что будет готов в скором времени. Услышать подобное от гнома я не ожидал, а потому не на шутку обрадовался. Заинтриговал меня бородач. Теперь придётся ждать и гадать, что же такое он задумал.

Однако даже дожить до грядущей бойни спокойно мы не смогли. Беда пришла оттуда, откуда её не ждали. Хотя я кое-что всё же предчувствовал.

Среди ночи нас с Мелисандой разбудили встревоженные крики горожан. На автомате я накинул на себя какую-то одежду, чтобы не бежать по улице, в чём мать родила, схватил посох и кинжал и выбежал из дома.

Крики слышались со стороны жилища Марона, который был почти моим соседом. По едва освещённым улочкам я бегом двигался к источнику шума. У дома моего друга уже собралась толпа зевак, сквозь которую мне пришлось протискиваться, чтобы понять, что же такое произошло.

Картина, что открылась передо мной, была не самая приятная. Возле дома Марона лежала окровавленная девушка, лицо которой показалось мне знакомым, а подле неё несколько выкормышей, что взялись не пойми откуда. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что же тут произошло.

— Марон... — вздохнул я.

Я понял, где я видел эту мёртвую красавицу. Это была одна из сестёр Марона. Он стоял в дверях с отрешённым взглядом в испачканной кровью рубахе.

— Я думал... Думал, что смогу их приручить. Что смогу управлять ими, когда они вылупятся из яиц, но ничего не вышло. Я взял в тот раз несколько штук с собой... Её смерть... Это... Моя вина... Прости, сестрёнка...

Посоветовавшись на высшем городском уровне, мы решили, что подобное поведение нашего знахаря хотя и требует высшей меры наказания, но в нынешних обстоятельствах целителями, тем более такими выдающимися как Марон, разбрасываться не следует, так как враг на пороге и у нас любой разумный на счету. Но оставлять подобное безнаказанным

тоже нельзя, поэтому решили отложить возмездие до окончания предстоящей битвы, если, конечно, нам удастся в ней уцелеть.

После того, как Каварл увёл почти всё наше войско, мы решили использовать для обороны абсолютно любые ресурсы и методы, не гнушаясь ничем.

Последние несколько месяцев неподалёку от Чивуака, на руднике, трудились несколько десятков пиратов, с некоторыми из которых мне не посчастливилось однажды познакомиться. До последнего времени они под охраной добывали железную руду для кузницы. Однако это было не слишком эффективно, ведь, чтобы они не сбежали, приходилось держать несколько воинов в качестве стражи. Поэтому, немного подумав, мы решили найти пиратам другое применение и сделать их защитниками города, что защищали бы нас от угрозы с моря, благо одна галера у нас в распоряжении была.

А чтобы они не сбежали вместе с судном, мы решили сделать хитрый ход конём. Отыскали в закромах не переплавленные во что-то другое лишь по причине нехватки времени рабские ошейники. Затем заковали в них пиратов. А дальше всего то и требовалось показать пару фокусов. На ошейник одного особо упрямого флибустьера, который то и дело норовил сбежать, убить конвоиров, ругался абсолютно со всеми, я наложил особое заклинание, которое мы придумали вместе с Оло. Затем мы выстроили пиратов полукругом, и приказали непокорному пирату бежать. Мальчик маг незаметно произнёс заклинание активатор, и ошейник взорвался, обезглавив бегущего а-ля Форрест Гамп пирата.

Даже мне от созерцания разлетающихся в разные стороны мозгов и костей было не по себе, а вот флибустьерам... Сказать, что они были шокированы — значит не сказать ничего. Кто-то побледнел, кто-то стоял с раскрытым ртом, у многих стали подгибаться ноги, а двое даже потеряли сознание. Их главарь по имени Магай стоял и не мог пошевелиться. Готов товарищ. Надо брать, пока тёпленький.

— Все ваши ошейники зачарованы! Если кто-то из вас попытается снять их или сбежать, или нападёт на кого-либо, то с вами произойдёт то же самое, что произошло сейчас с вашим товарищем. Бежать бесполезно! Я могу активировать ошейник силой мысли, ибо я великий колдун! Поэтому, если вы слушаетесь или нападёте на кого-то из нас, или же попытаетесь снять ошейник, или бежать, сразу же произойдёт взрыв! Поэтому советую вам верой и правдой служить Эйлонии и защищать её от угроз с моря. Ты всё понял, Магай?

— Да, Саян. Ты страшный человек.

— И это говорит пират, что в своё время пленил меня и продал оркам.

— Да, продал. Мне ведь нужно было на что-то жить! Но я никогда не поступал с людьми так ужасно! Его голова разлетелась на кусочки... Поверить не могу, что и со мной подобное может случиться в любой момент... Саян,ними с моего ошейника это заклинание! Клянусь, мы не сбежим!

— Зачем мне верить тебе на слово, если есть столь убедительный довод для верности? Нет, я не буду этого делать. Вот после сражения с тварями, если хорошо себя проявите, то тогда, думаю, вы заслужите свободу. А теперь марш на галеру!

Напуганные пираты отправились готовить галеру к возможному морскому бою. К счастью, они не знали, что подобным образом не зачаровывают ошейники даже в Олоде, где полно магов. А всё потому, что активное заклинание будет постоянно требовать подпитки манной, иначе просто развеется. Поэтому верность пиратов мы обеспечили лишь с помощью хитроумного фокуса и запугивания. Неплохо, я считаю.

Но даже теперь побережье оставалось слабым местом в нашей обороне. Побережники и

пираты прикроют берег только в окрестностях Чивуака. Берег же до старой столицы Эйлонии будет незащищён. Его по задумке прикроет слабо вооружённое и абсолютно неподготовленное ополчение. Другого выхода мы не нашли, ведь у нас катастрофически не хватало разумных.

Для дополнительной защиты на береговой линии до старой столицы мы устроили многочисленные ловушки. То же самое мы сделали в ущельях. Скоро нагрянут твари. В том, что они вот-вот явятся, ни у кого не оставалось сомнений — число разведчиков, что мелькали вдали, становилось всё больше и больше.

А сегодня произошло событие, которое порадовало не только нашу тигролюдку Шиару, но и всех нас — настолько была заразительна её радость. К нам в город прибыла целая повозка с тигролюдьми, которые оказались братьями и сёстрами Шиары. Она потеряла связь с ними ещё в детстве, когда все они попали в рабство, а затем всеми доступными способами пыталась их отыскать. Но удалось сделать это совсем недавно, благодаря связям Каварла в Олоде. Знакомый нашего короля каким-то образом сумел выйти на всех братьев и сестёр нашей женщины-кошки, выкупил их, а затем направил к нам. Шиара плясала от радости, когда поняла, что это её родственники. По этому поводу мы устроили небольшой праздник, что было очень кстати, ведь нам нужно было как-то расслабиться в столь нервной обстановке.

Похоже, сегодня наша разумная кошка стала самой верной подданной короля.

Тем временем подготовка к обороне шла вовсю: совсем зелёные новички, что никогда не держали в руках оружие, учились азам военного дела у немногочисленных оставшихся в нашем распоряжении ветеранов. Гравиус стал совсем бледным и худым и уже походил не на бравого гнома кузнеца, а на приведение, что жило в кузнице. Однако был и результат — владельцами полноценного оружия с каждым днём становились всё больше разумных. Лена и рабочие постепенно заканчивали строительство укреплений. Я полностью восстановился от ран, благодаря Лене завёл знакомство с побережниками — они оказались хорошими ребятами, хотя и выглядели довольно странно. А ведь я видел их и раньше, но почему-то мысли заключить с ними союз у меня не возникло.

Однажды у меня появилась свободная минута, и я решил навестить своего друга Марона, благо я направлялся домой и мне было по пути. После стука в дверь никто открыл. Я сперва решил, что знахарь вместе с оставшейся в живых сестрой отправился на сбор целебных трав, ибо это было делом вполне привычным для знахаря. Однако случайный прохожий, что оказался его соседом, сообщил мне, что сегодня лекарь из дома не выходил.

Тревожные мысли появились в моей голове. Я постучал сильнее. Ничего не произошло. Не дождавшись результата, я решил выломать дверь и уже отошёл на достаточное расстояние для разгона, как дверь отворила выжившая сестра Марона.

Я было обрадовался, что всё в порядке и мой стук сперва просто никто не услышал, но увидев, что на девушке совсем нет лица понял, что дело плохо.

— Идём, — одними губами прошептала девушка.

Я молча двинулся следом. Мы поднялись на второй этаж. С красным, словно спелый помидор, лицом, с бугрящимися, будто канаты, венами, и с пеной у рта на кровати Марон лежал с залитыми кровью глазами.

Позади его головы на подушке лежал шипастый орган, что мы добыли из головы королевы. Подойдя ближе, я увидел, что часть его шипов воткнута в череп Марона.

— Зачем? — задал я вопрос, хотя не был уверен, что в таком состоянии друг меня

понимает.

Но он ответил, с трудом произнося каждое слово:

— Я хочу... Чтобы... Мы... Победили...

Кивнув на шипастое яблоко, я спросил:

— И как, помогает?

— Я думал... Что смогу... Их понять... Чувствовать... Управлять... Если сделаю... Эту штуку... Частью себя... Ведь тварь с нею... Как-то управляла... Помоги...

— Конечно, дружище. Потерпи немного. Думаю, что будет больно, когда буду вытаскивать из твоей головы эти...

— Нет! Я не об этом прошу... Твоя магия... Сделай с её помощью меня и эту штуковину... одним целым!

— Друг, ты уверен? Мы понятия не имеем, что при этом произойдёт. Ты можешь погибнуть! А если тебе твоя жизнь вдруг стала недорога, то знай, что от тебя зависят жизни других!

— Именно... Поэтому я и хочу сделать это. Сейчас у нас нет шансов. Твари как-то связываются между собой. Мгновенно... У нас таких возможностей нет... Всё дело в этих штуковинах у них в головах... А эта шипастая штуковина была в башке у одной из важнейших тварей... Думаю, я смогу...

— Я понял тебя. И отговаривать не стану, потому что знаю, что тебя проще убить, чем переубедить. Дай мне немного времени, и я прикину, как можно срастить тебя и эту штуку.

— Спасибо... Друг... Я хотел попросить тебя о помощи сразу... Но после того случая с моей сестрой боялся, что ты откажешь...

Я присел прямо на пол рядом с кроватью, достал блокнот, честно украденный из канцелярских закровов Лены, и стал прикидывать, какие можно придумать варианты заклинаний для задуманного Мароном. Задача была нетривиальной. Для меня уж точно. Даже несмотря на возросшие в последнее время познания в магическом ремесле благодаря записям отца Оло.

Сестра Марона протирала его лицо влажной тряпкой, убирала тёкшую изо рта слюну, прикладывала к затылку экспериментатора чудодейственную мазь. Он что, прямо в мозги умудрился впихнуть шипы? Сперва я думал, что он просто загнал их под кожу, но выглядит он что-то слишком уж паршиво в этом случае.

Не меньше часа я возился с составлением заклинания, но в итоге всё же кое к чему пришёл. Обдумав всё как следует, я решил использовать в качестве конструкта звезду, а в качестве рун лечение, поглощение, ускорение, притягивание и укрепление. Взмах посохом, выверенные движения пальцами руки — и заклинание отправляется прямо в затылок знахарю.

Тело Марона охватила судорога, он весь дрожал и издавал слабые стоны. Орган тем временем сильнее присосался к затылку лекаря. Затем он распрямился на кровати и казалось, что умер, так как не делал никаких движений. Я уже начал беспокоиться, что Марон действительно кони двинул, но тут он медленно повернул ко мне голову и едва слышно произнёс:

— Получилось... Я слышу их... Тысячи голов... Я могу связаться с каждым... Это чудесно... Мои милые дети... Мы уничтожим жалких людей...

— Стоп, что? — у меня волосы дыбом встали даже там, где их не было.

— Шутка... — наглая рожа лекаря гнусно улыбалась.

— Ну и напугал ты меня! Я ж мог со страху... Ладно, проехали. Что ёж прирос к тебе, я вижу, а что по ощущениям? Получилось что-то?

— Получилось чувствовать их... Но эта штука и вправду влияет на меня. Возможно, через несколько недель или месяцев, если оставить всё как есть, то я встану на их сторону. Она... воздействует на меня, хочет подчинить. Но пока я держусь.

— Рад слышать, что ты с нами. Надеюсь, что через несколько недель или месяцев эта штукавина отсохнет и ты станешь прежним.

— Я тоже... А сейчас... Я могу видеть их мысли, предугадывать действия... Не управлять... Боюсь, что если попробую управлять ими, то их командиры быстро меня обнаружат и перекроют мне лазейку. Надеюсь, что смогу помочь. Они близко, Саян...

— Ты уже помог и поможешь в дальнейшем. Ты гений, хоть и дурак. А пока отдыхай и набирайся сил. Я приду чуть позже.

— Подожди... Саян, они очень близко...

Я хотел оповестить Мелисанду и остальную гоп-компанию о том, что у нас теперь меньше на одного гениального знахаря и хорошего друга, зато больше на одного лазутчика в стане врага, но не успел — со стороны ущелья послышался протяжный трёхкратный гул труб, что значило, что тревога не учебная и твари приближаются.

Ну что же, мы ждали этого момента и встретили врага пусть не в лучшей форме, ибо Каварл вместо того, чтобы привести подмогу, напротив, увёл подготовленных воинов, и нам пришлось ставить в строй тех, кто не то что никогда не держал в руках оружия, но даже никогда не видел, как это делают другие.

— Они будут действовать иначе... — вывел меня из раздумий Марон, — С ними стратег. А ещё с ними твари, что способны стрелять, ядовитые твари, а ещё они точно нападут с моря... Твоя землячка была права. Я верил ей... Жаль, что ей не верили её земляки... Сражение будет долгим. Очень долгим, так что не спешите. Стратег сперва попытается запугать вас и будет давить числом, не жалея войск. Продержитесь первый день, а дальше будет легче. Если стратег поймёт, что с ходу победить нас не получится, то возьмет паузу в несколько дней, для обдумывания дальнейшей тактики и переброски дополнительных войск. Возможно, к тому времени Каварл подоспеет с войском. Арахнидов будет много, но не так много, как мы могли предположить...

— Благодарю... Информация очень ценная! Марон, когда закончится битва, я сделаю всё, чтобы...

— Пустое... Если бы я раньше использовал эту штуку, то, возможно, научился бы на какое-то время брать часть из них под контроль... А что насчёт стратега... Будет прекрасно, если удастся его вычислить и уничтожить... А если удастся раздобыть орган из его головы...

— Я тут же сожгу его, чтобы ты не покалечил себя ещё и куском мозга стратега! Я понял. Отдыхай. Я ещё зайду.

Я наконец побежал домой, чтобы снарядиться как следует. Хорошо, что я вне системы местной иерархии, иначе я бы за мою нерасторопность давно бы уже голову на плахе сложил.

Пока бежал домой, дал мысленную команду Бурому двигаться мне навстречу, но получил мысленный же ответ, что он сейчас занят. Вот это дела! И чем же это, интересно, так занята моя химера? Уже надевая на себя доспехи, я отправил мысль, что это срочно. И тут же получил ответ, что и у косолапого дело не менее важное! Обалдеть! И когда это моя животина успела так обнаглеть?

Одевшись и снарядившись, решил бежать ущелью на своих двоих, ибо все эйхо были сейчас заняты — все чивуакцы спешно готовились к обороне, занимая заранее оговорённые места.

Когда я бежал мимо ратуши, меня окликнула Мелисанда. Тут же осознав свою оплошность, я остановился, обнял её, поцеловал и сказал:

— Я буду осторожен, золотце, не переживай!

После чего вновь побежал в ущелье, но был опять же остановлен любимой.

— Я рада, что в столь тяжёлый момент ты не забыл одарить жену поцелуем и комплиментом, но остановила тебя не потому. Мне доложили, что с моря приближается несколько кораблей и множество тварей. Так что бери всех своих зверушек и марш на берег! Тебе с твоей магией будет проще остановить корабли ещё на подходе, утопив их. А медведь, остальные твои химеры и побережники тебя прикроют от тварей в ближнем бою!

— Яволь, майн фюрер! — сказал я непонятное для Мелисанды, щёлкнул каблуками и на ходу сменил вектор движения на девяносто градусов.

Побережники? Это хорошо. Хотя хотелось бы более существенную поддержку, ибо ребята эти хоть и хорошие, но больно тощие и мелкие для борьбы с тварями. Не та весовая категория. Ну, если дело запахнет керосином, то смогу отступить на Буром. Кстати, о нём. Мысленно отmaterил его восьмизэтажными отборными ругательствами, после чего получил ответ, что он уже бежит ко мне. Ну вот, сразу бы так, а то пришлось зря ноги топтать.

Мысленно я позвал и других своих химер — десяток лошадей, с помощью магии модифицированных в единорогов. Пусть это и не слишком серьёзная сила, но и не пустое место. Несколько тварей, думаю, им завалить удастся.

По пути меня догнал Магай со своей бандой флибустьеров.

— Саян, а нам что делать?

— Садитесь на галеру и отплывите в сторонку. Сперва я буду атаковать врагов с помощью магии. Но вечно сдерживать их не смогу. Если увидите, что я не справляюсь, то тогда и вы вступайте в бой.

— Понял, сделаем! Главное, случайно не взорви нас!

После этих слов пираты обогнали меня и отправились в сторону своей галеры.

Уже добравшись до побережья, я увидел косолапого и замер как вкопанный. Так вот, о каком сюрпризе говорил Гравиус! Ай да гном! Ай да гномий сын! Удивил. Да и причина задержки косолапого стала ясна — он был закован в сверкающую стальную броню. Она даже визуально вызывала восторг и трепет, а насколько она повышала живучесть и уверенность косолапого, можно было только гадать! Настоящий шедевр!

Я взгромоздился на медведя, вышел к самому побережью. Вдали были видны силуэты пяти кораблей, а рядом с ними — множество чёрных точек вплавь передвигающихся тварей.

Я не стал что-то выдумывать, и в сторону ближайшего корабля отправился самый обычный огромный пылающий фаербол. Тут же я залпом выпил зелье, восстанавливающее манну.

Когда фаербол приблизился к цели, я увидел множество чёрных точек, спрыгивающих с палубы, а затем была вспышка пламени, охватившая древесину корабля, паруса и тех, кто не успел спрыгнуть. Знатно жажнул.

Растут мои магические силы. Растут. Но тем не менее, прощупав магическим взглядом свой резерв манны, я обнаружил, что он опустел на четверть. Проведя хитроумные вычисления в голове, понял, что при таком расходе пять кораблей уничтожить не смогу.

Поэтому во второй фаербол вложил уже меньше энергии.

Полыхнуло, естественно, слабее, но корабль горел, а это было самое главное. Противники спешно спрыгивали с уцелевших трёх кораблей, готовясь к возможным неприятностям. Можно было ударить в воду молнией, чтобы поразить плывущих тварей, но в таком случае не хватило бы манны на корабли, да и дружественных побережников, орудующих в воде, задело бы.

Пока все враги не сбежали с кораблей, я спешно наколдовал ещё три огненных шара. Третий, однако, всё же вышел неполноценным, ибо немного энергии мне таки не хватило. Оттого вышел он слабоватым, а пожар на палубе последнего корабля хоть и разгорелся, но был слаб, и его быстро затушили. Зато четыре судна полыхали как надо! До берега им не добраться, однако твари, очевидно, неплохо держатся на воде.

А вот побережники прекрасно держались под водой, а потому я увидел, как то от одной плывущей твари, то от другой по воде начинают расходиться багровые пятна, а твари при этом теряют всю прыть. Ох не зря тарелкоголовых снабдили кинжалами!

Спустя какое-то время некоторым тварям всё же удалось добраться до берега. Это были пусть и немного видоизменённые, но всё же исчадия. Между их пальцев были перепонки, а хвосты походили на плавники. Пока я размышлял над их внешним видом, Бурый принялся их рвать, как тузик грелку. Броня его ничуть не смущала и не замедляла, а даже напротив — действовал он в ней увереннее, чувствуя себя в безопасности. Не остались без дела и побережники, набрасываясь на исчадия с кольями. Созданные мною с помощью магии боевые единороги тоже приятно удивили, разгоняясь и тараня врага единственным рогом на голове, который неплохо справлялся с пластинами брони.

Я же нашёл валун побольше, взобрался на него и восстанавливал силы, чтобы атаковать, когда ситуация станет критической и без меня будет не обойтись.

А ещё я подготовился к трюку, который однажды спас меня и чуть при этом не убил.

— Впитывай горошину, дружище. Нам нужно много энергии. Да, я знаю, что для тебя это тяжёлое испытание и я обещал так больше не поступать, но если этого не сделать, то мы оба погибнем. Так что впитывай. Потом поделишься силой со мной, да и сам выстрелишь.

Постепенно исчадий становилось всё больше и больше. Но и к нам прибывало подкрепление. Это были в основном женщины, дети и старики с простыми деревянными кольями в руках. Все, кто обладал хотя бы чуть более серьёзной подготовкой и оружием, сейчас были на стенах.

— Что нам делать, командир? — обратилась ко мне одна из женщин.

— Поделитесь на небольшие группы по семь-восемь человек. Когда одна из тварей приблизится к вам, окружайте её. Те, кто стоят перед её мордой, защищаются и медленно отступают, а те, кто позади, бьют изо всех сил в места сочленения пластин на ногах. Когда обездвигите, только тогда добивайте ударом в голову.

— Ясно, командир!

Постепенно на берег стали выбираться и другие твари — побережники не успевали зарезать всех в воде. Здесь было множество разновидностей арахнидов, которых я доселе не видел. Мне было не до придумывания названий гадам большим и маленьким, четырёх-, шести- и восьмипалым. Я просто, будто робот на конвейере, заряжал арбалет и выпускал болт в ближайшего противника.

Пока схватка была не слишком интенсивной, так как снующие под водой малорослики успевали уничтожить большую часть тварей ещё на подходе. Так продолжалось до тех пор,

пока неподалёку от берега не сел на мель уцелевший корабль. Из него враги посыпались словно блохи с бродячего пса.

Зелье ещё не возымело должного эффекта и уничтожить корабль было мне не под силу, поэтому пришлось брать в руки клевец и сражаться в ближнем бою.

Ополченцы тем временем, пусть и с потерями в своих рядах, неумело и осторожно, но всё же начали убивать противников. Побережники также толпами окружали врагов, а затем уничтожали, ловко уворачиваясь от смертоносных конечностей противника. Единороги до сих пор были живы в полном составе и уничтожали неприятеля. Полторы тонны медвежатины, закованные в доспехи, и вовсе давили врага подобно катку. Я тоже не отставал от товарищей и сумел выверенными ударами уничтожить пару исчадий, после чего возвратился на безопасный валун. Хорошо, что местность вокруг каменная и подобное укрытие не единожды меня выручало.

Противники заканчивались под нашим натиском, и я уж было обрадовался лёгкой победе, но затем обратил свой взор вдаль и увиденное сильно мне не понравилось. Я увидел на предельно доступном для моего взора расстоянии верхушки мачт кораблей, что двигались параллельно берегу на запад. Это явно были не друзья и высадиться они намеревались не прямо перед нами, как бы этого хотели мы, а дальше на побережье, и затем подобраться к нам уже по суше. А это было очень плохо. Изначально мы готовились к обороне от противника, что атакует нас из двух близко расположенных горных ущелий. И к подобной обороне мы были готовы. Затем было сделано предположение, что у противника есть возможность атаковать с моря. Это сильно расстроило нас, но кое-какие меры противодействия мы всё же предприняли: заключили договор с побережниками и подготовили ополченцев для обороны побережий.

Однако мы не были готовы к столь сильному натиску с моря, рассчитывая на лавину противников в ущельях и лёгкие удары с моря. Мы ошиблись и, похоже, теперь это здорово осложнит нам жизнь. Враг может высадиться, где угодно, а затем по суше прийти в Чивуак и напасть на нас с тыла или же просто терроризировать окрестности, всё боеспособное население которых стережёт проходы в ущельях.

Можно было бы снять часть войск со стен и отправить их вдоль побережья вслед удаляющимся кораблям, но судя по крикам, которые были слышны даже здесь, на стенах сейчас бойцам и так несладко.

Тогда я решил сделать то, что было, на мой взгляд, единственным верным решением — вскочил на Бурого, дал команду галере с пиратами и единорогам двигаться за мной, а ополченцев попросил передать Мелисанде о своём решении. Затем я двинулся вдоль берега на запад.

Бурый мчал так, что я об его доспехи всю свою филейную часть превратил в один большой синяк. Мы бежали не меньше десятины, прежде чем достигли подходящей для задуманного мною возвышенности. Бурый без проблем взобрался на пригорок.

Что ж, далековато, конечно, велики шансы промазать, но ничего другого я сделать не могу. Находясь на возвышенности, а к тому же верхом на косолапом, я смог видеть вражеские корабли лучше. Мой магический запас к этому времени благодаря выпитому зелью почти восстановился.

С поразительной для меня самой быстротой и ловкостью я создал огненный шар и направил его в сторону одного из кораблей, но попасть к сожалению, не удалось — заклинание попало в волну рядом с бортом корабля, так что твари отделались лишь лёгким

испугом, если, конечно, им это чувство знакомо.

Причина моего промаха была не в том, что огненный шар сдуло ветром или я выпустил его без учёта упреждения, ведь то, что создано магией управляется не физическими законами, а волей колдующего и направление можно изменить в любой момент. Я промазал, потому что едва мог различить силуэты кораблей вдали и мне казалось, что я направляю заклинание куда нужно...

Я не отчаивался и не теряя ни секунды отправил в полёт ещё один фаербол сразу после досадного промаха. Я учёл свою ошибку, и это заклинание летело выше предыдущего. Несколько секунд ожидания и... Да! Я попал! Корабль, что шёл в авангарде, запылал. Воодушевлённый, я выпустил ещё два фаербола, дважды повторив успех.

— Я вам устрою последний день Помпеи! — сказал я с хищной улыбкой на губах. — Один пепел от вас оставлю.

После чего мысленно воззвал к посоху с просьбой передать мне энергию, ведь горошину маннита он уже впитал и был полон магических сил в отличие от меня.

Тут же руку зажгло приятное тепло, разлившееся затем по всему телу. Искра была полна до краёв. Наиприятнейшее ощущение. В посохе при этом манны стало всего лишь на десятую часть меньше. Жаль, что ещё девять раз не получится провернуть подобный фокус, ведь при колдовстве маг пропускает через незримые каналы своего организма весомое количество магической энергии, а каналы эти нужно тренировать и развивать, также как мышцы, в течение всей жизни. Я же, став магом относительно недавно, обладал каналами хилыми с малой пропускной способностью, а нагрузил я их сегодня достаточно, отчего уже сейчас во всём теле ощущал специфическую ломоту. Так что опустошу резерв ещё раз и на сегодня с магией придётся завязывать. Большого я не выдержу.

Полученных сил хватило ещё на пять огненных шаров, все из которых попали в цель. Таким образом не полыхали в пламени сейчас всего лишь два корабля противника. Я жестами привлёк внимание пиратов и приказал преследовать выживших противников на галере. Магай был хмур, но в ответ на мои жесты кивнул, дав понять, что понял, что я от него хочу.

Пришло время топтать назад на пляж Чивуака. На этот раз мы мчались не так быстро и пришли обратно лишь через две десятины и, как оказалось медлили мы зря, ведь пляж был усеян противниками, что сражались с побережниками и ополченцами! А неподалёку от берега стояли ещё пять кораблей врага. Расклад сил был явно не на стороне обороняющихся, поэтому мне пришлось срочно вклиниваться в битву.

Мои рогатые химеры, которых я брал с собой (как оказалось, зря), с разбегу протаранили нескольких врагов. Бурый же дал мне возможность спуститься с него, а затем тоже набросился на врага.

Я не мог колдовать, но в посохе была энергия, и я применил против врага старый трюк, уже ни раз меня выручавший — выпустил из посоха чистую энергию, направив её в противника. Исчадия, крабы и бестии, а также все остальные противники падали замертво, не в силах что-либо сделать против разрушительной силы магии.

Ситуация начала понемногу выправляться, однако тварей было столько, что, когда в посохе уже кончилась вся энергия, ими по-прежнему был устлан весь пляж, словно ковром. Три моих химеры, что были когда-то лошадьми, уже погибли под натиском врага, остальные тоже долго не продержатся. Третья часть побережников и ополченцев уже погибла под натиском врага, а подкрепление было ждать неоткуда. Но один козырь в рукаве у меня ещё

оставался. Спасибо Арзамару.

Я взял в руки до этого висевший за спиной АК-74М. Три магазина с патронами. Должно хватить на целых девяносто тварей, если не мазать и если пули будут пробивать броню арахнидов. Переключил оружие с предохранителя на одиночный режим. Выстрел. У твари подкосились ноги, и она завалилась на гальку побережья. Пробивает. Отлично.

Выстрел за выстрелом я уничтожал тварей до тех пор, пока у меня не осталось патронов. Но и тварей на берегу осталось совсем немного. Я взял в руки клевец, чтобы помочь Бурому, побережникам и ополченцам в ближнем бою. У обороняющихся заканчивались силы. Заканчивались и сами обороняющиеся. Но мы победим. Обязательно победим, если только противник не получит ещё подкрепления. В надежде я посмотрел на море и остолбенел. Вдали я увидел два приближающихся к нам корабля.

Похоже, что к тварям идёт ещё подкрепление, и всё, что нам остаётся — это надеяться на скорое возвращение и помощь нашего правителя Каварла Бертолиуса.

Глава 23 Елена. Спортсменка, комсомолка, воительница.

Женщина создана, чтобы помогать мужчине, воспитывать его детей, хлопотать о нём, когда он болен, а оттого никогда не сможет сравниться с сильным полом на военном или трудовом поприще. (Отрывок из сборника догматов драглицизма).

В последнее время я уже немного свыклась с графиком, по которому отныне текла моя жизнь в этом мире, а потому у меня даже немного свободного времени появилось. Исходя из того, что вскоре нам предстоит отразить нападение жутких существ, я решила посвятить свободное время обучению бою.

Я прекрасно себя знала, а потому понимала, что как только столкнусь лицом к лицу с исчадием или даже отродьем, то тут же побегу сломя голову и никакие тренировки мне не помогут. А значит нужно сражаться так, чтобы не столкнуться с противником в ближнем бою. Для этих целей прекрасно подходят бомбардировщики, ракеты дальнего действия и артиллерия, но к ним этот мир докатится ещё нескоро. Поэтому у меня был выбор: лук или арбалет. Я попыталась сделать несколько выстрелов из лука и у меня вышло даже хуже, чем у заикающегося эльфа, что прибился к нам не так давно. Слишком сложно целиться, ведь прицела на луке нет вовсе, а вдобавок метить нужно, когда ты изо всех сил держишь натянутой тетиву. Это сложно! Невозможно! Особенно учитывая то, что я хрупкая девушка.

Когда же я взяла в руки арбалет, то поняла — вот оно! Нет, это было не так легко, как может кому-то показаться, но в сравнении с луком это было как небо и земля!

Через несколько дней я сносно могла пользоваться этим простым оружием и даже попадала в круглую мишень размером с голову с двадцати шагов. Обучала меня стрельбе тигролюдка по имени Шиара, которую не так давно вернул из плена Саян. За небольшое, казалось бы, время, несмотря на то что принадлежали мы к разным видам разумных существ, а жизнь наша и вовсе прошла в разных мирах, мы с ней поладили и вскоре даже могли назвать друг друга подругами. Кроме всего прочего, она помогала мне лучше изучить местный язык и обычаи, за что я ей невероятно благодарна.

А не так давно я поздравила её с прекраснейшим событием: она встретилась с братьями и сёстрами, которых не видела долгие годы.

Сегодня же все положительные события и праздники закончились. Вторжение тварей началось. Загудели трубы, засуетились люди и нелюди. Официально руководила нами Мелисанда, но скоро она должна была рожать, а оттого ей было немного не до руководства. Она раздала приказы в самом начале, а потом отправилась к Марону, что был лучшим лекарем и акушером в придачу. За оборону побережья отвечал Саян, северную стену защищал Грюнт с остатками своей банды, а защитой стены в южном ущелье руководил Гвен, что хоть и был опытным воином, но никогда не руководил отрядом. К тому же отрядом столь плохо подготовленным.

Поэтому ему на помощь выделили Оло, что один заменял сразу пару десятков опытных воинов. Шиара и я тоже отправились на южную стену.

Стоило мне забраться по ступеням на укрепление, возведённое под моим чутким (а может быть, и не очень) руководством, как я увидела страшное. Земля до самого горизонта была черна от врагов.

Мы подготовили в ущельях множество ловушек, большая часть которых была самыми

обычными ямами с кольями. Однако в этот раз твари действовали на удивление осмотрительно, если верить рассказам о их безудержности во время предыдущих нападений.

Впереди шли многочисленные отродья с шестью в лапах, а следом за ними твари с охалками хвороста в лапах. Арахниды просто нащупывали места с ловушками, а затем закидывали их хворостом. Жаль, расстояние до них ещё слишком велико, чтобы обстреливать их из баллист или арбалетов.

Зато для мальчика-мага расстояние было вполне подходящим.

Дивный мир, странные существа и магия. Может быть, я на почве одиночества сошла с ума и сейчас на самом деле лежу в психбольнице, а вижу всё происходящее под действием сильнодействующих лекарств? Надеюсь, что нет. Хотя из подобной передрыги было бы больше шансов выйти живой.

В тварей от Оло летели разряды молний, которые перескакивали сразу на множество тварей, нанося им непоправимый урон. Понеся первые потери, арахниды заторопились и двигались вперёд уже с большей скоростью и меньшей осмотрительностью и в итоге всё же стали попадать в ловушки.

Вскоре расстояние оказалось достаточным для стрельбы баллист. Мы приготовили для стрельбы не только стрелы, но и пропитанные смолой снаряды, которые поджигали перед запуском. Не огнём, конечно, и не бомба, но при попадании должно наносить существенный урон.

Орудия давно были пристрелены, а потому мы точно знали, куда будут падать снаряды. Вот первые горящие ядра полетели во врага. Приземляясь на камни или на арахнидов, они разлетались на множество мелких раскалённых частей, которые ранили и опалили врага. Твари начали обжигаться, гореть, визжать и падать замертво! Я так обрадовалась, что чуть ли не захихикала от счастья. Никогда бы не подумала, что я такая кровожадная.

Пока я радовалась, многие твари смогли подобраться на расстояние, достаточное для арбалетного выстрела. Но команды «Выстрел!» я не слышала, и кто-то самостоятельно начал стрелять, а кто-то остолбенел и ждал чего-то.

— Гвен, может быть, нужно дать команду стрелять? — задала я вопрос стоявшему неподалёку человеку, командующему обороной южной стены.

— Так неужто оно и так непонятно? — удивлённо ответил он мне, делая выстрел из лука.

— Судя по тому, что из трёх сотен человек на стене стреляют сейчас не более двух десятков, без команды не обойтись!

— Ну тогда это... Стреляем! Выстрел! — закричал Гвен.

Теперь во врага полетели сотни стрел. Молодец Гвен. Ещё чуть-чуть, и они бы до стен добрались, а ты бы так и стоял, стреляя самостоятельно, позабыв, что ты наш командир.

За арбалет взялась и я, и даже, кажется, кого-то подстрелила. Враг стал пятиться назад, но Оло сумел создать позади части тварей огромную стену огня, которая отрезала путь к отступлению неприятельскому авангарду, чем мы и воспользовались, без зазрения совести расстреливая неудачливых противников. Я уж испугалась, что от огня загорится специально пролитая смолами и посыпанная углём полоса, что должна нас выручить в дальнейшем, а никак не сейчас, но мальчик знал о её расположении и заклинание создал позади неё. Ничего непоправимого не случилось.

Хотя меткость и слаженность действий наших бойцов оставляла желать лучшего, мы всё же заставили врага отступить. Надеюсь, что так пойдёт и дальше.

Стена огня погасла, и мы увидели, что враг перегруппировался. Вперёд вышли отродья и бестии, закованные в настоящую броню! Вот это неожиданно! То есть теперь нам, кроме прочнейших хитиновых пластин, придётся пробивать ещё и доспехи? А кроме этого, у них ещё и огромные щиты в лапах были, которыми они прикрывались! Вот это уже очень и очень опасно.

Тут от Мелисанды, что по-прежнему находилась в лечебнице Марона, прибежал посыльный, сообщив мне и Гвену, что сейчас враг пойдёт в максимально интенсивную атаку, и именно сейчас нам нужно будет применить все имеющиеся в нашем распоряжении козыри. Откуда у неё была такая информация, я не знала, но задумываться об этом не было времени. В любом случае я девочка послушная, а Гвен и вовсе больше исполнитель, нежели руководитель, и команду мы собирались выполнить.

Закованные в броню и прикрытые щитами твари приближались. Мы пытались уничтожить их выстрелами из арбалетов, но это было бесполезно — слишком крепка оказалась их защита. Выручали лишь баллисты, чьи снаряды без особых проблем защиту всё же пробивали.

Твари были уже совсем рядом к стенам, и тут бестии, убрав щиты, стали выстреливать в нашу сторону пучками паутины. Несколько разумных оказались в плену липкой субстанции. Гвен молчал, пришлось кричать мне:

— Поджигайте скорее! Оло, запускай лавину!

Вскоре в пропитанную смолой и щедро посыпанную углём землю полетели горящие стрелы, а юный чародей активировал ловушки, которые я назвала лавинами. На скалах, сжимающих с двух сторон ущелье, мы закрепили множество валунов, что спокойно лежали до нужного момента. Теперь с помощью магии удерживающие груз канаты были срезаны, и несколько тонн камней полетели вниз.

Никакая броня тварям не помогла. Они гибли десятками, сбитые с ног и покалеченные камнепадом. Жаль, затаскивание валунов наверх и их закрепление было делом очень непростым и затратным по времени, а потому мы не смогли сделать достаточное количество этих ловушек, чтобы всех тварей в ущелье похоронить под завалами.

— Чего рты разинули? Освобождайте товарищей от паутины! — крикнула я, когда увидела, что защитники стен попусту пьются на камнепад.

Огненная ловушка тем временем неохотно, но всё же разгорелась. Жаль, нет у нас напалма, или на худой конец бензина, а потому пришлось использовать солому, пух, бересту, сухую хвою, а главное — уголь и смолу, чтобы создать эту ловушку. Но и в нашей ситуации, пусть медленнее, чем хотелось бы, но ловушка сработала, и сейчас десятки тварей издавали жуткие крики, корчась от ожогов.

Тем не менее часть тварей была уже у самого рва с кольями, что находился сразу за стеной. Пришла пора задействовать последние ловушки. На длинные шесты возле самых стен мы установили тяжёлые валуны под небольшим наклоном в сторону ущелья, закрепив камни на шестах и привязав их к стене.

— Рубите верёвки! — закричала я, потому как Гвен по-прежнему молчал.

И шесты с камнями стали падать на врагов, что уже всю ломали колья во рве. Твари издавали жуткий визг, когда получали раны.

Огненная ловушка тем временем продолжала гореть, не пропуская новых арахнидов на нашу сторону и поджаривая тех, кому не повезло оказаться в её центре. Ветер, к сожалению, дул сегодня в нашу сторону, а оттого не только ущелье наполнялось едким дымом, в котором

задыхались твари, но и часть его летела на стены, затрудняя дыхание обороняющимся.

— Оло, ты можешь изменить направление ветра, а лучше вовсе его убрать, чтобы дым не покидал ущелья?

— Вообще могу, но сейчас нет. Манна кончилась. Но я два зелья разом выпил, что дядя Марон дал. Они хорошие, через половину десятины смогу.

— Жаль. Это долго. Прогорит всё к тому времени.

— Ничего не могу поделать. Такое заклинание много манны съест.

— Понятно.

Обидно. Было бы здорово использовать дым в качестве химического оружия и попросту заморить тварей в ущелье. Я почему-то не догадалась о подобном способе убийства до того, как мальчик истратил манну. Надеюсь, он восстановит энергию до того, как уголь, трупы тварей, листва и прочая органика перестанут падать.

Тем временем уцелевшие бестии продолжали выстреливать в нас пучками паутины. И пусть они создавали подобным образом проблемы, временно выводя из строя наших бойцов, во время стрельбы они становились уязвимы сами, оголяя и подставляя под выстрел толстое брюхо. Этим мы и пользовались, отстреливая противника одного за другим.

Одному из бойцов паутина облепила верхнюю часть тела. Он запаниковал, споткнулся о парапет и упал со стены прямо в лапы противника. Думаю, что дальнейшая его судьба понятна.

Не знаю, как на северной стене, но вот на нашей, несмотря на глупую смерть запаниковавшего бойца, оборона шла на мой взгляд отлично. Ведь это была первая жертва с нашей стороны. И пусть оборона только началась, мне уже было понятно, что мы подготовились не просто хорошо, а выжали из имеющихся у нас ресурсов максимум! Мне было приятно так думать, ведь в этом была и моя заслуга.

Тем временем бой продолжался. Подставлялись под выстрелы только бестии, а вот отродья были наглухо закрыты доспехами и с ними справлялись только баллисты, которых на стене было не слишком много — всего лишь три десятка. Поэтому твари уже изломали все колья во рве и, не сумев дотянуться до верха стены, выстраивались возле неё в подобие пирамиды, забираясь друг другу на спину.

— Ну что вы стоите? Тут ведь сами духи предков велели лить на врага кипящий рыбий жир и смолу! Или вы это варево сожрать после боя собираетесь?

Обороняющиеся после моего крика засуетились и стали выливать в выстраивающихся врагов раскалённые в специальных котлах жидкости.

Назвать то, что витало сейчас в воздухе запахом, язык не поворачивался. Это была нестерпимая вонь! Дым разъедал глаза и ноздри, неприятно смердели горячей плотью твари, а вдобавок к этому жутко вонял кипящий рыбий жир, да и смола в таких количествах пахнет не приятной лесной свежестью, а скорее напоминает запах какой-то химии. В общем, меня чуть не стошнило.

Смола в котлах тем временем закончилась, и твари вновь стали выстраиваться пирамидой, чтобы забраться на стену. Но положение спасла Шиара, что была неподалёку от меня, выстрелив горячей стрелой в одну из тварей, покрытых раскалённой смесью смолы и рыбьего жира.

Горячая смесь быстро запылала, обжигая врагов и не давая им действовать чётко и слаженно. Отродья бросали щиты и пытались отступить, подставляя незащищённые части тел. В спины им мы выпускали болты, стрелы и снаряды из баллист.

Я уже обрадовалась, что нам удалось вновь заставить врага отступать, но тут будто назло мне отступающие враги остановились, развернулись к нам и вновь принялись взбираться друг на друга, не обращая внимания на охвативший их огонь. Они будто мгновенно потеряли страх и перестали ощущать боль и стали действовать слаженно, как единый механизм.

Мне это не понравилось, поэтому, в очередной раз не дождавшись команды от Гвена, который, похоже, забыл, что является не рядовым арбалетчиком, а нашим командиром, я скомандовала:

— Стреляйте, недоумки! Живее! Что вы возитесь, как навозные жуки? Выстрел! Из всего, что есть! Растяпы! Ленивые и вонючие кворки, что же вы команды постоянно ждёте? Атакуйте! Снарядами из баллист, стрелами из луков, болтами из арбалетов! Лейте смолу, если ещё осталась, живее! Иначе они заберутся на стены!

Вновь помогло. Бойцы ускорились и иногда даже так изворачивались, что попадали стрелами и болтами меж пластин доспехов, пробивая затем хитиновую броню. Погибло сразу несколько десятков противников. Применив кнут, я решила дать и пряник:

— Отлично! Так держать! Отправьте их туда, где им самое место!

После этого даже Мэнди Ванди Мо стал попадать во врага. Чудо!

Ветер тем временем совсем затих. Правда, это была не заслуга Оло. Просто Стрибог, или кто тут у местных за ветер отвечает, решил немного передохнуть. А нам это было на руку! Даже здесь на стенах мы с трудом дышали, а что уж творилось в ущелье... Арахниды затушили пламя огненной ловушки, но дыма от этого стало, наоборот, в разы больше! Ух, не завидую я нашим врагам. Кровь у них красная, а, следовательно, есть и гемоглобин. Это значит, что угарный газ прекрасно его свяжет, и арахниды начнутдохнуть даже без нашего участия. Нужно было лишь немного им помочь.

— Нужно добавить дымка! Отравим тварей! Стреляйте зажжёнными поленьями, ветками, всем, что горит, живее!

Со стен звучали одобрительные крики. Похоже, мне удалось пробудить кровожадность у защитников.

Но ничто хорошее не может длиться вечно, и на стены всё же стали влезать первые враги. Из непроглядного дыма прямо рядом со мной выскочило исчадие и уже замахивалось лапами, чтобы ударить меня.

— Мама... — непроизвольно вырвалось у меня.

После этого тварь как-то сразу потеряла весь пыл и рухнула на брюхо. Как оказалось, это Гвен зарубил её клевцом.

— Я должна признаться, Гвен. Ты просто отвратительный командир, но прекрасный телохранитель!

— Что поделать, миледи. Я не просил назначать меня командиром — не умею я командовать. Просто никого другого с моим боевым опытом для назначения на южную стену и вовсе не нашлось. А вот телохранителем я проработал несколько лет.

Тем временем ещё несколько тварей выскочили на стены, и мы начали нести серьёзные потери. Исчадия, забравшись на стены по спинам отродий, играючи разрывали на куски наших новобранцев, которые за время недолгой подготовки научились в лучшем случае крепко держать в руках копьё.

Но после некоторого замешательства, поняв, что никто кроме них с врагами не разберётся, бойцы стали смелее атаковать неприятеля и всё же победили.

Больше никто не спешил забраться на стену, и, закашлявшись от дыма, я поняла, отчего. Похоже, наша доисторическая химическая атака оказалась успешной! Но я не питала иллюзий насчёт того, что в дыму погибнут все арахниды. Ущелье тянется довольно далеко, и оно всё было черно от врагов, когда они напали. Дымом заволокло лишь несколько сотен метров пространства от стены. Да, там должно сдохнуть много тварей, даже больше, чем мы уничтожили. Но это лишь малая часть от их общего числа.

Не хотелось бы пустить их дальше стен, ведь у нас довольно удобное расположение и мы подобно трём сотням спартанцев способны малыми силами сдерживать противника. Но если он хлынет через стены, из-за чего мы непременно погибнем, и с чем я уже заочно смирилась, то дальше не будет столь удобных мест для обороны. И вся Эйлония, а может, и вообще весь континент обречены будут на поражение в борьбе с гигантскими пауками и насекомыми.

Воспользовавшись затишьем, мы отправили гонца на северную стену, чтобы узнать, как у них идут дела. Вернувшись, гонец доложил, что обстоит всё примерно, как и у нас, и они тоже травили врага дымом благодаря тому, что прекратился ветер. Да, при распределении солдат им не досталось мага, зато у них был Грюнт. Кроме того, что он сам в одиночку с лёгкостью справлялся даже с самыми опасными тварями, он был ещё и прекрасным командиром, в отличие от меня и тем более от Гвена.

Посыльных мы отправили также к Мелисанде и Саяну. Мелисанда передала, что под покровом дыма к нам приближается десяток особо крупных тварей, которым не страшен дым и стрелы, и их будет нелегко победить, а мелкие твари, что были в дыму, сдохли, за исключением тех, что успели отступить. Саян передал, что твари вовсю атакуют побережье, среди обороняющихся значительные потери, но сейчас они добивают остатки врага, а на горизонте маячит ещё два корабля с противниками, которых бить уже нечем. Это плохо, но отправить помощь ему мы не можем, ведь бойцов в резерве (спасибо Каварлу) у нас нет.

Вскоре я даже не услышала, а почувствовала шаги. Похоже, приближающиеся твари в самом деле были гигантскими, раз от их шагов были подобные вибрации. И всё же я не могла понять, откуда Мелисанда знала о них? Она что, перед родами будущее научилась видеть?

И тут в дыму, в полутора сотнях метров от нас я увидела очертания этих существ.

— Оло, ты ведь был здесь восемь месяцев назад во время предыдущей обороны. Вам встречались подобные твари?

— Ага. Была одна. Её наш король застрелил, из баллисты. Крепкая была. Саян её потом трицератопсом называл.

— Значит, баллисты пробивают их защиту?

— Не-а. Он в глаз ей попал. Но эти баллисты Саян доработал. Наверное, должны пробить.

— Ясно. Тогда огонь по гадам!

Залп вышел недружным. Кто-то выстрелил раньше, кто-то позже, но главным было не это. Огромные твари надрывно загудели, когда в них попали первые стрелы из баллист, но они продолжали на нас двигаться.

— Да! — закричал Оло. — Ранили гадов. А в тот раз не могли шкуру пробить.

Воины спешно перезаряжали боевые машины для следующего залпа. И успели как раз в тот момент, когда трицератопсы, как их обозвал мой земляк, подошли вплотную к стене. Да, сходство с динозаврами явно есть, но существа из мелового периода были значительно

мельче этих тварей, если мне не изменяет девичья память, примерно трёх метров в высоту. Эти же... Тут где-то десять. В любом случае, они выше наших стен и могут одинаково успешно что перелезть через них, что разломать на камни.

Но сделать им этого не дали. Многочисленные стрелы, выпущенные мощными баллистами, убили девять тварей. Десятую добил Оло, выпустив ей в глаз яркий луч из посоха, похожий на лазерный. Динозавр завалился на землю вместе с собратьями.

— Там ещё идут! — крикнул Гвен.

И действительно, дым уже рассеивался, и мы увидели приближение тысяч исчадий. Они не торопились, шли медленно, будто были уверены в скорой победе. Их было очень много.

— Оло, сходи на северную стену, помоги Грюнту, — услышала я знакомый голос за спиной. — Я бы и сам сходил, но мне сейчас тяжело передвигаться, поэтому я буду здесь.

Я, Оло, Шиара и ещё несколько бойцов недоумённо смотрели на Марона. Причиной нашего недоумения, однако, было не его внезапное появление, а внешний вид. Его лицо и одежда были окровавлены, а из затылка сочилась сукровица. Голос его был слаб, а сам он пошатывался, будто едва стоял на ногах. Рядом с ним находилась его сестра, котоая помогала ему стоять на ногах. На затылке его было прилеплено нечто... Больше всего это походило на плод дуриана с шипами длиной сантиметров по десять, торчащими в разные стороны.

— Марон, что с тобой? — не удержалась я от вопроса, несмотря на приближение тварей.

— Это неважно. Важно то, что я понял, как контролировать тварей. Жаль, что это можно будет проверить лишь раз. Затем стратег почувствует меня и либо убьёт, либо возьмёт под контроль, либо просто закроет. Поэтому будьте готовы убить меня.

— Я пойду? — спросил у меня Оло.

— Что? Да, мальчик, иди, — неуверенно ответила я.

— После этой атаки последующие будут незначительными. Самой сильной должна была быть первая, но он почему-то поменял план на ходу.

— Кто — он?

— Стратег. Очень интересная тварь, с крепко развитыми тактическими и стратегическими навыками и просто невероятными, в сравнении с другими тварями, способностями по контролю себе подобных. Он может управлять другими особями также, как артист управляет марионетками, видеть их глазами и слышать ушами.

— Ты прямо пугаешься, когда говоришь о нём. Вы же уже сталкивались и с тварями страшнее, Марон? Мы вот незадолго до твоего прихода огромных чудовищ прикончили.

— Остальные твари, как бы они не выглядели, слабы в сравнении с ним. Поэтому да, я боюсь. Не только за себя. Никто из жителей Триала ещё не пережил встречи с ним.

— Он что, один на весь рой? Может быть, если его убить, то прекратиться наступление...

— Нет. Если я правильно чувствую, то их трое. Один рядом, а двое очень далеко. Даже если убить всех стратегов, это хоть и ослабит рой на какое-то время, но не остановит. Через несколько лет они вырастят новых. А теперь, Елена, приготовься убить меня, если он возьмёт меня под контроль.

Я не понимала, откуда на затылке лекаря появилась эта опухоль, но понимала, что благодаря ей он как-то чувствует тварей.

Тем временем исчадия сократили расстояние между нами, оставив меньше сотни

метров, и когда в них полетели первые снаряды, со спокойного шага перешли на спринтерский бег, ловко обходя туши убитых собратьев и камни. После в мгновение ока они оказались возле стены, стали запрыгивать друг на друга, но перелезть на стену не успели.

Марон закрыл глаза. Не знаю, что он делал и чувствовал, но твари замерли на пару секунд, а затем вовсе принялись атаковать друг друга, словно заклятые враги!

Если до этого момента мы убивали врагов десятками, жгли, а затем травили дымом сотнями, то сейчас началась настоящая мясорубка, в которой за несколько секунд друг друга уничтожали одновременно тысячи противников. Это было завораживающее и одновременно ужасное зрелище.

А рядом со мной стоял Марон, смотреть на которого было ещё страшнее. Он уже не мог стоять на ногах, и сестра уложила его на бок, подложив под голову тряпки. Его била дрожь, по лицу текли настоящие ручейки пота, изо рта шла пена, а мышцы были напряжены так, что он был похож на натянутую струну.

Я вновь посмотрела на поле боя и увидела, что оставшиеся в живых твари замерли будто статуи и прекратили братоубийство. Затем Марон издал громкий стон, после чего тело его расслабилось и осело, будто сдувшийся пузырь, а выжившие твари отступили вглубь ущелья.

Вдали, в стане врага, едва различимые, мельтешили тёмные фигурки, готовясь к очередной атаке. Похоже, сейчас они перегруппируются и пойдут в новую атаку. Последнюю.

Радует лишь то, что я похоже, доказала сама себе и окружающим, что я не хуже мужчин. По крайней мере, чем Гвен. Мечты сбываются! Думаю, отец бы мной гордился. Жаль, что мне, похоже, вскоре после исполнения мечты придётся погибнуть.

Глава 24 Каварл. Апофеоз войны.

Защити Первоййцо твоих детей, радость им даруй нетленную, а врагов народа высшего навеки ослабь. Пусть враги слезами умоются, а облачённый в сие одеяние высший здрав будет долгие годы... (молебен из Кодекса катарянцев для подготовки традиционного одеяния).

Бегать у Корто получалось прекрасно. Я надеялся нагнать его через два-три дня, но моим надеждам было не суждено сбыться. К счастью, пока нам удавалось определить направление, в котором он движется. В каждом поселении, в которое мы входили, он оставлял те или иные следы. У него не осталось армии, как и контроля над страной. Я не дам ему времени собрать новое войско, а значит, путь у него лишь один — бежать из страны.

Но Корто слишком изнежен и избалован, чтобы убежать налегке, а затем в каком-либо государстве зажить жизнью рядового гражданина, начав всё с нуля. А значит, он постарается забрать с собой казну, чтобы жить, ни в чём не нуждаясь, до конца своих дней. Пусть я не знаю всех изменений и новшеств, что устроил Корто, пока правил страной, но я точно знаю, что казна находится в столице. А в столицу я должен войти в любом случае, чтобы объявить о том, что страной теперь правлю я. Поэтому путь ненавистного мне катарянца, а значит, мой путь и путь основной части оставшегося войска лежит туда.

Кстати, о войске. В подземных хранилищах Драгрича нашлось достаточно золота, доспехов, бронзы, оружия, чтобы расплатиться с оставшимися в живых орками. После получения платы они покинули меня, отправившись на родину. Покинула меня и большая часть выжившего после боёв войска из центра мира. Тимурлинам, не участвовавшим в покушении на меня, я доверять не мог и отослал их прочь. Наги попросили вернуть их воинов из-за возникших проблем в центре мира. Вернул я и остальных воинов, что пришли со мной из тех краёв, ибо содержание их обходится ежедневно в круглую сумму, при том, что необходимость в их услугах уже исчезла. Всех, за исключением гоблинов. Уцелевшие полтысячи зеленокожих коротышек воспылали братской любовью к Паду, что командовал ими во время сражений, и загорелись желанием продолжить свой жизненный путь рядом с ним.

Хлорий я тоже отпустил, даровав им обширные плодородные земли. Олодцы под командованием Джанга отправились обратно в Олод, освобождать от захватчиков утерянные ранее земли на севере и востоке. Рикс с пятью тысячами примкнувших ко мне катарянцев остался наводить порядок в окрестностях Драгрича, дабы сбежавшие воины Корто не творили там непотребств, оставшись без командования. Таким образом, со мной осталась тысяча выживших эйлонцев, две тысячи уцелевших заключённых, два десятка наг, что согласились стать моими личными телохранителями и остаться жить в столице, получая солидное жалование, тридцать тысяч катарянцев и Джакс — подросток орк, что спас меня. Он тоже соизволил стать моим телохранителем за достойную плату, а я пообещал отпустить его, когда он этого пожелает. Думаю, через несколько лет он вернётся на родину возмужавшим и разбогатевшим.

Подумав немного, эйлонцев я тоже отпустил, велев спешно возвращаться на родину, ввиду того что скоро в их краях объявится рой, который им и предстоит задержать до моего возвращения.

Мы постепенно приближались к столице, и я очень надеялся застать Корто там, а не

гоняться за ним потом по всему белому свету, но мне неожиданно повезло. Мы вошли в смутно знакомую мне деревню. Покопавшись в памяти, я вспомнил, что именно здесь когда-то я взял на службу двух рыбаков, что позже казнил Корто, отрубив им головы. Казнил он не только их самих, но и их семьи приказал найти и вырезать, что и было сделано. В деревне рыбаков любили. Мы, катаряны, любим есть рыбу, но не любим ловить, ведь приходится иметь дело с водоёмами, от которых исходит прохлада, а оттого рыбаки, как правило, пользуются уважением.

Так уж вышло, что в этой деревне располагается удобная пристань, где, сев на лодку, можно переправиться на противоположный берег. Вот и Корто, не задумываясь о содеянном, хотел переправиться здесь на захваченную катарянами часть Олода, а уже оттуда бежать куда-то дальше. Что касается казны, так он не отправился за ней в столицу, а, видимо, отправил почтовых птиц доверенным сородичам, чтобы золото из столицы ему доставили прямо сюда. Вот как он заботился о благе родины? Уничтожив её армию и украв казну? Честно говоря, меня это разочаровало. Если раньше я просто ненавидел Корто, который отобрал у меня то, что по праву моё, и желал ему смерти, то теперь ещё и презирал.

Жители хорошо запомнили то, как с ними обошёлся Грульдос, и когда он появился здесь с крошечным отрядом, жители деревни узнали его и тут же наказали.

Труп Корто, как и несколько трупов его стражников, валялся в луже крови, которую уже пила тройка подошедших эйхо. Эти всеядные твари и его съедят, если ничего не предпринять. Я и не собирался. Да, я хотел встречи с ним один на один, сразиться в честном бою перед толпой зрителей, окончательно доказав своё превосходство. Но не всегда в жизни случается то, чего хочешь.

Крестьяне испуганно глядели на меня и моё войско, боясь, что я буду мстить, не до конца понимая, кто я и зачем сюда пришёл. Я рассказал им, поблагодарил, забрал обозы с казной, щедро отсыпав из неё местным и отправился в столицу.

Может показаться, что мне теперь нечего там делать, да и я сам так думал, но Кодекс однозначно даёт ответ на этот вопрос. Это был конец войны, хотя и предстоит ещё заручиться верностью наместников, уничтожить несогласных и предателей. А окончание войны Кодекс велит отпраздновать, даже если идёт другая война. Сейчас я был готов отдать всё, лишь бы этого пункта в Кодексе не было — ведь меня ждали в Эйлонии, и каждая десятая промедления грозит неприятными последствиями, а мне предстоит задержаться минимум на неделю.

Дворец на холме. Бертол. Место, где я родился и вырос. Место, откуда правят Империей. Наконец-то я был дома, но задержался здесь ненадолго. Уничтожил родственничков Корто, засевших здесь, на следующий день объявил праздник по всей стране, длившийся три дня и три ночи. Возлёг с тремя прекрасными катарянками, которых объявил своими жёнами. Через год они отложат яйца, из которых на свет появятся мои дети. А чтобы дети жили достойно, мне предстояло сделать важное.

Теперь нужно было отправляться в Эйлонию. Но прежде, чем я успел это сделать, ко мне подошёл Эсмир — катарянец, с которым я переправлялся через горы и которого поставил руководить дворцом и столицей во время моего отсутствия.

— Ваше императорское величество! Подождите! Я только начал вникать во все дела и выяснил! К Корто приходил вестник и ещё много... Долго объяснять, но в общем, он принял гостей и поселил их неподалёку от столицы. Они хотят есть и хотят переговорить с новым правителем! Вам лучше самому их увидеть и с ними переговорить!

— Эмир, я начинаю сомневаться, что правильно поступил, назначив тебя главой столицы. Ты что, идиот? Корто — мерзавец, каких ещё мир не видывал, но я не думаю, что он мог настолько угробить нашу великую империю за столь короткий промежуток времени, что мы не можем накормить гостей! Накорми их! Гости нашей Империи не должны нуждаться ни в чём, а тем более голодать. А поговорю я с ними в другой раз, ведь сейчас меня ждут более неотложные дела!

Сразу после разговора я во главе войска, с которыми пришёл в столицу, двинулся на юг. Большая часть войск отправилась по суше, ну а я с небольшим отрядом поплыл по реке, ибо этот путь был короче. Остальная часть войска нагонит нас позже. Мы сплавились по Изумрудной до бывшей столицы Олода. Теперь и олодские земли, и катаринские были одним государством со столицей в Бертоле. После мы двинулись дальше на юг уже по суше.

Через несколько дней мы оказались на побережье Глади, готовые переправиться через неё в Эйлонию. Тут нас встретило войско эйлонцев, что я отпустил какое-то время назад.

— Что такое? Почему вы ещё здесь? — спросил я у командира эйлонского войска. — Вы давно должны были переправиться на другой берег и оборонять земли от врага! Как ты смел меня послушаться?

— Ваше императорское величество! — обратился ко мне командир, встав на колени, — я не хотел! Мы прибыли сюда две недели назад и сразу же собирались переправиться! Но у нас ничего не вышло! В общем... Мы потеряли немало воинов, но у нас ничего не вышло. Стоит нам приблизиться к противоположному берегу, как нас тут же атакуют твари! Вот мы и задержались здесь — плоты готовим, чтобы всем одновременно переправиться и всыпать гадам как следует.

— Что? Не может этого быть!

Я решил воспользоваться подарком Джереми и осмотреть противоположный берег с помощью могучего артефакта. Я поднёс его к глазам.

На противоположном берегу происходило нечто невообразимое. Десятки, сотни и даже тысячи арахнидов самых разных форм, самых замысловатых размеров сновали по противоположному берегу. Всё-таки я опоздал...

Начал лить дождь. Далеко на горизонте сверкнула молния. Спустя несколько мгновений я услышал гром. Я ещё раз взглянул на командира эйлонского отряда и на этот раз заметил, что он исхудал, лицо его осунулось, волосы слиплись, а одежда была испачкана. Нет, он не был виноват ни в чём.

Будь неладен Кодекс с его идиотскими требованиями! Зачем мы отмечали победу? Зачем сунулись в столицу? Если бы не эти глупости, то я бы успел. Кто вообще создал этот сборник бредовых мыслей? Всё! Я уничтожу этот вздор! А затем издам свой собственный сборник правил, по которым будет жить Империя. Теперь я точно понял, что это необходимо. И пусть этому противятся богатые и бедные, молодые и старые, пусть это многим не понравится, но я сделаю это. Я сотру в порошок этот пережиток прошлого, из-за которого потерял Эйлонию. Где-то там, на том берегу, из-за куска бумаги погибли Мелисанда, Саян и все, кого я знал в этом краю, кто мне доверился, а я не успел встретиться с ними из-за дурацкой книжки.

Теперь я понял, с чем связаны все мои былые неудачи — я разрывался между необходимостью жить по Кодексу, жаждой вернуть трон и внутренним голосом. Думаю, что, если убрать один из элементов, разрывающих меня на части, то жить станет чуточку легче. Решено! Я уничтожу Кодекс, ибо я получил власть благодаря следованию цели, благодаря

тому что приближался к ней каждый день небольшими шагами, а не благодаря какой-то писанине. Я уничтожил Корто, уничтожу и Кодекс. Да будет так!

Больше книг на сайте - Knigoed.net